

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РАНОК

Т. В. Надозирная, Н. С. Полулях

Интегрированный курс

ЛИТЕРАТУРА

(РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ)

7

Т. В. Надозирная, Н. С. Полулях

Интегрированный курс
ЛИТЕРАТУРА
(РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ)

Учебник для 7 класса
общеобразовательных учебных заведений
с обучением на русском языке

Рекомендовано Министерством образования и науки Украины

Харьков
Издательство «Ранок»
2015

УДК [82:37.016](075)=161.1

ББК 83.3(0)я721

Н 17

Рекомендовано Министерством образования и науки Украины

(приказ Министерства образования и науки Украины

от 20.07.2015 № 777)

Надозирная Т. В.

Н 17 Интегрированный курс «Литература» (русская и зарубежная) : учеб. для 7 класса общеобразоват. учеб. заведений с обучением на рус. яз. / Т. В. Надозирная, Н. С. Полулях.— Харьков : Изд-во «Ранок», 2015.— 240 с. : с ил.

ISBN 978-617-09-2484-1.

Учебник создан в соответствии с действующей учебной программой для общеобразовательных учебных заведений с обучением на русском языке «Интегрированный курс «Литература» (русская и зарубежная)». 5—9 классы» (руководитель авторского коллектива — Исаева Е. А.). В нем представлены рекомендованные Программой художественные произведения, очерки о жизни и творчестве писателей, приводятся необходимые сведения по теории литературы. Прослеживаются связи литературы с другими видами искусства (живописью, музыкой, кино), выявляются межнациональные литературные контакты. Лучшему усвоению прочитанных произведений способствует система разноуровневых вопросов и заданий, богатый иллюстративный материал. Учебник структурирован в соответствии с тематическим и жанровым принципами.

Предназначен для учеников 7 классов общеобразовательных учебных заведений с обучением на русском языке.

УДК [82:37.016](075)=161.1

ББК 83.3(0)я721

Для пользования электронными приложениями к учебнику
зайдите на сайт
interactive.ranok.com.ua

Служба технической поддержки:
тел. (098) 037-54-68
(понедельник—пятница с 9⁰⁰ до 18⁰⁰)
E-mail: interactive@ranok.com.ua

ISBN 978-617-09-2484-1

© Т. В. Надозирная, Н. С. Полулях, 2015

© ООО Издательство «Ранок», 2015

Дорогие школьники!

В седьмом классе вы продолжите знакомство с миром литературы, читаете произведения разных авторов, стран и эпох, узнаете о литературных традициях, взаимосвязях украинской литературы и мировой, взаимодействии разных видов искусств. Мы старались подобрать для вас интересные сведения о писателях и их творчестве, занимательные факты из истории создания произведений, шедевры живописи и книжной иллюстрации.

Учебник состоит из разделов: «Введение. О книге, писателе, читателе», «Из устного народного творчества», «Баллада в литературе», «Из золотого фонда русской литературы», «Рассказ и новелла», «Фантастика и романтика».

Стать вдумчивыми читателями, глубже понять произведения словесности вам помогут задания, которые объединены в такие рубрики:

- «Осмысливаем прочитанное»;
- «Проверяем, внимательные ли мы читатели»;
- «Размышляем над текстом художественного произведения» ;
- «Комментируем высказывание специалиста»;
- «Учимся сравнивать»;
- «Высказываем мнение»;
- «Читаем выразительно»;
- «Реализуем творческие способности»;
- «Готовим проект»;
- «Подводим итоги».

В учебнике вы встретите следующие условные обозначения:

- — *задание повышенной сложности*;
- — *задание для групповой работы или работы в паре*;
- — *задание, для выполнения которого нужно осуществить информационный поиск на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua или в библиотеке*;
- — *задание на выбор*.

В конце учебника вы найдете «Словарь литературоведческих терминов». Обращайтесь к нему во всех случаях, когда вам потребуется уточнить то или иное понятие, вспомнить изученное прежде.

На форзацах учебника помещены «Памятки»: «Как подготовить пересказ текста», «Как читать выразительно», «Как составлять план текста», «Как писать сочинение-рассуждение», «Как писать отзыв о художественном произведении (книге, кинофильме и др.)», «Как работать над проектом» и другие. «Памятки» пригодятся вам во время работы в классе и дома.

Желаем вам новых открытий и ярких впечатлений во время знакомства с сокровищами русской и мировой литературы!

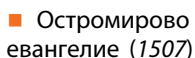
Авторы

Почему людям интересны книги? Наверное, потому, что главный объект изображения художественной литературы — человек с его заботами, переживаниями, мечтами, надеждами. Именно в художественных произведениях поднимаются самые важные и сложные — «вечные» вопросы: что такое добро и зло, в чем смысл жизни, почему мир устроен так, а не иначе. Различные науки изучают человека, но каждая из них интересуется какой-то одной стороной его жизни. Анатомия исследует строение человеческого тела, история — события общественной жизни, психология — работу человеческого сознания. И только литература описывает человека во всей полноте, рассказывая о его взаимоотношениях с другими людьми, с миром, с самим собой.

Великий французский ученый и философ Рене Декарт говорил: «Чтение хороших книг — это разговор с самыми лучшими людьми прошедших времен, и притом такой разговор, когда они сообщают нам только лучшие свои мысли». Действительно, книги дают возможность каждому из нас познакомиться с самыми умными и талантливыми людьми всех времен и народов. Ведь наиболее полно личность автора отражается в его произведениях. Именно в своих книгах величайшие писатели и поэты рассказывают о самых важных вещах: любви, дружбе, истине, жизни и смерти. Поэтому каждое произведение литературы открывает нам душу его автора, отражая его взгляд на мир и отношение к самым главным вопросам жизни.

«Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели, — писал Самуил Маршак. — Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением

Хороший художественный перевод подразумевает не просто переложение текста на другой язык, но и сохранение авторского уникального стиля, литературных традиций того народа, на языке которого написан оригинал. Вы в этом убедитесь, когда прочитаете стихотворение «Перчатка» немецкого поэта Фридриха Шиллера в переводе Василия Жуковского.

Переводная литература сыграла огромную роль во взрослении и развитии нашего народа. Когда восточные славяне только обзавелись письменностью, основную часть литературы составляли переводы византийских и болгарских книг. Освоение чужого культурного богатства стало толчком для развития древнерусской литературы, а позже послужило фундаментом и для более молодой украинской художественной словесности.

СЛОВО — ПЕРЕВОДЧИКАМ

- **Самуил Маршак:** «В слове «перевод» мы ощущаем нечто техническое, а не творческое. Пожалуй, оно вполне оправдывает себя в тех случаях, когда относится к переводу документа, письма или устной речи с одного языка на другой. Иное дело — художественный перевод, немыслимый без затраты душевных сил, без воображения, интуиции, — словом, без всего того, что необходимо для творчества».
- **Нора Галь:** «Бережно сохранить и передать подлинник во всей полноте и многообразии, передать все оттенки мысли, чувств, стиля можно только отходя от буквы, от дословности, только средствами и по законам нашего языка. Иначе говоря, как очень точно сказал еще Пушкин, то, что выразил на своем языке иностранный автор, надо перевыразить по-русски».
- **Иван Бунин:** «Не слова нужно переводить, а силу и дух».

Осмысливаем прочитанное

1. Писатель Максим Горький назвал литературу человековедением. Как вы думаете, почему?
 2. В статье учебника приведены высказывания писателей, ученых о литературе и чтении. Какое из этих высказываний вам показалось наиболее убедительным? Какое из них вы могли бы оспорить?
 3. Докажите на примере известного вам литературного произведения (сказки, басни, стихотворения), что в центре внимания автора всегда находится человек.
 4. Приведите примеры художественных произведений, в которых отразились личность автора, его взгляды на мир.
 5. В чем основное отличие между оригиналом и переводом?
 6. Что такое художественный перевод?
 7. Назовите произведения литературы, которые вы читали в оригинале.
 8. Какие произведения вы читали в переводах?
- Что, на ваш взгляд, привлекает читателей в произведениях литературы? Зачем люди читают книги?
- Какими знаниями должен обладать переводчик? Почему одно и то же произведение существует в разных переводах?

Раздел II ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

РУССКИЕ БЫЛИНЫ

Фольклор — сокровищница народного творчества. В фольклорных произведениях воплощена многовековая мудрость. Именно поэтому пословицы, сказки и легенды, созданные несколько столетий назад, интересны и актуальны до сих пор. Как и все художественные произведения, фольклорные тексты делят на эпические, лирические и драматические. Самую большую группу составляют эпические произведения, в которых изображены события, люди и их поступки. Одним из самых известных фольклорных эпических жанров является былина.

Былина — народный песенный эпос о богатырях и их подвигах.

Первые былины сложились еще до крещения Руси, в языческие времена. Их героями являются Святогор, Микула Селянинович, Вольга. Однако большинство дошедших до нас произведений возникло в период с XI по XIII век. Их родиной были киевская, черниговская, галицко-волынская, росто-во-суздальская земли.

Во многих былинах рассказывается о молодой удали и подвигах богатырей: битвах с врагами, путешествиях в дальние страны или в иной мир. Противниками богатырей чаще всего выступают чудовища (Соловей-разбойник, Змей, Тугарин Змеевич, царь Калин), полчища вражеских войск, а иногда и правитель родного края (князь Владимир).

Богатыри воплощают самые высокие народные идеалы: патриотизм, мужество, силу, сдержанность, справедливость, смекалку, широту души.

Один из таких героев — популярный былинный персонаж Илья Муромец, уроженец села Карачарова, что под городом Муромом. Согласно былинам, Илья вырос в крестьянской семье и из-за болезни «сидел сиднем на печи 30 лет и три года». Однажды к нему в дом пришли странники — «калики перехожие». Они исцелили Илью, наделив его невиданной силой. Бесстрашный богатырь начал служить городу Киеву и князю Владимиру, победил Соловья-разбойника, царя Калина и Идолище поганое.

Еще один любимый былинный герой — новгородский гуслиар и купец Садко. Былина о Садко делится на три части. В первой герой поражает мастерством игры на гуслиях морского царя и получает от него совет, как разбогатеть. Во второй он бьется об заклад с новгородскими купцами, что сможет купить все товары Новгорода. В третьей путешествует по владениям морского царя, в пучине вод. В Садко сочетаются русский размах, удаль и бесстрашие.

Былины имеют несколько характерных особенностей. Действие в них развивается неторопливо, что придает ему торжественность. Для замедления действия используются повторы (дивным дивно; эта коса, коса; из далече-далече; а приехали они да на святую Русь, / на святую Русь да и под Киев-град), нагнетания синонимов (биться-ратиться; дани-пошлины), подробные описания.

В былинах также часто употребляются постоянные эпитеты и гиперболы, при помощи которых обычно подчеркиваются черты характера или наружности персонажей, достойные особого внимания.

Постоянный эпитет — характерное для народной поэзии определение, которое устойчиво сочетается с определяемым словом и образует с ним образно-поэтическое выражение (поле чистое, море синее, жемчуг мелкий, облако ходячее, гости богатые, солнышко красное, сон богатырский).

Гипербола (от греч. *hyperbole* — преувеличение, излишек) — чрезмерное преувеличение размера, красоты и других свойств описываемого явления. Например, в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» гипербола используется при описании богатырского коня.

Внешнее единство былин выражается в стихе (названном «былинным»), слоге и языке.

Былинный стих — нерифмованный стих, каждая строка которого содержит приблизительно одинаковое количество ударений.

Сотни лет былины жили в памяти народа и передавались следующим поколениям благодаря сказителям — любителям и знатокам

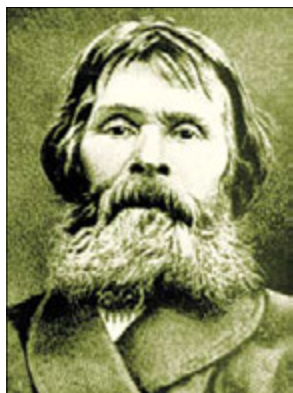
- **Богатыри** (*В. Васнецов. 1898*)

поэтического слова. Как правило, сказывание (то есть исполнение) былин не являлось их профессиональным занятием. Сказителями часто были обычные крестьяне и ремесленники.

Исполнители былин не просто воспроизводили известный им текст слово в слово. Сказывание былины — это всегда творчество, демонстрация своего художественного мастерства. Сказитель не заучивал былину наизусть, а запоминал ее основное содержание. Сказывая, он дополнял сюжет событиями или, наоборот, какие-то действия героев опускал. Так, у набожного сказителя и богатыри оказывались богобоязненными, все время осеняли себя крестом; у книгочех в текст проникали книжные обороты речи и т. п.

На Руси искусство исполнения былин нередко переходило по наследству. Одна из самых известных семей сказителей — крестьяне Рябиныны. У главы рода **Трофима Рябинина** (1801—1885) мастерство пения былин перенял его сын Иван, а у него — его пасынок, тоже Иван. Последним представителем поколения сказителей стал правнук Трофима — Петр Андреев-Рябинин.

Современному читателю былины доступны благодаря собирателям фольклора. До XVII века произведения этого жанра не собирались и не записывались. Открытие и изучение богатств русского эпоса пришлось на XVIII—XX века. Исследователи ездили по отдаленным русским губерниям и записывали былины, слушая сказителей и стараясь

■ Портрет сказителя
Т. Рябина
(Л. Серяков. 1876)

■ Вольга Всеславьевич
(А. Рябушкин. 1895)

сохранить особую манеру каждого из них. Затем тексты издавались в виде сборников. Лучшие из них — это «Собрание древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым» (1901), «Песни, собранные П. Рыбниковым» (1861—1867) и «Онежские былины» (1872), записанные А. Гильфердингом.

Былины и думы

Ученые полагают, что эпическая традиция Древней Руси нашла отражение и в украинском народном творчестве, для которого характерны **думы** — лиро-эпические произведения, исполняемые под музыкальное сопровождение. Пение дум, как и «сказывание» былин, требует особого таланта и певческой техники, поэтому думы сохранились только среди профессиональных певцов. Первое упоминание о думах найдено в хронике 1587 года польского историка С. Сарницкого.

Думы слагались в казацкой среде в XV—XVII веках и отображали исторические события той поры: войны с Польшей, борьбу с турками и татарами в степях и на Черном море, тяготы невольников, попавших в плен к врагу. С особенной любовью думы повествуют о героях, совершивших разные подвиги: Самойле Кошке, Богдане Хмельницком, Алексее Поповиче.

В думах отразились не только события отечественной истории, но и характер украинского народа — его трудолюбие, преданность родине, свободолюбие, мужество.

Рассказ о событиях в думах окрашен отношением исполнителя к происходящему и героям.

Сюжеты, образы и идеи украинских дум широко использовались в художественной литературе XIX и XX веков.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме.
Ай к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
Ай черным-черно, как черна вёрона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей.
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
Ай побил он эту силу всю великую,
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
Ай зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Ай по той по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпыя¹,
Да у той ли речки у Смородины,

¹ Покляпый — наклоненный, пригнутый книзу.

У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли-то от посвиста соловьего,
И от его ли-то от покрика звериного
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст,
Ай окольной дорожкой — цела тысяча».
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко той ли ко березе ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да лазоревы цветочки осыпались,
Темны лесушки к земле все приклонялись.
Его добрый конь да богатырский
Ай он на корни да спотыкается.
Ай как старый-то казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белую руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
Ай тут старый казак да Илья Муромец,
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,

Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковую натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал.
Он стрелил в того-то Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею¹,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному.
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да соловьиного.
Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
Ай три дочери его любимые.
Больша дочка — эта смотрит во окошечко косящато,
Говорит она да таковы слова:
«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичища-деревенщину
Да ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшка раздольицем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-ка рогатины звериные
Да бегите-ка в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Бежали-то они да во чисто поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине

¹ Со косицею — с виском.

■ Илья Муромец и Соловей-разбойник. (И. Билибин. 1940)

Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествшушкой сахáрною,
Да вы пойте его питьищем медвя́нымим,
Да й дарите ему дáры драгоценные!»
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
Ай зовут-то мужика да деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да мужик-то деревенщина не слушался,

А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
Ай Владимир-князь он вышел из Божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
Ай тут старый казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Приходил он во столовую во горенку,
На пятау он дверь-то поразмахивал,
Крест-то клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
«Ты скажи-ко, ты откулешний, дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?»
Говорил-то старый казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Муромы,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Муромы
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?»
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай ты, славный Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муроме,
Ай к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,

Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься.
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
Ай у той ли у березы у поклапои,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному.
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скорошенько вставал да на резвы ножки,
Куныю шубоньку накинул на одно плечко,
Тут он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил-то он на свой широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-ко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-ко, собака, по-звериному!»
Говорил Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорил Владимир-князь да стольнокиевский:

«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ко засвистать ты Соловью да по-соловьему,
Прикажи-ко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-ко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-ко ты во полкрика звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
Ай вели-ка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы поразбьются,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья-то князю он Владимиру:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина.
Ты не малую стопу — да полтора ведра,
Поднеси-ка Соловью-разбойнику».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному, —
Маковки на теремах покривились,
А околени во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
Что есть людюшек, так все мертвы лежат,
А Владимир князь стольнокиевский

Куньей шубонькой он укрывается.
Ай тут старый казак да Илья Муромец
Он скорешенько сажился на добра коня,
И он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых.
Тебе полно-тко спущать сиротать малых детушек!»
А тут Соловью ему и славу¹ поют,
Ай славу поют ему век по веку!

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Откуда и куда направляется Илья Муромец?
2. Какое препятствие герой встречает возле Чернигова? Как он преодолевает его?
3. Как жители Чернигова описывают Соловья-разбойника?
4. Опишите борьбу Ильи Муромца и Соловья-разбойника.
5. Как ведет себя богатырь в княжеских палатах?
6. Что приказывает князь Владимир Соловью-разбойнику? Выполняет ли его приказ разбойник?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Как характеризует Илью Муромца решение ехать прямоезжей дорогой?
2. Подумайте, почему в былине три раза повторяется описание силы Соловья-разбойника.
3. Какие качества, кроме физической силы, демонстрирует богатырь?
- * Найдите в тексте традиционные для жанра былин художественные приемы. Поясните, какова их роль.
- Как вы считаете, можно ли говорить о том, что народный богатырь противопоставлен не только Соловью-разбойнику, но и князю Владимиру? Обоснуйте ответ.

Читаем выразительно

Используя *памятку № 1*, размещенную на форзаце учебника, подготовьте выразительное чтение понравившегося эпизода². Озаглавьте его. Готовясь к чтению, обратите внимание на то, что былина читается медленно, нараспев.

¹ *Слава* — здесь речь идет не о славе как о доброй молве, а о славе как песенной форме сохранения памяти о событиях, связанных с Соловьем-разбойником.

² *Эпизод* — это законченная часть произведения, изображающая отдельное событие.

Комментируем высказывание специалиста

 Фольклорист В. Аникин в работе «Мир былин и сказок» отметил: «В искусстве былины и сказки как бы осуществилась связь времен — Древней Руси и нашей эпохи. Искусство прошедших веков не стало музейным, интересным только немногим специалистам, оно влилось в поток переживаний и мыслей современного человека». Согласны ли вы с мыслью ученого? Приведите примеры «связи времен» в современном искусстве.

ИДЕМ В БИБЛИОТЕКУ

 О былинных богатырях вы можете прочитать в былинах **«Вольга и Микула Селянинович»**, **«Садко»**. Тексты этих произведений и дополнительные материалы вы найдете на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua.

Подготовьте устный рассказ о жизни и подвигах одного из богатырей. Советуем обратиться к таким изданиям:

Русские богатыри. Былины в пересказе для детей И. В. Карнауховой;

Добрыня и змей. 10 былин. Составитель В. П. Аникин;

Українські білини: історико-літературне видання східнослов'янського епосу. Упорядкування, передмова, післяслово, примітки та обробка українських народних казок на билинні теми В. Шевчука.

Ваше представление о древнерусской литературе и о героическом эпосе разных народов расширится, если вы прочитаете эти произведения: **«Слово о полку Игореве»**, **«Задонщина»**, **«Повесть о Горе-Злочастии»**, **«Песнь о Роланде»**, **«Давид Сасунский»**, **«Калевала»**.

 Найти эти произведения вы можете в библиотеке или на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua.

ПОДВОДИМ ИТОГИ

1. Какие тексты древнерусской литературы показались вам особенно интересными? Что вы прочитали самостоятельно?
2. Какие мысли, переданные в этих произведениях, вам показались важными сегодня?

 Вы можете проверить свои знания по теме, пройдя тест на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua.

Раздел III БАЛЛАДА В ЛИТЕРАТУРЕ

Слово «баллада» произошло от провансальского¹ *ballar* — плясать. Первоначально, в средние века², на юге Франции им обозначали народную плясовую песню любовного содержания.

Примерно с XVII века баллада становится популярной в английском фольклоре. У английской народной баллады были свои жанровые признаки, отличавшие ее от французской. Самые главные из них — довольно большой объем, трагический сюжет, наличие хорового припева и диалога героев. Основные темы народных баллад в Англии — это несчастная любовь, кровавая месть, коварное предательство, страшное убийство. Персонажами произведений становились благородные разбойники (как в цикле баллад о Робине Гуде), ремесленники и другие люди невысокого звания.

Со второй половины XVIII столетия к жанру баллады начали обращаться известные поэты разных стран.

Баллада — стихотворение небольшого объема, с динамичным развитием сюжета, основой которого является необычный случай. Часто в балладе присутствует загадочное, фантастическое, необъяснимое, трагическое.

Одним из первых к жанру баллады обратился прославленный немецкий поэт, драматург и философ **Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер** (1759—1805).

Стихотворения и баллады поэта были настолько популярны, что неоднократно переводились на русский язык — некоторые до десяти раз.

¹ Прованс — историческая область на юге Франции.

² Средние века — принятое в исторической науке обозначение периода, охватывающего конец V — середину XVII века.

■ Портрет Ф. Шиллера
(А. Графф. 1793)

Поэтическое творчество немецкого поэта Фридриха Шиллера отличается философской глубиной, возвышенностью идей, благородством чувств, точной краткостью выражения мысли.

Баллада «Перчатка» — одно из самых известных произведений поэта. Своим возникновением она обязана дружескому состязанию по созданию баллад между Ф. Шиллером и другим великим представителем немецкой литературы И. В. Гете. В ходе «поединка» Гете создал баллады «Коринфская невеста», «Кладоискатель», а Шиллер — «Поликратов перстень», «Кубок», «Перчатка» и «Ивиковы журавли».

Наибольший успех у русских читателей имела баллада «Перчатка», благодаря прекрасному переводу В. Жуковского. Впечатленный этим переводом, балладу перевел и молодой М. Лермонтов.

Классик русской литературы, поэт и переводчик **Василий Андреевич Жуковский** (1783—1852) родился в селе Мишенское Тульской губернии. Его отец принадлежал к дворянскому роду, а мать была пленной турчанкой, привезенной в Россию во время русско-турецкой войны 1766—1774 годов.

Творческое дарование Жуковского проявилось еще в детстве. В 12 лет он сочинил несколько пьес для домашнего театра. Литературный вкус будущего поэта сформировался во время учебы в Московском благородном пансионе и на заседаниях «Дружеского литературного общества» — объединения поэтов и писателей, которые стремились познакомить русского читателя с новейшими достижениями европейской литературы. Русские читатели впервые узнали о Жуковском после публикации его стихотворения «Сельское кладбище»

■ Перчатка
(И. Кусков. 1955)

(вольного перевода¹ элегии² английского поэта Томаса Грея). В этом произведении обозначилась главная особенность таланта поэта — способность к оригинальной разработке чужих, заимствованных сюжетов и образов. Основные темы поэзии Жуковского — дружба, любовь, страдание, поиски смысла жизни, природа, творчество.

Жуковский-переводчик познакомил русских читателей с шедеврами английских, немецких и французских поэтов. Как автор оригинальных произведений, он способствовал развитию многих поэтических жанров — элегии, послания, литературной песни, стихотворной сказки и баллады. Его творчество оказало влияние на многие поколения поэтов, учеником Жуковского считал себя и А. Пушкин.

ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ

■ История одного портрета

Жуковский оказал неоценимую услугу украинской культуре, сыграв важную роль в освобождении от крепостного рабства Тараса Шевченко. Произошло это так.

В 1837 году Шевченко учился живописи в Петербурге. Однажды его друзья, ученики знаменитого живописца Карла Брюллова, показали своему наставнику рисунки Шевченко и попросили посодействовать освобождению талантливого украинца. Брюллов отправился к хозяину Шевченко, помещику Энгельгардту, надеясь убедить его отпустить юношу. Однако крепостник отказал художнику. Тогда в творческих кругах Петербурга было решено выкупить Тараса Григорьевича, продав полотно Брюллова. Жуковский согласился позировать художнику. Готовый портрет поэта разыграли в лотерею, а вырученные деньги уплатили Энгельгардту. По словам Шевченко, его свобода стоила 2500 рублей ассигнациями.

Сейчас этот портрет хранится в Государственной Третьяковской галерее Москвы. Поэт смотрит с полотна на зрителя, слегка наклонив голову. Его облик полон серьезности и доброты, взгляд — тихой сосредоточенности и умиротворения. По мнению современников, этот портрет наиболее точно отражает не только внешность, но и характер Жуковского.

■ Портрет В. Жуковского
(К. Брюллов. 1837)

¹ Вольный перевод — перевод, передающий общее содержание произведения.

² Элегия (греч. *elegeia* — жалобная песня) — стихотворение, проникнутое настроениями грусти, светлой печали.

Одной из самых известных баллад В. Жуковского считается «Светлана», которая была признана поэтическим шедевром почти сразу же после публикации.

«Светлана» представляет собой переработку баллады немецкого поэта Готфрида Бюргера «Ленора», основанную на европейских преданиях о мертвом женихе, забирающем к себе тоскующую невесту. Жуковский существенно изменил сюжет первоисточника. У Бюргера возлюбленный Леноры погибает в бою и восстает из могилы, чтобы увезти героиню на тот свет. У Жуковского дурные предчувствия и страшные видения оказываются сном Светланы. Стремясь создать истинно русскую балладу, поэт перенес действие из Германии в Россию, описал народные гадания, использовал народно-поэтические обороты речи, старинные слова.

Баллада посвящена и преподнесена поэтом в качестве свадебного подарка его племяннице и крестнице Александре Воейковой.

В английской литературе жанр баллады получил развитие в творчестве **Роберта Льюиса Стивенсона** (1850—1894).

Писатель и поэт Роберт Льюис Стивенсон родился в Эдинбурге — столице Шотландии, в семье морского инженера. Ребенком будущий классик литературы перенес тяжелую болезнь и в течение долгих месяцев был вынужден соблюдать постельный режим. Уже взрослым писатель вспоминал: «Детство мое — сложная смесь переживаний: жар, бред, бессонница, тягостные дни и томительно долгие ночи. Мне более знакома “Страна Кровати”, чем зеленого сада». Из-за недуга мальчик постоянно пропускал школу, поздно научился читать. Но когда это случилось, то страстно увлекся литературой, открыв для себя еще одну страну — «Страну Книг».

Стивенсон почувствовал, что его призвание — писательский труд. Как-то он признался: «В детские и юношеские мои годы меня считали лентяем; но я не бездельничал, я был занят постоянно своей заботой — научиться писать. В моём кармане непременно торчали две книжки: одну я читал, в другую записывал. Я шёл на прогулку, а мой мозг старательно подыскивал надлежащие слова к тому, что я видел; присаживаясь у дороги, я начинал читать или, взяв карандаш и записную книжку, делал пометки, стараясь передать черты местности, или записывал для памяти поразившие меня стихотворные строки. Так я жил, со словами».

По настоянию отца Стивенсон получил юридическое образование, но призванию своему не изменил и стал писателем. Мировая известность пришла к нему после выхода романа «Остров сокровищ».

Кроме того, Стивенсон стал одним из первых авторов «детских» стихотворений. До него стихи для детей существовали в основном в народной поэзии. До сих пор малышам в разных уголках мира читают поэтический сборник «Детский сад стихов». Наконец, шотландский литератор создал две книги «взрослых» стихов — «Подлесок» и «Баллады», — в которые вошли замечательные лирические произведения.

Стихотворения Стивенсона русскоязычным читателям открыли поэты-переводчики В. Брюсов, В. Ходасевич, К. Бальмонт, О. Мандельштам и С. Маршак. Знаменитую балладу «Вересковый мед» перевел Самуил Маршак.

К жанру баллады обращался и **Адам Мицкевич** (1798—1855) — поэт, которого считают своим национальным классиком три народа — польский, белорусский и литовский. Он родился на маленьком хуторе Заосье Литовской губернии Российской империи (теперь это территория Республики Беларусь). Семья Мицкевичей была небогата: ее глава Миколай принадлежал к безземельному дворянству (по-польски, шляхте) и работал адвокатом в городке Новогрудок. Мать была дочерью мелкого служащего. Детство Адам провел на родном хуторе, где наблюдал жизнь простого народа и впитывал его культуру — песни, предания, легенды.

Образование поэт получил в Виленском университете — сначала на физико-математическом, а затем на историко-филологическом факультете. С товарищами по университету Мицкевич организовал тайное студенческое «Общество филоматов». Слово «филомат» в переводе с греческого означает «любящий науку». Члены общества с увлечением изучали польский язык,

■ Портрет
Р. Л. Стивенсона
(Дж. С. Сарджент. 1887)

■ Портрет
А. Мицкевича
(И. Хруцкий. 1850-е)

отстаивали право на национальное достоинство, высокую нравственность и взаимопомощь в учебе. Власти считали эту организацию политически опасной, поэтому после окончания университета направили Мицкевича учителем в город Ковно (ныне литовский Каунас) — по сути, в ссылку.

Душа молодого человека не лежала к преподавательской работе, и он искал утешения в творчестве, литературном труде. Результатом этого труда стал выход двух сборников под названием «Поэзии». В них вошли баллады, романсы, небольшие стихотворения, поэмы.

В 1823 году начались преследования членов «Общества филематов», и Мицкевича заточили в монастырь города Вильно, а затем выслали во внутренние губернии Российской империи. В изгнании поэт провел почти 5 лет, побывав в Крыму, Одессе, Петербурге, Москве.

Вдали от родины поэт опубликовал цикл «Крымские сонеты»¹ и поэму «Конрад Валленрод».

Русские литераторы отнеслись к ссылке поляка с большим уважением, признав его одним из величайших мастеров слова.

В 1829 году Мицкевич получил разрешение выехать в Западную Европу. Он покинул Россию, некоторое время находился в Германии, Швейцарии и Италии, а в 1832 году обосновался в Париже, где провел почти всю оставшуюся жизнь. В эмиграции, вдали от любимой Польши, он практически перестал писать. Он занимался преподаванием, читая лекции о славянских литературах в Коллеж де Франс, издавал газету «Трибуна народов».

Еще при жизни Мицкевич был признан духовным вождем поляков и классиком мировой поэзии. Современники высоко ценили точный и богатый язык поэта, его мастерство в передаче чувств человека через описания природы, одухотворенность высокими гуманистическими идеями.

Как справедливо заметил писатель Максим Горький, «Шевченко, Пушкин, Мицкевич — люди, воплощающие дух народа, с наибольшей красотой, силой и полнотою». К слову, Пушкин высоко ценил талант польского коллеги. На одном из вечеров, после чтения Мицкевичем своих произведений, Александр Сергеевич воскликнул: «Какой гений! Какой священный огонь! Что я рядом с ним!!!»

Русскому читателю произведения Мицкевича известны в переводах поэтов первой величины: А. Пушкина, К. Рылеева, М. Лермонтова, А. Майкова, А. Фета, И. Бунина и др.

¹ Сонет (от итал. sonette — песенка) — стихотворение из 14-ти строк, состоящее из двух четверостиший (катренов) и двух трехстиший (терцетов).

■ Отбывая ссылку вдали от польских земель, Адам Мицкевич 9 месяцев прожил в Одессе. Он обустроился в скромном одноэтажном флигеле во дворе дома по улице Щепкина, 21. В приморском городе поэт преподавал словесность в Ришельевском лицее и, конечно, сочинял. Здесь, по следам путешествия в Крым, куда он на несколько дней отлучился из Одессы, он создал свой знаменитый цикл «Крымские сонеты». Здесь же у него возник замысел поэмы «Конрад Валленрод» о борцах за независимость Польши.

Еще один украинский город, в котором побывал поэт, — это Киев. Сюда он заглянул на один день по дороге в Одессу 5 февраля 1825 года. В письме к другу он так отозвался о городе на склонах Днепра: «Еду с севера на другой конец Европы с хорошим настроением. Сегодня, 5 февраля, был в Киеве. Мне понравился этот старый город. Я осмотрел Лавру и другие достопримечательности».

Творчество Мицкевича всегда живо интересовало украинских литераторов. Его поэзией увлекались Тарас Шевченко и Иван Франко. На украинский язык произведения великого поляка переводили Максим Рыльский, Микола Бажан, Павло Тычина и многие другие.

■ Памятник
А. Мицкевичу в Одессе
(А. Князик, М. Мурманов.
2004)

В творчестве Гете, Шиллера, Жуковского, Пушкина и других авторов сложились основные жанровые признаки литературной баллады.

Осмысливаем прочитанное

1. Что такое литературная баллада?
2. Назовите отличительные особенности этого жанра.
3. Какие поэты сочиняли произведения в жанре баллады?
4. Назовите имена двух великих представителей немецкой литературы, которые состязались в создании баллад.
5. Какую балладу Фридриха Шиллера перевел молодой Михаил Лермонтов?
6. Почему Адама Мицкевича считают классиком трех литератур — польской, белорусской и литовской?
7. Что повлияло на выбор профессии Стивенсона?
8. В каком возрасте проявилось литературное дарование Жуковского? Благодаря какому произведению читатели впервые узнали о поэте?

- ✧ Характеризуя свое творчество, Жуковский писал: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум, как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого — и все, однако, мое». Как вы понимаете эти слова поэта?

Готовим проект

- 👤 Используя *памятку №8*, подготовьте один из проектов:
 - «Интервью с автором баллады».
- 📖
 - «Творческое соревнование Й. Гете и Ф. Шиллера».
 - «Портреты В. Жуковского».

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;
 Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
 Счетным курицу зерном;
 Ярый¹ воск топили;
 В чашу с чистою водой
 Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;
 Расстилали белый плат
 И над чашей пели в лад
 Песенки подблюдны².
 Тускло светится луна
 В сумраке тумана —
 Молчалива и грустна
 Милая Светлана.

«Что, подруженька, с тобой?
 Вымолви словечко;
 Слушай песни круговой;
 Вынь себе колечко.
 Пой, красавица: «Кузнец,
 Скуй мне злат и нов венец,
 Скуй кольцо златое;
 Мне венчаться тем венцом,
 Обручаться тем кольцом
 При святом наложье³».
 «Как могу, подружки, петь?
 Милый друг далеко;
 Мне судьбина умереть
 В грусти одинокой.
 Год промчался — вести нет;
 Он ко мне не пишет;
 Ах! а им лишь красен свет,
 Им лишь сердце дышит...

¹ Ярый — светлый, белый.

² Подблюдные песни — русские обрядовые песни, которые исполняли во время святочных гаданий по жребию. С помощью таких песен предсказывали будущее каждому участнику гаданий.

³ Наложь — просторечное название аналоя, высокого столика с наклонной верхней плоскостью, использующегося как подставка для книг и икон во время богослужения в православном храме.

Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,

Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершия локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;

Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укrotились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тёсовы¹;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.
Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг,
Степь в очах Светланы:

На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

¹ Тёсовы — сделанные из тёса. Тёс — тонкие доски из древесины хвойных пород.

Кони мчатся по буграм;
 Топчут снег глубокий...
 Вот в сторонке Божий храм
 Виден одинокий;
 Двери вихорь отворил;
 Тьма людей во храме;
 Яркий свет паникадил¹
 Тускнет в фимиаме²;
 На середине черный гроб;
 И гласит протяжно поп:
 «Буди взят могилой!»
 Пуще девица дрожит;
 Кони мимо; друг молчит,
 Бледен и унылый.
 Вдруг метелица кругом;
 Снег валит клоками;
 Черный вран, свистя крылом,
 Вьется над санями;
 Ворон каркает: печаль!
 Кони торопливы
 Чутко смотрят в темну даль,
 Подымая гривы;
 Брезжит в поле огонек;
 Виден мирный уголок,
 Хижинка под снегом.
 Кони борзые быстрей,
 Снег взрывая, прямо к ней
 Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
 Из очей пропали:
 Кони, сани и жених
 Будто не бывали.
 Одинокая, впотьмах,
 Брошена от друга,
 В страшных девица местах;

Вкруг метель и вьюга.
 Возвратиться — следу нет...
 Виден ей в избушке свет:
 Вот перекрестилась;
 В дверь с молитвою стучит...
 Дверь шатнулася... скрыпит...
 Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
 Белою запоной³;
 Спасов лик в ногах стоит;
 Свечка пред иконой...
 Ах! Светлана, что с тобой?
 В чью зашла обитель?
 Страшен хижины пустой
 Безответный житель.
 Входит с трепетом, в слезах;
 Пред иконой пала в прах,
 Спасу помолилась;
 И с крестом своим в руке,
 Под святыми в уголке
 Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нет...
 Слабо свечка тлится,
 То прольет дрожащий свет,
 То опять затмится...
 Все в глубоком, мертвом сне,
 Страшное молчанье...
 Чу, Светлана!.. в тишине
 Легкое журчанье...
 Вот глядит: к ней в уголок
 Белоснежный голубок
 С светлыми глазами,
 Тихо вея, прилетел,
 К ней на перси⁴ тихо сел,
 Обнял их крылами.

¹ Паникадило — в православном храме центральная люстра со множеством свечей или лампад.

² Фимиам — благовонное вещество для курения, а также дым, поднимающийся при таком курении.

³ Запона (славянское) — завеса, покрывало.

⁴ Перси (книжное, церковное) — грудь.

Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...

Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах

сомкнутых стон;

Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь
вспорхнул...

Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!... и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы¹;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.

«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,

Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину²?»
Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты³!
Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.

¹ Денница (книжное, устаревшее) — утренняя заря.

² Кручина (народное, поэтическое) — грусть, тоска, печаль.

³ Многи леты (устаревшее, высокое) — пожелание долголетия.

Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.

Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ Зиждителя¹ закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробуждение».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...

Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

1808—1812

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Как вы думаете, почему баллада начинается с описания крещенского гадания?
2. Вспомните, что такое пейзаж в литературном произведении. Найдите пейзажные зарисовки в тексте. Как они перекликаются с чувствами героини?
3. Каково отношение автора к героине? Какие чувства к Светлане переданы в обращении автора в последних строфах баллады?
4. Основные цвета баллады — черный и белый. Подумайте, с каким цветом ассоциируется главная героиня. В каких случаях используется черный цвет?
5. Какие птицы описываются в произведении? С какими народными поверьями они связаны? Как образы птиц помогают раскрыть смысл баллады?
6. Найдите примеры использования фантастики в произведении. С какой целью, на ваш взгляд, поэт ввел в текст элементы фантастики?

Читаем выразительно

Прочитайте выразительно понравившийся вам эпизод баллады.

Высказываем мнение

! На электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua найдите репродукции картин К. Брюллова и А. Новоскольцева. Кому из художников, по вашему мнению, удалось лучше передать характер героини баллады? Дайте аргументированный ответ.

Реализуем творческие способности

- * Представьте, что вам поручили проиллюстрировать балладу Жуковского «Светлана». Какой эпизод произведения вы бы изобразили? Почему?

¹ *Зиждитель* (книжное, устаревшее) — основатель, создатель, творец, Бог.

ПЕРЧАТКА

Перед своим зверинцем,
 С баронами, с наследным принцем,
 Король Франциск сидел;
 С высокого балкона он глядел
 На попреще, сраженья ожидая;
 За королем, обворожая
 Цветущей прелестию взгляд,
 Придворных дам являлся пышный ряд.
 Король дал знак рукою —
 Со стуком растворилась дверь,
 И грозный зверь
 С огромной головою,
 Косматый лев
 Выходит;
 Кругом глаза угрюмо водит;
 И вот, все оглядев,
 Наморщил лоб с осанкой горделивой,
 Пошевелил густою гривой,
 И потянулся, и зевнул,
 И лег. Король опять рукой махнул —
 Затвор железной двери грянул,
 И смелый тигр из-за решетки прынул;
 Но видит льва, робеет и ревет,
 Себя хвостом по ребрам бьет,
 И крадется, косяся взглядом,
 И лижет морду языком,
 И, обошедши льва кругом,
 Рычит и с ним ложится рядом.
 И в третий раз король махнул рукой —
 Два барса дружною четой
 В один прыжок над тигром очутились;
 Но он удар им тяжелой лапой дал,
 А лев с рыканьем встал...
 Они смирились,
 Оскалив зубы, отошли,
 И зарычали, и легли.
 И гости ждут, чтоб битва началась.
 Вдруг женская с балкона сорвалась

Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».
Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.
У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

1797

(Перевод с немецкого В. Жуковского)

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Где происходит действие баллады?
2. Каких зверей выпускают из-за решетки? Как они ведут себя по отношению друг к другу?
3. Каких доказательств любви Делоржа требует красавица?
4. Какое впечатление произвел на присутствующих поступок рыцаря, спустившегося на арену за перчаткой? Как отреагировала его дама?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Как вы думаете, почему поэт много внимания уделяет детальному описанию места действия и поведению зверей?
2. Чего хотела добиться красавица, посылая рыцаря за перчаткой?
3. Почему рыцарь, «холодно приняв привет» очей красавицы, бросил перчатку ей в лицо?
4. Докажите, что «Перчатку» можно отнести к жанру баллады.
5. Что обозначает выражение «бросить перчатку»? Почему произведение названо «Перчатка»?

- * Какие черты характера дамы и рыцаря раскрывают их поступки?
- 🧩 Какие художественно-изобразительные средства языка использовал переводчик в описании сцены с дикими зверями? Какие художественно-изобразительные средства языка использовал переводчик в описании финальной сцены баллады?

Реализуем творческие способности

- ❁ Представьте, что вам нужно выбрать звуковое оформление для постановки баллады на сцене. Какую музыку (тихую, громкую, спокойную, динамичную, напряженную) вы бы выбрали для завязки? Развития действия? Кульминации? Развязки?
- 🔗 В средние века, к которым относится действие баллады, при дворах устраивали рыцарские турниры. Найдите информацию о них в библиотеке или на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua и опишите, как вы представляете подобные зрелища.

Учимся сравнивать

- Если вы изучаете немецкий язык, найдите на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua оригинал баллады «Перчатка». Используя *памятку № 9*, сравните оригинал и перевод.

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.
В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов¹
К скалистым берегам.
На вересковом поле
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

¹ *Пикты* — племена, в старину населявшие Шотландию.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.
В своих могилках тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.
Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.
Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.
Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!
Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море — катились валы.

- Вересковый мед (А. Харшак. 1981)

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!
Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!
Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.
Пусть его крепко свяжут
И бросят в пучину вод,
А я научу шотландцев
Готовить старинный мед!

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал

И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.
Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик...
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик.

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.
А мне костер не страшен.
Пуškai со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

1880

(Перевод с английского С. Маршака)

Размышляем над текстом художественного произведения

- 1 Как жили пикты? Составьте развернутое описание их образа жизни, используя цитаты из баллады.
 2. Какие качества проявили последние оставшиеся в живых пикты при встрече с королем?
 3. Как вы думаете, почему пикты сохранили тайну напитка ценой собственных жизней? Чем для них был ценен вересковый мед?
 4. Как вы относитесь к поступку старого карлика, потребовавшего утопить сына?
 5. Какова основная мысль баллады? Чему может научить пример пиктов?
- Согласно историческим данным, пикты не погибли, а в IX веке были завоеваны шотландцами и смешались с ними. Как вы думаете, с какой целью Стивенсон в своей балладе изменяет исторической правде?
- * Составьте сравнительную характеристику короля и старика-медовара. Используйте *памятку №4*.

Читаем выразительно

Подготовьте выразительное чтение диалога короля и старика-медовара. Попробуйте в чтении отразить характеры персонажей.

Реализуем творческие способности

- * Как вы считаете, что сделает со стариком король? Напишите продолжение баллады.

Учимся сравнивать

- * Если вы изучаете английский язык, найдите на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua оригинал баллады «Вересковый мед». Используя *памятку №9*, сравните оригинал и перевод.

АДАМ МИЦКЕВИЧ

СВИТЯЗЬ

В стране Новогрудской, кто б ни был ты, стань,
 Достигнув Плужинского бора,
 На месте и на воды озера глянь:
 Достойно глубокое взора.

То Свитязь. Огромнейшим кругом лежит
 Его голубая равнина;
 Лесов она в черной оправе блестит,
 Как чистая, гладкая льдина.

И если ночной подъезжаешь порой
 Лицом к этим водным алмазам —
 Хор звезд над тобой, и хор звезд под тобой,
 И видишь два месяца разом.

Не знаешь, хрустальная ль к небу стена
 Идет, из-под ног возвышаясь,
 Хрустальных ли синих небес вышина
 Нисходит, к ногам нагибаясь.

Тот берег невидим; что верх, и что низ —
 Не скажешь; сред области звездной
 Сдается, что сам ты в пространстве повис,
 Объятый лазурною бездной.

Так ночью, при тихой погоде, глазам
 Приятно тех мест обольщенье;
 Но в ночь подъезжать к этим страшным местам
 Потребно иметь дерзновенье —

Затем, что там черти пируют подчас
 Иль бьются они рукопашно.
 Дрожу я, как слушаю старцев рассказ,
 А на ночь и вспомнить-то страшно.

Порой под водой словно вихри шумят;
 Тут с дымом и пламенем взрывы,
 Гром битвы, стон женский, тревога, набат,
 Стук, грохот и разные дивы.

Вдруг дым тот рассеется, шум весь пройдет,
Исчезнут все ужасы битвы;
Чуть лист над водой шелестит, а из вод
Исходит стон женской молитвы.

Что ж это? — Тут всякий свое говорит;
На дно заглянуть невозможно;
Есть много рассказов, но кто ж отличит,
Что верно в рассказах, что ложно?

Владелец, которому озеро то
В наследье оставили предки,
Старался разведать — и как тут, и что?
Но были бесплодны разведки.

И вот в глубину на две сотни локтей
Заказан был невод. Работы
Тут было немало. Вот с возом сетей
Готовы и лодки, и боты¹.

Когда ж я сказал, что при деле таком
Не худо, чтоб пан помолился, —
Он жертвы в костелы послал, а потом
И ксендз из Цирина явился, —

И с берега он в облаченьях своих
Кропил, совершал свое дело.
Вот подан сигнал: лодки двинулись вмиг,
И невод пошел... зашумело...

Сеть тонет, грузятся совсем поплавки, —
Бог весть, глубина тут какая!
Веревки натянуты, сеть из руки
Чуть лезет: надежда плохая!

Вот на́ берег тащат с обеих сторон
Тот невод... Конец уж... Поймали!
Сказать ли, какой тут был змей извлечен?
Скажу — так поверят едва ли.

Однако скажу. Оказалось: не змей,
А женщина это живая!
Уста, что коралл; с светло-русых кудрей
Сбегает струя водяная.

¹ Бот — небольшое парусное судно.

Вот на берег всходит. Одних тут испуг
В дрожь кинул, вздымается волос;
Другие бежать приготовились... Вдруг
Та с речью... Пленительный голос!

«Послушайте вы, молодежь! Этих волн
Доныне никто не касался
Без кар: дробился тут дерзостный челн,
И в бездну пловец погружался.

Тебя... — так владельцу вещала она, —
И слуг твоих эта же чаша
Ждала... Но твоих это предков страна,
И кровь в тебе движется наша.

Сам Бог, любопытство твое извиня,
Хоть должно б взыскать с тебя строго,
Открыть вам все тайны готов чрез меня —
Затем, что вы начали с Бога.

На месте, закиданном ныне песком,
Обросшем густою осокой,
Что гнется порою под вашим веслом,
Стоял прежде город высокой.

Он Свитязем звался: тут храбрых людей
И дев было красных немало.
То было владенье Туганов-князей,
И долго оно процветало.

Вы видите: озера блеск тут закрыт
Лесами по целой границе;
Лесов этих не было: прямо был вид
К тогдашней литовской столице.

Однажды могучая русская рать
Пришла, осадила Миндовга.
Миндовг устоит ли? чего ему ждать?
Пошла по Литве всей тревога.

К отцу моему он писал: “Помоги!
Жду войско я с дальней границы.
Туган, от тебя — это знают враги —
Зависит спасенье столицы”.

Туган, прочитавши письмо, дал приказ
По войску в кругу приближенных,
И быстро в пять тысяч дружина сошлась
Из всадников вооруженных.

Звук трубный. Ликует воинственный стан,
К походу все войско готово;
Но, руки ломая, смущенный Туган
Домой возвращается снова.

“Пойми, — он сказал мне, — за что погибать
Должны мои ратные люди?
Наш Свитязь — не крепость: ее защищать
Лишь могут булат наш да груди.

Когда я дружину свою разделю.
То тем не спасу я Миндовга,
А если все войско в сражение пошлю,
Кто жен охранять будет строго!”

“Не бойся, отец! — я сказала, — пора!
Спеши, жди победы блестящей.
Бог нас защитит. Мне приснился вчера
Над городом ангел парящий:

Обвел, словно молнией, город весь он
Мечем: «Не должны вы крушиться:
Возьму под защиту, — сказал он, — всех жен,
Пока их мужья будут биться»”. —

Туган двинул войско и скрылся в пыли,
А ночь едва только настала,
Как топот раздался, гам, крики вдали
И грозно “ура!” прозвучало.

Гремели тараны, твердыни ворот,
Разбитые в щепы, упали;
В паническом страхе сбегался народ,
И жены, и дети дрожали.

Гвалт общий: “Враг близко, не справиться с ним,
Ворвутся к нам русские скоро...
Ах, лучше мы сами себя умертвим:
Избавит нас смерть от позора”.

И бешенство тут пересилило страх!
Свое достояние сами
Спешили несчастные жечь на кострах,
И воздух гудел голосами:

“Проклятье тому, кто себя не убьет!”
И тщетны слова мои были:
Спешили устроить одни эшафот,
Другие ж топор приносили.

Преступное дело грозило... Как быть?
Иль с гнетом цепей помириться,
Иль резать друг друга, кровь ближних пролить?
“О Боже! — я стала молиться, —

Когда мы не можем бороться с врагом,
С мольбою одно Тебе скажем:
Пусть лучше убьет нас небесный твой гром,
Иль в землю живые мы ляжем”.

Тогда что-то белое разом вокруг
Сверкнуло — ночь утром сменилась;
С испугом я вниз посмотрела, и вдруг
Земля из-под ног моих скрылась.

Так мы от позора спаслись, от резни...
Ты видишь — здесь травы явились:
То Свитязя жены и дети — они
В растенья теперь превратились.

Как белые бабочки, белым цветком
Они над водою белеют;
Как елка зимою под первым снежком,
Их листья в воде зеленеют.

По смерти, под видом такого цветка,
Живут непорочные души;
Не смеет коснуться их смертных рука —
Подобных цветов нет на суше.

Когда же царь русский и русская рать
О чудных цветах тех узнали,
То ими спешили шелом украшать,
Венки для себя заплетали.

Но кто прикасался к ним только рукой, —
Такая в цветах была сила, —
Тот разом здоровье терял и покой,
Того ожидала могила.

Давно это было, в иной период,
Осталось о нем лишь преданье,
Да в сказках его поминает народ,
Царей тем цветам дав название».

И дева умолкла. Все лодки тогда
И сети тонуть стали с треском,
Запрыгали волны туда и сюда
И кинулись на берег с плеском.

Все озеро вдруг раздвоилось до дна,
А дева на дно опускалась,
Пучиною снова закрылась она
И людям с тех пор не являлась.

1820

(Перевод с польского
Д. Минаева, В. Бенедиктова)

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

■ Баллады Мицкевича — в том числе «Свитязь» — представляют собой обработку народных песен и легенд.

В Гродненской области Беларуси, где расположено небольшое озеро Свитязь, до сих пор жива легенда, послужившая основой произведения поэта.

Во времена первого великого князя литовского Миндовга (XIII в.) на месте озера стоял город Свитязь, в котором правил князь Туран. Миндовг враждовал с русскими князьями и однажды вызвал свитязскую дружину на помощь в обороне Новогрудка. Мужчины Свитязя покинули город, оставив поселение на женщин, стариков и детей. Пока дружина выполняла свой воинский долг

■ Свитязь (Ю. Фалат. 1888)

В юности Адам Мицкевич часто бывал на берегах озера и, несомненно, слышал старую легенду. В 1820—1821 годы по ее мотивам он создал три баллады: «Свитязь», «Свитязянка» и «Рыбка».

1 В балладе автор использует композиционный прием рассказа в рассказе

1. В балладе автор использует композиционный прием рассказа в рассказе. Как вы думаете, почему о судьбе города рассказывает дева с «пленительным голосом»?
2. Какую роль играет пространное описание природы в начале баллады? Какие художественно-изобразительные средства языка использовали в нем переводчики произведения?
3. Какие качества проявляют жители города перед лицом угрозы?
4. Определите тему и главную мысль произведения.

Подготовьте выразительное чтение понравившегося эпизода баллады

Подготовьте выразительное чтение понравившегося эпизода баллады. Подготовьте краткий пересказ баллады. Включите выразительное чтение понравившегося эпизода в свой пересказ.

Ваше представление о жанре баллады расширится, если вы прочитаете произведения В. Жуковского *«Людмила»*, В. Гете *«Лесной царь»*, А. Мицкевича *«Рыбка»*, Р. Бернса *«Джон Ячменное зерно»*, Г. Лонгфелло *«Песнь о Гайавате»*.

i Найти эти произведения вы можете в библиотеке или на электронном образовательном ресурсе *interactive.ranok.com.ua*.

Рассмотрите иллюстрацию к бодибилдингу, представленную на электронном

і Рассмотрите иллюстрации к балладам, представленные на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua. Какую иллюстрацию вы считаете лучшей? Обоснуйте свое мнение.

8. Объединяются в торговые группы и выделяют одно из зданий:

- Объединитесь в творческие группы и выполните одно из заданий:
- Составьте кроссворд по изученным балладам.
 - Сочините собственную балладу на сюжет по выбору.
 - Создайте иллюстрации к понравившейся вам балладе.

i Вы можете проверить свои знания по теме, пройдя тест на электронном образовательном ресурсе ***interactive.ranok.com.ua***.

Раздел IV ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В начале XIX века русская литература вошла в пору расцвета. Она достигла художественного совершенства, приобрела самобытные национальные черты, поднимала важнейшие нравственные вопросы. Мастером слова интересовало большое и малое в жизни отдельного человека и народа: личные и общественные взаимоотношения, исторические потрясения и повседневный быт. На литературном небосклоне засияли имена А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Тютчева, А. Фета, Н. Некрасова, И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Лескова и многих других выдающихся писателей и поэтов. Их произведения составили золотой фонд русской литературы, стали классикой.

Классика — образцовые, выдающиеся, общепризнанные произведения литературы (и других видов искусства), имеющие вечную ценность для национальной и мировой культуры.

Творчество русских классиков стало общепризнанным достоянием мировой культуры по нескольким причинам. Во-первых, русские писатели первой величины продемонстрировали удивительное мастерство владения словом, писательской техникой. Во-вторых, их произведения затрагивали проблемы и темы, которые волновали любого человека, помогали ему понять жизнь и самого себя. В-третьих, эти произведения пробуждали в читателях самые лучшие чувства: любовь к человеку и природе, сострадание чужой беде, неприятие зла.

Классик XX века Максим Горький сказал: «Знание русской литературы признано миром, изумленным ее красотой и силой».

В седьмом классе вам предстоит встреча с произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя,

Осмысливаем прочитанное

1. В чем особенности литературы XIX века?
2. Что такое классика?
3. На каком основании произведение относят к классике?

(1799—1837)

Поэтический дар Александра Сергеевича Пушкина проявился очень рано. Однако решающее значение в его формировании сыграли лицейские годы.

В 1811 году Пушкин поступил в только что открытый Царскосельский лицей — привилегированное учебное заведение, где предполагалось обучать будущих государственных деятелей. В лицее царила атмосфера дружбы, братства, творческого соревнования. Именно лицей стал колыбелью поэзии Пушкина. Его несомненный

поэтический талант был признан не только товарищами по лицу, но и лучшими поэтами того времени — Г. Державиным, В. Жуковским, К. Батюшковым, Н. Карамзиным.

В это время определился основной круг тем лирики поэта: темы любви, дружбы, роли поэта и поэзии. Сам Пушкин в романе в стихах «Евгений Онегин» признался: «в садах Лицея... являться Муза стала мне».

В лицейские годы Пушкин еще только пробовал свой поэтический голос, это был период ученичества. Уникальный и неповторимый творческий почерк поэт приобрел после окончания Лицея, в 1817—1820 годы. В этот период он служил в Петербурге, в Коллегии иностранных дел, и активно участвовал в общественно-литературной жизни столицы. Поэт посещал литературно-театральное общество «Зеленая лампа», где сблизился с будущими декабристами — так станут называть участников дворянского антиправительственного восстания 1825 года. Под влиянием декабристских идей

Пушкин написал «вольнолюбивые стихи» (ода «Вольность», послание «К Чаадаеву», сатирические песенки и политические эпиграммы, в которых едко высмеивались царь Александр I и его министры), призывающие к борьбе с самодержавием.

«Вольные стихи» не публиковались и расходились по стране в рукописях. Однако слух о них дошел до российского самодержца. Александр I пришел в негодование из-за того, что поэт наводнил всю империю возмутительными стихами. Последствия царского гнева были очень серьезными. Пушкину грозила ссылка в холодную Сибирь или далекий Соловецкий монастырь на Белом море. Но у поэта нашлись высокопоставленные заступники, поэтому его перевели на службу в южную часть Российской империи — Кишинев. По сути, это была ссылка, но мягкая, воспитательная. Опального поэта лишили права появляться в крупных городах страны, зато он сохранил личную свободу и возможность творить.

В южной ссылке, длившейся с 1820 по 1824 год, Пушкин создал поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», множество стихотворений и начал работу над романом в стихах «Евгений Онегин».

ПУШКИН И УКРАИНА

■ Первые украинские впечатления Пушкина связаны с Киевом, куда он заехал в мае 1820 года по пути из Петербурга в Кишинев — к месту отбывания ссылки. Зимой 1821 года Пушкин посетил Киев второй раз — в компании друга, генерала Н. Раевского. Пушкин гулял по аллеям Государева сада (теперь он называется Мариинским), улицам Подола, осмотрел пещеры Киево-Печерской лавры, Софийский собор и Братский монастырь. Киевляне чтят память великого поэта. В 1899 году одна из центральных улиц получила название Пушкинской, а в районе Шулявка был заложен Пушкинский парк. В 1962 году у входа в парк установили монумент поэта. На его пьедестале начертано: «Пушкину. Украинский народ».

■ Памятник А. Пушкину в Киеве (А. Ковалев. 1962)

В конце весны 1820 года Пушкин жил в Екатеринославе (старое название Днепропетровска). С ноября 1820 по март 1821-го и в ноябре 1822 года — в Каменке (сейчас это районный центр Черкасской области). Здесь располагалось имение дворянского рода Давыдовых, у которых гостил поэт.

Из украинских городов дольше всего — год с небольшим — Пушкин провел в Одессе. Туда его перевели на службу из Кишинева в 1823 году. В Одессе поэт служил под началом наместника Новороссийского края графа М. Воронцова.

О том, каким город запомнился Пушкину, говорят строки «Евгения Онегина»:

Я жил тогда в Одессе пыльной:
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подьмлет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой...

Итальянская улица в Одессе, на которой жил Александр Сергеевич, была переименована в Пушкинскую.

В 1889 году одесситы установили памятник поэту на Приморском бульваре.

■ Прощание Пушкина с морем («Прощай, свободная стихия!») (И. Айвазовский. 1887)

■ Памятник А. Пушкину в Одессе (Ж. Полонская. 1889)

Осмысливаем прочитанное

1. Что нового вы узнали о поэте?
2. Почему созданные после окончания лица стихотворения «Вольность», «К Чаадаеву» называют вольнолюбивыми?
3. С какими городами и культурными памятниками связаны украинские впечатления Пушкина? Отражены ли они в произведениях писателя?

Готовим проект

Используя памятку №8, подготовьте один из проектов.

- «Памятники А. Пушкину в городах Украины».
- «Мое любимое стихотворение А. Пушкина».

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,
Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!
Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

■ Стихотворение создано в период южной ссылки под впечатлением двух событий. Первое — это арест друга Пушкина, поэта В. Раевского, за политическую пропаганду среди солдат. Второе — посещение кишиневского острога (тюрьмы), во дворе которого жили два ручных орла. Чтобы они не могли улететь, им подрезали крылья.

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Почему стихотворение относят к вольнолюбивой лирике Пушкина?
 2. Как вы думаете, почему узник называет орла своим «грустным товарищем»? Что их объединяет?
- ✳ В произведении противопоставлены картины тюремного быта и вольной жизни. Какие изобразительные средства языка использовал Пушкин для создания этих картин?
- 👤 Литературовед А. Слонимский утверждал, что стихотворение имеет «сосредоточенный мрачный характер», несет отпечаток «мрачного уныния». Согласны ли вы с мнением ученого? Обоснуйте ответ.

Читаем выразительно

Прочитайте стихотворение вслух, подчеркнув интонацией душевное состояние лирического героя — узника. Выучите стихотворение наизусть.

Учимся сравнивать

- ✳ Найдите на образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua перевод стихотворения «Узник» на украинский язык. Используя памятку №9, сравните оригинал и перевод.

- ✿ Напишите сочинение «История узника». Выскажите предположение, какие драматические события привели его в темницу.

Найдите в Интернете и прослушайте романс «Узник» композитора А. Алябьева в исполнении А. Ведерникова. На ваш взгляд, удалось ли композитору и исполнителю передать основное настроение стихотворения? Аргументируйте ответ.

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

1823

■ В стихотворении, созданном в южной ссылке, упоминается «родной обычай старины». О том, что это за обычай, Пушкин разъяснил в письме поэту и переводчику Н. Гнедичу: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в светлое воскресенье (то есть на Пасху) выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это».

1. Можно ли утверждать, что смысл стихотворения сводится к освобождению птички, томящейся в неволе? Обоснуйте ответ.
2. В каком году написано стихотворение? Обратитесь к статье учебника о А. Пушкине и поясните, какую чужбину имеет в виду поэт, почему лирическому герою произведения необходимо утешенье?

 Что сближает стихотворения «Птичка» и «Узник»?

 Вспомните, какие бывают двусложные размеры стиха. Какой двусложный размер использован в «Птичке»? Как этот стихотворный размер помогает передать настроение лирического героя?

Прочитайте стихотворение выразительно, соблюдая стихотворный ритм, воспроизводя настроение лирического героя.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825

ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ

■ Поэт много лет дружил с соседкой по имени Михайловское Прасковьей Александровной Осиповой. Стихотворение написано в альбом дочери Осиповой, пятнадцатилетней Евпраксии. Кстати, под домашним именем Зизи Евпраксия была упомянута в романе Пушкина «Евгений Онегин» и, по мнению некоторых ученых, стала прототипом главной героини этого произведения — Татьяны Лариной.

■ Портрет Е. Вревской (А. Арефов-Багаев. 1841)

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Стихотворение относят к философской лирике — то есть произведению, в основе которых лежат раздумья о смысле жизни и вечных человеческих ценностях. О чем размышляет Пушкин в стихотворении?
 2. Как поэт учит относиться к жизненным неудачам?
 3. Как вы понимаете смысл строки: «Что пройдет, то будет мило»?
 4. Вспомните, что такое рифма. Какой тип рифмы (кольцевую, перекрестную, парную; мужскую, женскую) использовал поэт?
- 👤 На ваш взгляд, правильно ли смиряться с трудностями и унынием? Аргументируйте ответ.

Высказываем мнение

Найдите в Интернете и прослушайте романс «Если жизнь тебя обманет...» композитора А. Алябьева в исполнении А. Ведерникова. Какие чувства вызвала у вас композиция? На какие размышления натолкнула?

Реализуем творческие способности

- ✳ Представьте, что вы делаете запись в альбом друга, даете ему дружеский совет на случай, если его «жизнь обманет». Какой это будет совет? Сформулируйте его в стихотворной или прозаической форме.

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

1828

Размышляем над текстом художественного произведения

1. На какие размышления наводит лирического героя засохший цветок?
 2. Как вы понимаете значение слова «безуханный»?
 3. С кем сравнивается цветок в последних строках? Как вы считаете, почему?
- ❖ Какую роль играет обилие вопросительных интонаций в произведении? Обоснуйте свой ответ.

О «Повестях Белкина»

В конце 1820-х годов Пушкин обратился к прозе. Первым завершённым прозаическим произведением стал цикл «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», написанный в 1830 году. Цикл включает предисловие «От издателя» и пять повестей: «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Выстрел» и «Метель».

В «Повестях Белкина» Пушкин прибегает к литературной мистификации (то есть намеренно вводит читателя в заблуждение), заявляя в предисловии, что он — лишь издатель цикла повестей, написанных Белкиным. В свою очередь, содержание пяти повестей рассказано Белкину свидетелями или участниками случившихся событий.

Возникает вопрос: зачем Пушкин передает авторство вымышленному персонажу? Ученые называют две основные причины. Во-первых, в предисловии Белкин описан как самый обыкновенный человек, добрый, кроткий, и его образ вызывал теплое доверие у читателей. Он описывает быт русской провинции, рассказывает истории из жизни ничем не примечательных людей — но в этих историях происходят неожиданные события, возникают случайные совпадения, счастливые развязки. Во-вторых, до «Повестей Белкина» Пушкина знали прежде всего как поэта, поэтому вымышленный автор давал ему возможность перейти к новой роли писателя-прозаика.

Пушкин считал, что писать повести надо «просто, коротко и ясно». Добиться простоты, максимальной близости к языку бытового общения было трудной и новой для литературы задачей. Однако писатель выполнил ее, фактически создав и отточив прозаический литературный язык. Поэтому его называют создателем русского литературного языка.

В повести «Станционный смотритель» Пушкин впервые поднял тему «маленького человека». Впоследствии она стала одной из главных в русской литературе XIX века. Ее касались Н. Гоголь, А. Чехов, Ф. Достоевский и многие другие. «Маленький человек» — это человек невысокого социального положения и происхождения, не одаренный выдающимися способностями, не отличающийся силой характера, но при этом добрый, никому не причиняющий зла, безобидный. Критики считают станционного смотрителя Самсона Вырина первым героем, представляющим тип «маленького человека».

Большое значение для понимания идеи художественного произведения имеет анализ композиции.

Композиция — построение художественного произведения, расположение и взаимосвязь его частей.

Выделяют композицию *линейную* (когда события идут в хронологическом порядке), *обратную* (когда события воссозданы в обратном порядке — от финала к началу), *кольцевую* (повтор в начале и конце произведения художественных описаний, сходство событий и их участников в начале и финале). Иногда в произведении появляется вставной рассказ героя — такой вид композиции называют *рассказ в рассказе*.

Например, в повести «Станционный смотритель» Пушкин использует прием «рассказ в рассказе». Смотритель рассказывает о том, чего не мог видеть рассказчик. Такое построение выявляет идею повести — открытие в «маленьком человеке» Вырине ранимой и чуткой души.

1. Как называется первое завершённое поэтическое произведение Пушкина?

(В сокращении)

— — — — —

² Эпиграф взят из стихотворения русского поэта П. Вяземского «Станция». Пушкин из-

³ Озвученный шум от роботов — по правилам 1808 года строго запрещалось оскор-

я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого зрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела... <...>

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия зрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. <...>

День был жаркий. В трех верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал зритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота ее меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я зрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия; — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную¹, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына. В первой почтенный старик в колпаке и шляфоре² отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шляфоре выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные

¹ Подорожная — документ на право пассажира пользоваться для передвижения определенным количеством почтовых лошадей.

² Шляфорк (или шрафрок) — халат.

немецкие стихи. Все это доныне сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзамином, и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне все не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. <...>

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. <...>

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и все кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его, — мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо, — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А бог ее знает», — отвечал он. «Так видно она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса и продолжал шепотом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомца.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. <...> На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил

или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. <...> Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе. Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиновывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошел в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сем известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное свое действие. Гнев проезжего прошел; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпугав шаль и сдернув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с черными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но, возвратясь, нашел он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьем у его кровати.

простился и с Дунею и вызвался довезти ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошел сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошел в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились еще в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошел домой ни жив ни мертв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила ее крестная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил ее. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелен, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снес своего несчастья; он тут же слег в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкой; его свезли в С *** и на его место определили на время другого. <...> Едва оправясь от болезни, смотритель выпросил у С *** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своем намерении, пешком отправился за своею дочерью. <...> «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живет в Демутовом трактире¹. Смотритель решился к нему явиться.

¹ Демутов трактир — гостиница в Петербурге.

Рано утром пришел он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушел и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье¹. «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слезы навернулись на глаза, и он дрожащим голосом произнес только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну». — «Что сделано, того не воротить», — сказал молодой человек в крайнем замешательстве, — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком, и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошел!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть еще раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошел.

¹ Скуфья — небольшая мягкая круглая шапочка.

В этот самый день, вечером, шел он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трехэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он, — не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живет». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у нее». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я свое дело сделаю». И с этим словом пошел он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка, — зачем тебе ее надобно?» Смотритель, не отвечая, вошел в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шел далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошел к растворенной двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он все молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер. Испуганный Минский кинулся ее подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню, и подошел к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы, — что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решил отступить. Через два дня отправился он из Петербурга

обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, бог ее ведает. Всяко случается. Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою... <...> С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно еще, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моем приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителю могилу».

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повел меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать. Бывало (царство ему небесное!), идет из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Все, бывало, с нами возится.

— А проезжие вспоминают ли его?

— Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернет, да тому не до мертвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка, — ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на грудку песка, в которую врыт был черный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька; я смотрел на нее издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятачок и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

1830

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Кто является рассказчиком в повести?
2. Кто такие станционные смотрители? Что входило в их обязанности?
3. Как описывается дочь смотрителя?
4. Как Минский обманул Вырина, чтобы остаться наедине с его дочерью?
5. Опишите вторую встречу Вырина и Минского.
6. Как отразился на жизни станционного смотрителя побег дочери?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Какую роль играет в повести подробное вступление с рассуждениями о станционных смотрителях?
2. Как вы понимаете эпиграф к повести? Соответствует ли он рассуждению о смотрителях? Почему, на ваш взгляд, Пушкин использовал слова Вяземского?

3. Дайте характеристику Дуне. Можно ли осуждать Дуню за ее побег из отчего дома? Обоснуйте ответ.
4. Как вы оцениваете поведение Минского при встрече с Выриным? Был ли Минский злым человеком? Почему вы так считаете?
5. Почему Вырина относят к литературному типу «маленького человека»?
6. Каким вы представляете себе рассказчика повести?
- * Прочитайте притчу о блудном сыне из Евангелия от Луки, которую иллюстрируют картинки в доме Вырина. Как евангельская притча перекликается с сюжетом повести? Какую роль играет притча в понимании идеи пушкинского произведения?

Комментируем высказывание специалиста

- * Поэт и литературовед В. Гippiус в работе «Повести Белкина» отметил: «Повесть названа “Станционный смотритель”, и именно на Вырине, а не на Дуне сосредоточено внимание автора». Подтвердите или опровергните данное высказывание. Обоснуйте свое мнение.

Реализуем творческие способности

- * Посмотрите художественный фильм «Станционный смотритель» (реж. С. Соловьев, 1972). Напишите критический отзыв о фильме. В отзыве охарактеризуйте игру актеров, умение режиссера передать художественное своеобразие и идею пушкинской повести.

ИДЕМ В БИБЛИОТЕКУ

- i Найдите в библиотеке или на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua и прочитайте повесть «Метель». Ответьте на вопросы и выполните задания к тексту произведения.

1. Из какого произведения В. Жуковского взят эпиграф? Как вы можете объяснить выбор Пушкиным эпиграфа?
 2. Какие сюжетные переклички с произведением Жуковского вы отметили в повести?
 3. Какую роль в жизни героини играют сны?
 4. В чем смысл заглавия произведения? Какую роль в сюжете повести играет метель?
 5. По мнению литературоведа В. Сквозникова, герои повести «Метель» награждены счастьем обретения друг друга за то, «что у каждого из них чувство долга выдержало испытания». Как вы понимаете слова ученого?
 6. Прослушайте произведение Г. Свиридова «Вальс» (из музыкальных иллюстраций к повести «Метель»). Как вы думаете, к какому эпизоду повести подходит эта музыка? Почему?
- * Подготовьте инсценировку или пересказ в лицах финального эпизода повести «Бурмин и Марья Гавриловна у пруда».

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

(1814—1841)

Поэтическое дарование Михаила Юрьевича Лермонтова обнаружилось в очень раннем возрасте. Многие детские впечатления нашли отражение в его творчестве.

Мать Лермонтова умерла, когда ему не было трех лет, поэтому воспитанием будущего поэта занималась бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева. Ребенок рос болезненным, и бабушка несколько раз возила его лечиться на Кавказ. Яркая природа Кавказа оставила глубокий след в душе мальчика. С Кавказом связана его первая любовь. Лермонтов описал ее несколько лет спустя: «Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет девяти. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату, она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь: с тех пор я еще не любил так, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...»

Лермонтов получил хорошее домашнее образование: владел французским и немецким языками так же свободно, как и русским, изучал историю, географию, математику, словесность, играл на скрипке и фортепьяно, рисовал акварелью.

В 1827 году Елизавета Алексеевна привезла внука в Москву, чтобы продолжить его образование. В 1828 году Лермонтова зачислили в Московский университетский благородный пансион — одно из лучших учебных заведений России. В нем давали более обширные знания, чем в обычных гимназиях. Здесь преподавали курс «наук нравственных и политических, физических, военных и математических, исторических и словесных». Особое внимание наставники пансиона уделяли литературным занятиям. Ученики посещали литературный кружок, на торжественных собраниях выступали с чтением собственных сочинений в стихах и в прозе. Именно в пансионе Лермонтов начал писать стихи и осознал, что это — его призвание.

■ Тифлис (М. Лермонтов. 1837)

■ Крестовая гора (М. Лермонтов. 1837)

Свое образование Лермонтов продолжил в Московском университете — сначала на нравственно-политическом, а потом на словесном отделении. Однако, стремясь к самостоятельности, он уехал в Петербург и поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, которую окончил в 1834 году в звании корнета лейб-гвардии гусарского полка.

По случайному совпадению, в одно время с Лермонтовым в Школе учился Н. Мартынов, будущий убийца поэта. Он оставил биографические записки, в которых поэт описан как юноша, «настолько превосходивший своим умственным развитием всех других товарищей, что и параллели между ними провести невозможно». По словам Мартынова, Лермонтов пришел в Школу «уже человеком», много читал, много передумал; другие еще вглядывались в жизнь, а он уже изучил ее со всех сторон: «Годами он был не старше других, но опытом и воззрением на людей далеко оставлял их за собою».

В годы учебы поэт создал много стихотворений, главные темы которых — горькое разочарование в любви, одиночество, чувство пустоты и бесцельности жизни. Именно в юношеских произведениях возник образ «гонимого миром странника», который стал сквозным в творчестве Лермонтова. Однако слава и признание пришли к Лермонтову после создания стихотворения «Смерть поэта» (1837). Оно стало откликом на дуэль и гибель Пушкина. Стихотворение быстро распространилось в списках и сделало автора одним из самых популярных поэтов в России.

Император Николай I, прочитав стихотворение, написал на нем: «Приятные стихи, нечего сказать. <...> Я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону». После

обыска и краткосрочного ареста Лермонтов был сослан на Кавказ, где шли боевые действия. В схватках с чеченцами поэт не раз проявлял отвагу и выдержку. По воспоминаниям сослуживцев, он часто удивлял удалью даже старых джигитов.

Зимой 1838 года Лермонтов приехал в Петербург, но уже летом 1840-го вновь был отправлен на Кавказ — за участие в дуэли.

Кавказ стал не только колыбелью лермонтовского таланта, но и местом гибели поэта. В Пятигорске он встретился с Н. Мартыновым. Между бывшими соучениками вспыхнул конфликт, закончившийся дуэлью. 15 июля 1841 года Мартынов застрелил поэта.

СЛОВО — СОВРЕМЕННОМУ

■ В годы учебы Лермонтов выделялся среди сверстников. Однокурсник поэта по Московскому университету **П. Вистенгоф** вспоминал: «...Лермонтов, в котором тогда никто из нас не мог предвидеть будущего замечательного поэта, имел тяжелый, несходчивый характер, держал себя совершенно отдельно от всех своих товарищей, за что, в свою очередь, и ему платили тем же. <...> Он даже и садился постоянно на одном месте, отдельно от других, в углу аудитории, у окна, облокотясь, по обыкновению, на один локоть и углубясь в чтение принесенной книги, не слушал профессорских лекций. Это бросалось всем в глаза. Шум, происходивший при перемене часов преподавания, не производил никакого на него действия. <...> Иногда в аудитории нашей, в свободные от лекций часы, студенты громко вели между собой оживленные беседы о современных интересных вопросах. Некоторые увлекались, возвышая голос. Лермонтов иногда отрывался от своего чтения, взглядывал на ораторствующего, но как взглядывал! Говоривший невольно конфузился, умалял свой экстаз или совсем умолкал. Ядовитость во взгляде Лермонтова была поразительна. Сколько презрения, насмешки и вместе с тем сожаления изображалось тогда на его строгом лице...»

Осмысливаем прочитанное

1. В каких учебных заведениях учился Лермонтов?
2. Какие факты о жизни поэта периода его юности вам запомнились? Почему?
3. Как современники характеризовали молодого Лермонтова?
4. Какую роль в судьбе поэта сыграл Кавказ?
5. Какое впечатление произвели на вас картины Лермонтова с видами Кавказа?
6. Что нового вы узнали о поэте? Какие факты его биографии вас заинтересовали?

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскою по вас¹.
Там видел я пару божественных глаз²;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

1830

1. Какие факты биографии поэта отразились в стихотворении?
2. К кому (или чему) обращается поэт в произведении? Как вы думаете, почему он построил стихотворение в виде обращения?
3. Какие чувства поэта к Кавказу выражены в стихотворении? С помощью каких художественно-изобразительных средств языка поэт их передает?
4. Как бы вы определили главную мысль произведения?

 На ваш взгляд, почему каждое четверостишие оканчивается строкой «Люблю я Кавказ»?

Устно опишите свой любимый уголок природы, используя повтор «люблю я...».

Биограф Лермонтова П. Висковатый считал, что в основу поэмы «Мцыри» лег следующий эпизод. Странствуя во время первой ссылки на Кавказ в 1837 г. по Военно-грузинской дороге, поэт «наткнулся в Мцхете... на одинокого монаха... Лермонтов... узнал от него, что родом он горец, плененный ребенком генералом Ермоловым...

¹ Стихотворение написано через пять лет после посещения поэтом Кавказа в 1825 г.

² Поэт говорит о своей первой детской любви, которую испытал на Кавказе.

Монолог Мцыри — это его исповедь монаху, которая включает рассказ о днях, проведенных на воле. Монологу предшествует авторская экспозиция (главы 1—2), в которой намечаются основные этапы жизни героя.

Любой монолог содержит элементы скрытого диалога. Диалогичным является и монолог Мцыри. Он диалогичен внешне, так как в своей исповеди Мцыри постоянно обращен к слушателю-монаху. Но гораздо важнее здесь внутренняя диалогичность монолога героя, вызванная тем, что Мцыри — герой противоречивый. Его главное противоречие — между силой духа и слабостью тела.

Местом действия поэмы избран Кавказ. Как и в других произведениях поэта, этот горный край представлен как пространство бесконечной свободы и дикой вольности. Здесь человек противопоставлен заведомо превосходящим его силам природы.

Критик В. Белинский так говорил о герое поэмы: «Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью».

МЦЫРИ¹

(В сокращении)

Вкушая, вкусих мало меда
и се аз умираю.

1-я Книга царств²

1

Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь, шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,

¹ Мцыри на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Примечание М. Лермонтова).

² Первая Книга царств — одна из частей Ветхого Завета. Со старославянского библейская фраза на современный русский язык переводится так: «отведал мало меда и теперь умираю». В переносном смысле она обозначает «мало видел хорошего в жизни», «мало пожил».

И Божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился — даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел², и в стенах

² *Призреть* (книжное, устаревшее) — дать кому-нибудь приют и пропитание.

Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом,
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?»

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?... угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах,
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов — “отец” и “мать”.
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен.
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.

Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты? <...>
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежую толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было выше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтися никогда! <...>
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул

Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Все это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...<...>

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат

Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда,
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только. Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор

С упрямой грудю камней. <...>
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой. <...>
Все, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда

Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг голос — легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,

Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось приросли к скале
Две сакли¹ дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

<...> Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе, — и превозмог
Страданье голода, как мог.

¹ Сакля — жилище кавказских горцев.

И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Все лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

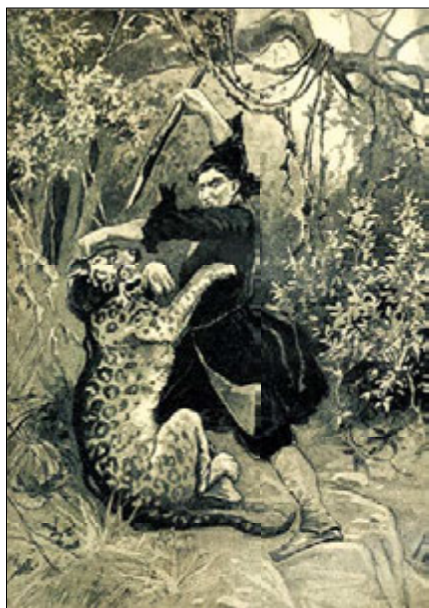
Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный лес,
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной

Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

Ко мне он кинулся на грудь;
 Но в горло я успел воткнуть
 И там два раза повернуть
 Мое оружие... Он завыл,
 Рванулся из последних сил,
 И мы, сплетясь, как пара змей,
 Обнявшись крепче двух друзей,
 Упали разом, и во мгле
 Бой продолжался на земле.
 И я был страшен в этот миг;
 Как барс пустынный, зол и дик,
 Я пламенел, визжал, как он;
 Как будто сам я был рожден
 В семействе барсов и волков
 Под свежим пологом лесов.
 Казалось, что слова людей
 Забыл я — и в груди моей
 Родился тот ужасный крик,

Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит,
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней

Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине
И тут все ясно стало мне...
О, я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма

Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжог
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном. <...>

23

И было все на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы,
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,

По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя
Журча вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилась к волне,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: “Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...”

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Внимание скорбное ничье
На имя темное мое.

25

Прощай, отец... дай руку мне;
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней
Таяся, жил в груди моей;

Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в рай,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать —
Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот,
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!»

1838—1839

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Где происходит действие поэмы?
2. Как Мцыри попал в монастырь?
3. Почему он решил бежать?
4. Что Мцыри делал, очутившись на свободе?
5. Почему он снова оказался в монастыре?
6. Используя памятку №2, составьте цитатный план поэмы.

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Как вы думаете, почему, уже привыкнув к плену, Мцыри бежал из монастыря?
2. Почему свое пребывание на воле, окончившееся смертельной болезнью, герой называет «три блаженных дня»?
3. Как характеризует Мцыри эпизод с барсом?
4. Почему Мцыри решил открыть душу старому монаху?
5. О чем жалеет Мцыри? Страшно ли ему умирать?
6. Какие качества воплотил поэт в образе героя?
7. Какую роль играют в произведении пейзажи?
8. Охарактеризуйте сюжет и композицию поэмы. Какая сцена произведения является кульминационной?
9. С помощью каких художественно-изобразительных средств языка автор создает картины кавказской природы?

Читаем выразительно

Подготовьте выразительное чтение понравившегося эпизода поэмы.

Учимся сравнивать

- * «Мцыри» относят к вольнолюбивым произведениям Лермонтова. Вспомните и назовите вольнолюбивые стихотворения Т. Шевченко, И. Франко, Леси Украинки. Что объединяет произведения русского и украинских авторов?

Высказываем мнение

- * Эпиграф поэмы взят Лермонтовым из библейского рассказа о юноше Ионафане. Во время сражений с врагами он нарушил царский запрет принимать пищу до вечера. Оказавшись в лесу, где земля источала мед, он попробовал его и сразу почувствовал прилив новых сил. За ним последовали остальные воины. Но царь приговорил юношу к смерти, утверждая, что такова воля Бога. В этот момент Ионафан и произнес те слова, которые Лермонтов использовал в качестве эпиграфа к «Мцыри». Однако казнь не состоялась, потому что за юношу вступился народ. Подумайте, как тема поэмы перекликается с темой библейской легенды.

Реализуем творческие способности

- ! Рассмотрите иллюстрации к поэме. Кому из художников удалось точнее передать характер героя? Что изобразили бы вы на своей иллюстрации к произведению?

(1809—1852)

Несмотря на любовь к художественному слову, мысль о писательстве не привлекала Гоголя. Все его устремления были связаны с государственной службой: он мечтал о юридической карьере. Окончив гимназию в 1828 году, Гоголь отправился в Петербург. В течение года

В конце 1829 года Гоголю удалось определиться на службу. Однако должность мелкого чиновника не оправдала его юношеских надежд и тяготила своим однообразием. В 1831 году Николай Васильевич уволился со службы, чтобы заняться литературой. Начало 1830-х годов отмечено настоящим взлетом таланта Гоголя и большим успехом его произведений у читателей и критики. В это время выходят сборники «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород».

Полное название второго сборника подчеркивает связь с первым — «Миргород. Повести, служащие продолжением "Вечеров на хуторе близ Диканьки"». Однако сборники заметно отличаются по настроению. Как отметил В. Белинский, в «Миргороде» «меньше <...> упоения, этого лирического разгула, но больше глубины и верности в изображении жизни».

Центральное место среди произведений «Миргорода» занимает повесть «Тарас Бульба». В образе Тараса Бульбы Гоголь воплотил черты героев освободительной борьбы украинского народа против

польского владычества, раскрыл лучшие стороны национального характера: верность товариществу, патриотизм, неукротимую энергию, мужество, преданность вере отцов, широту натуры.

СЛОВО — СОВРЕМЕННОКАМ

■ Современница Гоголя **С. Скалон** описала его в своих «Воспоминаниях»: «Помню Гоголя и молодым человеком, только что вышедшим из нежинского лица. Он так же был серьезен, но только с более наблюдательным взглядом. Ехав в Петербург и прощаясь со мною, он удивил меня следующими словами: “Прощайте, Софья Васильевна! Вы, конечно, или ничего обо мне не услышите, или услышите что-нибудь весьма хорошее”. Эта самоуверенность нас удивила в то время, как мы ничего особенного в нем не видели».

■ Писатель **В. Соллогуб** был поражен мастерством Гоголя, читавшего свои произведения: «Он придавал читаемому особый колорит своим спокойствием, своим произношением, неуловимыми оттенками насмешливости и комизма, дрожавшими в его голосе и быстро пробежавшими по его оригинальному остроносому лицу, в то время как серые маленькие его глаза добродушно улыбались и он встряхивал всегда падавшими ему на лоб волосами. Описывая украинскую ночь, он будто переливал в душу впечатления летней свежести, синей, усеянной звездами выси, благоухания, душевного простора».

■ Памятник Н. Гоголю в Нежине (Л. Забила. 1881)

Гоголь и Украина

С Украиной Гоголя связывают самые крепкие узы. Прежде всего, украинская земля является колыбелью писателя в прямом и переносном смыслах. По семейному преданию, род Гоголей относится к старинным казацким родам. Своим дальним предком члены семьи писателя считали гетмана Правобережной Украины Остапа Гоголя, жившего в XVII веке. Николай Васильевич родился 20 марта 1809 года в местечке Большие Сорочинцы Полтавской губернии. Наблюдения за бытом и нравами родного народа помогли развиться его литературному таланту.

Он рос в родительском поместье Васильевка и с детства впитывал украинский

Окончив нежинскую гимназию, Николай Васильевич покинул родные края. Однако, живя в Петербурге, скучал по милым с детства местам. Было время, когда он даже мечтал поселиться в Киеве. Так, в 1833 году он писал своему приятелю М. Максимовичу: «Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли в нем, за новости и проч. Представь, я тоже думал. Туда, туда! В Киев! В древний, в прекрасный Киев! <...> Там или вокруг него деялись дела старины нашей».

Осмысливаем прочитанное

- # ТАРАС БУЛЬБА

(В сокращении)

I

¹ Академия — имеется в виду Киевская духовная академия, первое высшее учебное заведение в Украине.

сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки! Экие свитки! Таких свиток еще и на свете не было. А побегі который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в полы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал наконец старший из них.

— Смотри ты, какой пышный!¹ А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чем бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Тарас Бульба, засучив рукава, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше году их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьется! — говорил Бульба, остановившись. — <...> Добрый будет козак²! Ну, здорово, сынку!

¹ Пышный — гордый, важный.

² Козак — в гоголевском тексте слово пишется через «о», в пересказах — через «а», в соответствии с нормами современной русской орфографии.

почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил; никому не спускай! <...> А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот еще что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

— Э, да ты мазунчик¹, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша матерь! Это все дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия — все это казна-що, я плевал на все это! <...> А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. — И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. <...>

Бульба повел сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных мнистах, прибиравшие комнаты. <...> Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющих более на Украине боролатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию. Все было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами.

¹ Мазунчик — неженка.

Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв подвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями, через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пестрыми изразцами, — все это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время; приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. <...>

[Бульба созвал приятелей, чтобы отпраздновать приезд сыновей. Во время пира он решил не откладывать отъезд на Сечь на целую неделю, а отправиться туда завтра же.]

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем обьялся древле мирный славянский дух и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы... <...> Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли грозные

селения, курени¹ и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших ее опрокинуть. Короли польские, очутившиеся, наместо удельных князей, властителями сих пространных земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значенье козаков и выгоды таковой бранной сторожевой жизни. Они поощряли их и льстили сему расположению. Под их отдаленною властью гетьманы, избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидал; но в случае войны и общего движения в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всем своем вооружении, получа один только червонец платы от короля, — и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход — воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. <...> Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую, пить и бражничать, как только может один русский, — все это было ему по плечу. <...>

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Вечно неугомонный, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма². Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться

¹ Курень — жилище запорожцев в Сечи, а также подразделение запорожского войска во главе с куренным атаманом.

² Пошлина с дыма — налог с отдельного хозяйства.

■ Тарас Бульба (М. Дерезгус. 1952) ■ Тарас Бульба (Д. Шмаринов. 1973)

за саблю, именно: когда комиссары не уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках, когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства.

Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. <...>

[Тарас и сыновья легли спать перед дальней дорогой.]

Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно включенные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она возростила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что

ждет вас?» — говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, — и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. <...> Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. <...> Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! <...>

[Утром мужчины отправились на Сечь. Мать провожала их со слезами. Ее отчаяние смутило юношей и Тараса.]

Молодые козаки ехали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, с своей стороны, был тоже несколько смущен, хотя старался этого не показывать. <...> Прощайте и детство, и игры, и все, и все!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. <...>

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый год еще бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу.

Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. <...> Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере, никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был изобретательнее своего брата; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда с помощью изобретательного ума своего умел увертываться от наказания, тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восемнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философические диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокою, нежную. <...> Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век

было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. <...> Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с пристрашными усами хлыстнул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули — и Андрий, к счастью успевший отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая толпою, в богатом убранстве, стояла за воротами, окружив игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского¹ воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостью, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома; с дерева перелез он на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но когда заметила, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости пошевелить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был

¹ Ковно — прежнее название литовского города Каунаса.

очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог пошевелить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами, вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки и которая повергла бедного бурсака в еще большее смущение. <...> Раздавшийся в это время у дверей стук испугал ее. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он встретил ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому. Он видел ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной черноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего. <...>

Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями

шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Черт вас возьми, степи, как вы хороши!.. <...>

[Путники прибыли в Сечь.]

Наконец они миновали предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. <...> Небольшой вал и засека¹, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину! <...>

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военною школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; все прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то бесперывное

¹ Засека — оборонительное укрепление в виде заграждения из поваленных деревьев.

пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей. <...>

Остапу и Андрию казалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращаясь в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил:

— Здравствуй! Что, во Христа веруешь?

— Верую! — отвечал приходивший.

— И в троицу святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

— Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же в который сам знаешь курень.

Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. <...> Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а еще более походили на школу и бурсу детей, живущих на всем готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Все было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, весь харч, <...> и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. <...> Такова была эта Сечь, имевшая столько приманок для молодых людей.

Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и все, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. <...>

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козак. <...> Бойко и метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги.

Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он все придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю. <...>

[Тарас спросил у кошевого атамана запорожского войска, не пора ли выступить казакам в поход. Атаман ответил, что воевать не с кем: с извечными противниками Сечи татарами и турками заключен мир. Тарас возмутился, что казацкая сила пропадает зря, и поклялся отомстить кошевому. Он сговорился со своими товарищами переизбрать атамана.]

Сговорившись с тем и другим, задал он всем попойку, и хмельные козаки, в числе нескольких человек, повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду. <...>

Литавры грянули, — и скоро на площадь, как шмели, стали собираться черные кучи запорожцев. Все собрались в кружок, и после третьего боя показались наконец старшины: кошевой с палицей в руке — знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны козакам, которые гордо стояли, подпершись руками в бока.

— Что значит это собрание? Чего хотите, панове? — сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

— Клади палицу! Клади, чертов сын, сей же час палицу! Не хотим тебя больше! — кричали из толпы козаки.

Некоторые из трезвых куреней хотели, как казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крик и шум сделались общими.

Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа может за это прибить его насмерть, что всегда почти бывает в подобных случаях, поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе.

— Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства? — сказали судья, писарь и есаул и готовились тут же положить чернильницу, войсковую печать и жезл.

— Нет, вы оставайтесь! — закричали из толпы. — Нам нужно было только прогнать кошевого, потому что он баба, а нам нужно человека в кошевые.

— Кого же выберете теперь в кошевые? — сказали старшины.

— Кукубенка выбрать! — кричала часть.

— Не хотим Кукубенка! — кричала другая. — Рано ему, еще молоко на губах не обсохло!

— Шило пусть будет атаманом! — кричали одни. — Шила посадить в кошевые!

— В спину тебе шило! — кричала с бранью толпа. — Что он за козак, когда проворовался, собачий сын, как татарин? К черту в мешок пьяницу Шила!

— Бородатого, Бородатого посадим в кошевые!

— Не хотим Бородатого! К нечистой матери Бородатого!

— Кричите Кирдягу! — шепнул Тарас Бульба некоторым.

— Кирдягу! Кирдягу! — кричала толпа. — Бородатого! Бородатого! Кирдягу! Кирдягу! Шила! К черту с Шилом! Кирдягу!

Все кандидаты, услышавши произнесенными свои имена, тотчас же вышли из толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личным участием своим в избрании.

— Кирдягу! Кирдягу! — раздавалось сильнее прочих. — Бородатого!

Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовал.

— Ступайте за Кирдягою! — закричали.

Человек десяток козаков отделилось тут же из толпы; некоторые из них едва держались на ногах — до такой степени успели нагрузиться, — и отправились прямо к Кирдяге, объявить ему о его избрании.

Кирдяга, хотя престарелый, но умный козак, давно уже сидел в своем курене и как будто бы не ведал ни о чем происходившем.

— Что, панове, что вам нужно? — спросил он.

— Иди, тебя выбрали в кошевые!..

— Помилосердствуйте, панове! — сказал Кирдяга. — Где мне быть достойну такой чести! Где мне быть кошевым! Да у меня и разума не хватит к отправленью такой должности. Будто уже никого лучшего не нашлось в целом войске?

— Ступай же, говорят тебе! — кричали запорожцы. Двое из них схватили его под руки, и как он ни упирался ногами,

Точным образом вложен был Иудейство в коронный иудаизм

— Что такое? — проворчал он во весь голос, приведя

— Все согласны! — вскрикнуло толпа и от крику полетел

Один из старинных башенных домов со стрельчатой

Но Кирдяга стоял не сдвинувшись и благодарил козаков за оказанную честь.

Таким образом кончилось шумное избрание, которому, неизвестно, были ли так рады другие, как рад был Бульба: этим он отомстил прежнему кошевому; к тому же и Кирдяга был старый его товарищ и бывал с ним в одних и тех же сухопутных и морских походах, деля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тут же праздновать избрание, и поднялась гульня, какой еще не видывали дотоле Остап и Андрий. Винные шинки были разбиты; мед, горелка и пиво забирались просто, без денег; шинкари были уже рады и тому, что сами остались целы. Вся ночь прошла в криках и песнях, славивших подвиги. И взошедший месяц долго еще видел толпы музыкантов, проходивших по улицам с бандурами, турбанами, круглыми балалайками, и церковных песельников, которых держали на Сечи для пенья в церкви и для восхваленья запорожских дел. Наконец хмель и утомление стали одолевать крепкие головы. И видно было, как то там, то в другом месте падал на землю козак. Как товарищ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вместе с ним. Там гурьбою улегалась целая куча; там выбирал иной, как бы получше ему улечься, и лег прямо на деревянную колоду. Последний, который был покрепче, еще выводил какие-то бесвязные речи; наконец и того подкосила хмельная сила, и тот повалился — и заснула вся Сечь.

IV

[Новый кошевой созвал запорожцев на совет, чтобы решить, куда отправиться в военный поход. Казаки предложили напасть на турецкую провинцию Анатолию и уже начали было готовиться к выступлению, когда на Сечь прибыли их товарищи с тревожным известием: Украина стонет под игом «жидов» и «ляхов», попирающих православную веру и убивающих казацких военачальников. Сечевики договорились идти уже не на турок, а в Польшу, мстить «за посрамление веры и казацкой славы».]

V

[Скоро весь польский юго-запад охватил страх перед запорожцами. Казаки были беспощадны к врагам. Тарас гордился своими сыновьями, которых не пугала жестокость войны.]

Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знание вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерять всю опасность и все положение дела, тут же мог найти средство, как уклониться от нее, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть ее. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепостью дышало его тело, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу льва. <...>

Андрій весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве: что-то пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгонится у человека голова, в глазах все мелькает несется, — летят головы, с громом падают на землю кони, а он несется, как пьяный, в свисте пуль в сабельном блеске, и наносит всем удары, и не слышит нанесенных. Не раз дивился отец также и Андрию, видя, как он, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. <...>

[Войско запорожцев подошло к стенам города Дубно. Его жители не пустили казаков внутрь, и сечевики устроили осаду, чтобы взять город измором. В Дубно начался голод.

Однажды ночью к дремлющему Андрию явилась изможденная женщина. Юноша узнал в ней татарку, служанку панночки, в которую влюбился два года назад в Киеве. Татарка сообщила, что пробралась в стан запорожцев по подземному ходу и что ее хозяйка в городе и умирает от голода. Панночка случайно увидела Андрия с городского вала и подослала служанку, чтобы та умолила казака передать ей хотя бы кусок хлеба. Андрій взял еду и попросил татарку провести его подземным ходом в осажденный город.]

VI

[Андрій и татарка пробрались в Дубно, где глазам казака открылись страшные картины голода. Герои зашли в дом панночки. Андрій увидел свою возлюбленную и был поражен тем,

как расцвела ее красота. Полька поблагодарила его за хлеб. Андрий с пылом заверил ее, что готов ради нее на все.]

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна! — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как над-речная осока, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем же голосом и сопроводив его тем движением руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело, неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моем, понесу ее, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козак вырвет ее оттуда! И все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну! <...>

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви божьей! Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать ее. Вырвет старый Тарас седой клоч волос из своей чуприны и проклянет и день и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

[Под утро на подмогу осажденному городу прибыло войско. Накануне охранявшие боковые ворота запорожцы мертвецы перепились и заснули, поэтому были застигнуты врагами врасплох. Поляки убили и взяли в плен казаков Переяславского куреня, затем ворвались в Дубно. Оставшиеся курени на совете разработали план дальнейших военных действий.

Тарас случайно узнал, что Андрий в городе, причем не в числе пленных казаков, а заодно с врагами, и что переметнулся он к ним ради красавицы-дочки польского воеводы. Завязалась битва между поляками и казаками. Во время сражения убили атамана Уманского куреня. На его место казаки выбрали Остапа. К вечеру битва стихла.]

XXXXXX

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды и как уныние.

И повелед Тарас распаковать своим слугам один из возов.

— Я угощаю вас, паны-братья, — так сказал Бұлба, —

— За веру! — загомонели все, стоявшие в ближних рядах.

— За веру! — загомонели все, стоявшие в ближних рядах, густыми голосами.

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской башни приметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков, войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. Жиды, однако же, воспользовались вылазкою и пронюхали все: куда и зачем отправились запорожцы, и с какими военачальниками, и какие именно курени, и сколько их числом, и сколько было оставшихся на месте, и что они думают делать, — словом, чрез несколько уже минут в городе все узнали. Полковники ободрились и готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, оставил в три таборы курени, обнесши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду: убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда все было сделано как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать все, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сырые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других

землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь — и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!

Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их! Так говорил атаман и, когда кончил речь, все еще потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам родителям, родившим их.

[Из города навстречу казакам выступили поляки. Начался бой. В битве погибло много славных запорожцев, однако полякам пришлось трудно. На подмогу ослабевшим «ляхам» из города выехал гусарский полк. Впереди неся прекрасный витязь, в котором Тарас узнал Андрия. Бульбу возмутило, что сын выступил против своих товарищей.]

Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чертов сын, своих бьешь?..» Но Андрий не различал, кто пред ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и все, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! <...> Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: пред ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

<...> В один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не знал на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи? <...> Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив, ни мертв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье.

Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарования, все еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. <...>

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас, — будут у него плакальщики и утешницы! <...>

[Тарас и Остап снова ринулись в бой. Тарас увидел, как Остапа взяли в плен, а сам упал, тяжело раненный: «И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи».]

Х

[Тарас, весь изрубленный, пришел в себя в незнакомом доме. Рядом с ним был казак Товкач. Он сообщил Тарасу, что преданные люди вынесли его с поля боя, что две недели он был без сознания и что теперь его везут в Сечь.

Тарас снова потерял сознание. Бесчувственного, его доставили в Сечь. Там старый воин поправился, но затосковал по плененному Остапу. Через некоторое время он не выдержал и отправился на поиски сына — несмотря на то, что поляки назначили за его голову большую награду и покидать Сечь было опасно. Тарас подкупил еврея Янкеля, чтобы тот тайно провез его в Варшаву, где в городской темнице томился Остап.]

XI

[Тарас и Янкель благополучно добрались до Варшавы. Янкель пообещал Бульбе уговорить тюремных стражей устроить ему свидание с Остапом или даже помочь освободить его. Однако у еврея ничего не вышло. Тогда Тарас принял тяжелое решение идти на площадь, чтобы увидеть казнь сына. На экзекуцию собрался посмотреть весь город. Тарас смешался с толпой зевак. Охрана привела пленных казаков.]

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; борода у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна изнашивались и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко:

— Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!

После этого он приблизился к эшафоту.

— Добре, сынку, добре! — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. <...> Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его к последним смертным мукам, — казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: боже, все неведомые, все чужие лица!

Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

— Батько! где ты! Слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул.

Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел как смерть, и когда всадники немного отделились от него, он со страхом оборотился назад, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

ХII

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отмстить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию¹, за позорное владычество жидовства на христианской земле — за все, что копило и сугубило с давних времен суровую ненависть козаков. <...> Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. <...> И между теми-то козаками, между теми восьмью полками отборнее всех был один полк, и полком тем предводил Тарас Бульба. Все давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и умение двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением.

¹ Уния — насильственное навязывание Украине в 1596 году слияния православной и католической церквей. После этого слияния украинцы обязаны были признать власть папы римского.

Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: все это внесено в летописные страницы. Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. <...>

...Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие земли и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. <...> «Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» — приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и... Потоцкому¹ поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса. <...>

[Отряд Тараса почти неделю уходил от войска Потоцкого. У Днестра Потоцкий настиг казаков.]

Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешения, спечь его

¹ Николай Потоцкий — граф, польский магнат. Боролся с казаками.

живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костер. Но не на костер глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты все было видно как на ладони.

— Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!

Но ветер не донес его слов.

— Вот, пропадут, пропадут ни за что! — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал:

— К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!

<...> Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. <...> Двое только не достали до реки, грянулись с вышины об камень, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козаки ужеплыли с конями в реке и отвязывали челны. <...>

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Постоите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чувят дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву <...> Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу! <...>

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

■ Задолго до создания «Тараса Бульбы» Гоголь начал интересоваться исторической тематикой. Известно, что в одном из первых писем к матери из Петербурга, написанном в 1829 году, он попросил прислать сведения о жизни и быте украинского народа, описания старинной одежды, «до времен гетманских». Через два года была опубликована глава из исторического романа «Гетьман». Его главным героем выступал нежинский полковник Степан Острица, возглавивший борьбу казачества с панской Польшей. Это произведение не было окончено, однако именно его считают тем зерном, из которого выросла героическая повесть «Тарас Бульба».

Повесть — средний между рассказом и романом жанр, в котором представлен ряд эпизодов из жизни героя (героев). В повести больше событий и действующих лиц, чем в рассказе, однако, в отличие от романа, обычно одна сюжетная линия. В зависимости от темы различают повести исторические, авантурные, героические и др.

Героическая повесть — повесть, в основу которой положены события, связанные с героической борьбой народа против внешних врагов.

Над повестью писатель трудился около года. В 1835 году она была напечатана в составе сборника «Миргород». Но сочинение не устроило автора. Несколько лет он переделывал повесть: избавлялся от эпизодов, наполненных нарочитым трагизмом; усиливал народную основу, вводя в обрисовку характеров приемы, свойственные украинским думам, песням и преданиям; углублял патриотическую идею.

Характер — художественный образ человека, который соединяет в себе общее, повторяющееся в разных людях и индивидуальное, неповторимое. Через характер раскрывается авторский взгляд на мир и человека.

Сильно изменился по сравнению с первым вариантом образ Тараса Бульбы. Гоголь усилил в нем народно-героическое начало. Если первоначально Тарас выступал, скорее, охотником до набегов и бунтов, то во втором варианте — защитником национальной независимости, борцом за освобождение родной земли от польской шляхты.

Вторая, окончательная редакция «Тараса Бульбы» увидела свет в 1842 году. Высокую оценку дал повести критик В. Белинский. По его мнению, в произведении Гоголь «исчерпал всю жизнь исторической Малороссии и в дивном художественном создании навсегда запечатлел ее духовный образ: так ваятель уловляет в мраморе черты человека и дает им бессмертную жизнь».

1. Какие исторические события описываются в повести?

- ## Размышляем над текстом художественного произведения

- Составьте словари́к украинской лексики, использованной Гоголем в повести. Какую роль играют украинские слова в произведении?

❁ Исследователь Н. Степанов утверждает: «Тарас Бульба не знает раздвоения»

- ## Учимся сравнивать

- ## Реализуем творческие способности

- ## Читаем выразительно

Подготовьте выразительное чтение отрывков из повести: описание степи (глава II), речь Тараса о товариществе (глава IX). Используйте *памятку № 1*.

Комментируем высказывание специалиста

ПОДВОДИМ ИТОГИ

Напишете сочинение на одну из тем:

- «Размышления о свободе и жизни в стихотворениях А. Пушкина».
- «Чем меня привлекает герой поэмы "Мцыри" М. Лермонтова».

i Вы можете проверить свои знания по теме, пройдя тест на электронном образовательном ресурсе ***interactive.ranok.com.ua***.

Раздел V РАСКАЗ И НОВЕЛЛА

Рассказ и новелла — одни из самых популярных жанров в мировой литературе. В XIX и XX веках к ним обращались многие классики национальных литератур: англичанин А. Конан Дойл, американцы Э. По, О. Генри и Р. Брэдбери, русские авторы И. Тургенев, Л. Толстой, А. Чехов и многие другие.

Вам уже хорошо известен такой жанр, как рассказ. В предыдущих классах вы читали рассказы Э. Сетона-Томпсона, Джека Лондона, А. Платонова, Р. Брэдбери.

Рождение жанра рассказа относят к XVII—XVIII векам. Рассказ вырос из повести. Но в повести охватывался широкий круг событий, протяженных во времени (например, излагалась биография героя или история военного похода). А авторы рассказов выделяли наиболее интересные и острые моменты, в которых ярко раскрывался характер человека.

Рассказ — небольшое прозаическое произведение, которое содержит развернутое и законченное повествование об отдельном событии.

Близким к рассказу жанром является новелла.

Новелла — короткое произведение с динамичным сюжетом и неожиданным окончанием.

Новелла возникла в XIII веке в Италии. Литературными «предками» новеллы считаются сказка, басня, анекдот. Со сказкой и басней ее сближает занимательность, увлекательность сюжета, внезапные перемены в судьбах героев. С анекдотом — неожиданная и непредвиденная развязка событий (правда, часто не комическая, как в анекдоте, а трагическая).

Новелла, как и рассказ, описывает одно или несколько событий из жизни героев. Однако, в отличие от рассказа, у новеллы есть одна обязательная особенность — неожиданный конец. Кроме того, в новелле, как правило, описывается какое-нибудь необычное событие, неожиданный поворот в судьбе персонажа. В рассказе вы можете встретиться с достаточно обширными описаниями природы или портретов героев. Например, в «Бежином луге» автор подробно описывает внешность каждого мальчика и местность, в которой развиваются события. К тому же рассказчик сообщает нам не только о том, что происходит на Бежином лугу, но и как он попал туда. В новелле действие разворачивается динамичнее, персонажи очерчены двумя-тремя штрихами, изображается центральное событие, а не его предыстория.

Настоящий расцвет жанр новеллы пережил в конце XIX — начале XX столетия, когда увидели свет произведения Г. де Мопассана, О. Генри и других писателей.

Осмысливаем прочитанное

1. В чем заключаются жанровые особенности рассказа?
2. Что общего у рассказа и новеллы? Чем они отличаются?
3. Почему новеллу считают родственной сказке, басне и анекдоту?
4. Кто из писателей создавал произведения в жанрах рассказа и новеллы?

АНТОН ЧЕХОВ

(1860—1904)

Знаменитый русский писатель и драматург Антон Павлович Чехов родился в городе Таганроге, в купеческой семье. Отец был хозяином бакалейной лавки, в свободное от дел время любил заниматься музыкой. Он прекрасно играл на скрипке и пел. По вечерам в семье устраивались целые музыкальные вечера. Мать писателя всю жизнь посвятила воспитанию детей, сыграв заметную роль в формировании их характеров.

От нее Чехов унаследовал мягкость и отзывчивость. В семье было шестеро детей, и все — очень одаренные. «Талант в нас со стороны отца, а душа — со стороны матери», — говорил впоследствии Чехов.

В 1876 году отец разорился и, чтобы спастись от кредиторов, бежал в Москву. Чехов, который в это время учился в гимназии, остался в Таганроге и вынужден был содержать себя сам, да еще и помогать родителям. На жизнь он зарабатывал, давая частные уроки. К этому времени относятся первые литературные опыты писателя.

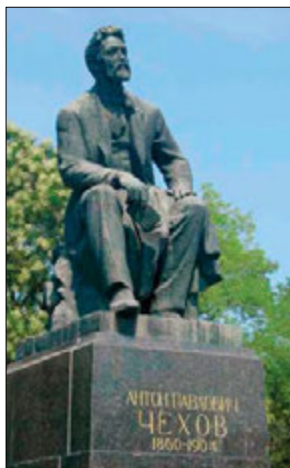
В 1879 году Чехов перебрался к семье в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. Одновременно с учебой он начал публиковать в журналах короткие юмористические рассказы, пародии, сценки и шутки под разными псевдонимами (Антоша Чехонте, Человек без селезенки, Брат моего брата, Пурселепетантов и др.). Первые известные нам произведения Чехова публикуются в 1880 году в журнале «Стрекоза» — это «Письмо к ученому соседу» и «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?». Позже писатель обращается и к другим жанрам — повести, драме, комедии.

В рассказах 1880-х годов определился тип чеховского героя и основной объект изображения — «средний», обыкновенный человек и повседневная, обыденная жизнь. Уникальность писательского дара состояла в том, что, изображая, на первый взгляд, случайные и незначительные вещи, он умел увидеть в них важное и значительное.

Вскоре после литературного дебюта Чехова его талант был признан и оценен: в 1887 году молодому автору присудили Пушкинскую премию Академии наук. А читатели с восторгом приняли его рассказы, увидели в их героях себя. К. Чуковский, например, писал: «Всеведущими казались мне гении, создавшие “Войну и мир” и “Камазовых”, но их книги были не обо мне,

■ Портрет А. Чехова
(И. Браз. 1889)

■ Памятник А. Чехову
в Таганроге
(И. Рукавишников. 1960)

а о ком-то другом. Когда же появилась чеховская повесть “Моя жизнь”, мне почудилось, будто эта жизнь и вправду моя, словно я прочитал свой дневник...». Ту же мысль повторил Л. Толстой: «Чехов, видите ли, это был несравненный художник... Художник жизни... И достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное».

СЛОВО — СОВРЕМЕННОКАМ

■ Литературный критик, историк литературы и журналист **Ф. Батюшков** рассказал о своем знакомстве с Чеховым: «Наружность Чехова много раз описывали. Меня только поразило, что он выше ростом, чем я представлял себе. Затем покоряли глаза и удивительный тембр голоса. Глаза вовсе не голубые, как писали, а карие, лучистые, ласковые и немного вопросительные <...> Через несколько минут первая робость от встречи с “самим” Чеховым прошла, и я почувствовал себя, как с добрым, старинным хорошим знакомым, удивительно ласковым, внимательным, сердечным».

■ Современник Чехова **Максим Горький** с теплотой вспоминал: «Мне кажется, что всякий человек при Антоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой, и я не раз наблюдал, как люди сбрасывали с себя пестрые наряды книжных фраз, модных слов и все прочие дешевенькие штучки, которыми русский человек, желая изобразить европейца, украшает себя, как дикарь раковинами и рыбьими зубами. Антон Павлович не любил рыбы зубы и петушиные перья; все пестрое, гремящее и чужое, надетое человеком на себя “для пущей важности”, вызывало в нем смущение, и я замечал, что каждый раз, когда он видел перед собой разряженного человека, им овладевало желание освободить его от всей этой тягостной и ненужной мишуры, искажавшей настоящее лицо и живую душу собеседника. Вся жизнь А. Чехов прожил на средства своей души, всегда он был самим собой, был внутренне свободен и никогда не считался с тем, чего одни — ожидали от Антона Чехова, другие, более грубые, требовали... Красиво простой, он любил все простое, настоящее искреннее...».

■ Портрет Чехова дополняют воспоминания писателя **И. Бунина**: «Он смеялся своим заразительным смехом чаще всего только тогда, когда кто-нибудь другой рассказывал что-нибудь смешное; сам говорил самые смешные вещи без малейшей улыбки. <...> Точен и скуп на слова был даже в обыденной жизни. Словом он чрезвычайно дорожил, слово высокопарное, фальшивое, книжное действовало на него резко; сам он говорил прекрасно — все по-своему, ясно, правильно».

Україну через

Лето в том, что большинство жителей родного писателя Та

Бабушка писателя, крепостная крестьянка была украинкой Со-

В детские годы писателя в доме Чеховых часто пели украинские

Чехов много раз путешествовал по Украине, дружил с деятелями

Чехов бывал на окраине Сум в Луках — на даче принадлежав-

Чеховское увлечение Украиной отразилось во многих его произ-

1. В какой семье вырос А. С.

3. Какими псевдонимами подписывал свои произведения А. Чехов?
4. Почему Украину нередко называют второй родиной Чехова?
5. Каким Чехов предстает в воспоминаниях современников?

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель¹ Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской² с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пушай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!» да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

¹ *Полицейский надзиратель* — должностное лицо в Российской империи, занимавшееся надзором за порядком.

² *Городской* — в Российской империи низший чин городской полиции.

■ На базарной площади
(С. Герасимов. 1945)

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчет дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того, ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевеливну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пущай мировой¹ рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандарах²... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него все больше легавые³...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?!.. Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подудло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели

¹ Мировой — то есть мировой судья, должностное лицо в Российской империи.

² Жандарах — то есть в жандармах, в полицейских.

³ Легавые — охотничьи собаки.

каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и все.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намерднись¹ приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

1884

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Кто такой Очумелов?
2. Что известно о внешности надзирателя?
3. На что жалуется Хрюкин?
4. Кого Очумелов считает виноватым — Хрюкина или собаку? Меняется ли его мнение в течение рассказа?
5. Кто такой Прохор? Какую роль он играет в рассказе?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Сколько раз Очумелов меняет свое решение относительно собаки? В связи с чем это происходит?

¹ Намеднись — то есть намерднись, недавно, на днях.

2. Как вы думаете, почему Очумелов называет свою верхнюю одежду то «шинель», то «пальто»?
3. Почему читатель так и не узнает, виновата ли собака?
4. Можно ли говорить о том, что Чехов наделил героев «говорящими фамилиями»? Обоснуйте ответ.
5. Найдите в рассказе яркие детали. Объясните, какую роль они играют в понимании идейного замысла произведения.
6. Почему рассказ назван «Хамелеон»?
7. Какие человеческие пороки осуждает Чехов в рассказе «Хамелеон»?
- Вспомните, что такое рассказ. Какие признаки жанра рассказа можно отметить в чеховском произведении?
- Актуален ли рассказ Чехова в наше время?

Высказываем мнение

- Найдите на образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua иллюстрации к рассказу «Хамелеон». Какую вы считаете наиболее удачной? Почему?

ИДЕМ В БИБЛИОТЕКУ

- Найдите в библиотеке или на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua и прочитайте рассказ «Злоумышленник». Ответьте на вопросы и выполните задания к тексту произведения.
1. Где происходит действие рассказа?
2. В чем следователь обвиняет Григорьева?
3. Зачем крестьянину понадобилась гайка? Какую реакцию у следователя вызывают объяснения Дениса?
4. Почему, по вашему мнению, рассказ открывается портретом крестьянина? Каким предстает перед читателями Денис Григорьев?
5. В чем особенности речи Дениса? Какие из них указывают на крестьянское происхождение героя? В толковом словаре найдите значение неизвестных вам слов, которые употребляет герой.
6. Был ли в действиях крестьянина злой умысел? Почему рассказ назван «Злоумышленник»?
7. Понял ли Денис, за что его осудили?
8. Можно ли назвать следователя бездушным человеком? Обоснуйте ответ.
9. В чем прав и не прав следователь по отношению к Денису?
10. Какие эпизоды произведения вызывают у вас смех, а какие — грусть?
11. Против каких личных и общественных недостатков направлен рассказ?
- Представьте, что вы — режиссер фильма по мотивам рассказа «Злоумышленник». Напишите указания актерам, как следует играть роли: с какой интонацией произносить слова, как двигаться и жестикулировать в кадре.

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом¹ и флерд'оранжем². Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, Господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка³... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом⁴ за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом⁵ за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

¹ Херес — сорт крепкого виноградного вина.

² Флерд'оранж — в переводе с французского «апельсиновый цвет», цветы померанцевого дерева.

³ Лютеране — последователи одной из ветвей христианства, члены церкви, основанной немецким священником Мартином Лютером.

⁴ Герострат — житель Древней Греции, который сжег прекрасный храм, чтобы прославиться.

⁵ Эфиальт — исторический персонаж, изменник. Погубил армию древнего греческого государства Спарта, указав ее противникам персам проход в тыл спартанцев.

от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сторбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт¹ и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, еще более съеживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

1886

Художественное своеобразие рассказов А. Чехова

Чехов известен как непревзойденный мастер короткого рассказа. Пространные описания природы, детальные портреты и тому подобные средства просто невозможны в этом жанре. Поэтому огромное значение приобретает такой прием создания образа, как художественная деталь.

Художественная деталь — это выразительная подробность интерьера, пейзажа, внешности героя, его речи, которая помогает глубже понять образ или идею произведения.

В качестве художественной детали выступает не любая подробность, а такая, которая несет значительную смысловую нагрузку, дает представление о предмете в целом.

¹ Вытянуться во фрунт — стать по стойке смирно, прямо.

Правильно найденная деталь (по словам А. Пушкина, «мелочь, которая ускользает от глаз», но благодаря писателю мелькает «крупно») вызывает у читателя верное представление о герое, событии и об изображенной эпохе.

С помощью художественной детали Чехов раскрывал характеры персонажей, мотивы их поведения.

В рассказах писателя часто сталкиваются противоположные мировоззрения, разные жизненные уклады и нравственные принципы. В произведении «Толстый и тонкий» противопоставление героев заявлено уже в названии, а затем разворачивается в ходе действия рассказа. Такой прием называют антитезой.

Антитеза (от греч. *anti* — *против* и *thesis* — *положение*) — противопоставление, создающее эффект резкого контраста образов.

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Где происходит действие рассказа?
2. Назовите имена главных героев.
3. Как автор описывает внешность толстого? Тонкого?
4. Кто сопровождает тонкого?
5. Как поначалу ведет себя тонкий с толстым? Рад ли толстый встрече с тонким?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Когда и почему в поведении тонкого наступает резкая перемена?
2. Как во время беседы «друзей детства» ведут себя жена и сын тонкого?
3. Подумайте, почему тонкий два раза представляет толстому членов своей семьи.
4. Как толстый реагирует на резкую перемену в поведении старого друга?
5. Почему дважды повторяется фраза «были приятно ошеломлены»? Кто и чем ошеломлен в первом случае, а кто — во втором?
6. С помощью каких художественных деталей созданы образы тонкого и толстого?
7. Найдите примеры использования антитезы в произведении.
8. Какая черта характера высмеивается в рассказе?

Читаем выразительно

Прочитайте рассказ в лицах, передавая характеры персонажей, авторское отношение к ним.

Учимся сравнивать

Рассмотрите иллюстрацию к рассказу, помещенную в учебнике. Какой эпизод изобразил художник? Какие черты характера персонажей он подчеркнул?

i На электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua найдите другие иллюстрации к рассказу. На ваш взгляд, кому из мастеров удалось точнее передать характеры и ситуацию, описанные в рассказе? Обоснуйте ответ.

Комментируем высказывание специалиста

✿ Ученый Б. Эйхенбаум в статье «О Чехове» отметил: «Чехов до предела сжимал авторский текст, доводя его иногда до значения сценических ремарок. Чехов утверждал: «Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев».

Установите, как отмеченные Эйхенбаумом особенности творческого почерка писателя раскрылись в рассказе, который вы прочитали.

Реализуем творческие способности

- Смоделируйте две ситуации: в первой чин тонкого выше, чем у толстого, во второй — у героев одинаковые чины. Как поведут себя герои в первом случае, а как — во втором?
- Напишите развернутую характеристику одного из персонажей рассказа: толстого, тонкого, его жены или сына. Используйте *памятку №3*.
- Дайте письменный ответ на вопрос «Современны ли рассказы А. Чехова?».

ИДЕМ В БИБЛИОТЕКУ

i Найдите в библиотеке или на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua и прочитайте рассказ «**Смерть чиновника**». Ответьте на вопросы к тексту произведения.

1. Где развивается действие рассказа?
 2. Что испортило герою впечатление от оперетты? Что он предпринял в связи с этим?
 3. Почему Червяков решил, что одного извинения недостаточно? Сколько раз он извинился?
 4. Чем заканчивается рассказ?
 5. Что заставило Червякова несколько раз извиниться перед генералом?
 6. Случаен ли выбор фамилии главного героя? На какие черты личности Червякова она указывает?
 7. Как вы оцениваете реакцию генерала на первое извинение? Менялась ли она при дальнейших попытках Червякова извиниться?
 8. Подумайте, почему автор подчеркивает, что Червяков умер, не снимая вицмундира. Можно ли говорить о том, что вицмундир — это художественная деталь? Обоснуйте свой ответ.
 9. Какие средства комического использованы в рассказе?
- ✿ Напишите рассказ, излагая события с позиции генерала, а не чиновника.

О. ГЕНРИ

(1862—1910)

Настоящее имя классика американской литературы О. Генри — Уильям Сидни Портер. Он родился в поселке недалеко от города Гринсборо (штат Северная Каролина), в семье аптекаря.

В шестнадцать лет Портер начал работать в аптеке отца. В то время в маленьких американских городах аптеки были своего рода клубами, куда приходили обмениваться новостями, сыграть в шахматы или домино, выпить. В аптеке Уильям наслушался историй, многие из которых легли в основу его рассказов. Через несколько лет юноша переехал в Техас. В столице штата Остине он перепробовал множество профессий: работал аптекарем, клерком по продаже недвижимости, счетоводом, кассиром в банке.

В начале 1880-х годов Портер решил посвятить себя литературной и журналистской работе. Он начал издавать юмористическую еженедельную газету под названием «Роллинг стоун».

Приблизительно в это же время Портера уволили из банка и привлекли к суду в связи с растратой. Хотя суд признал его виновным и приговорил к пяти годам каторжных работ, биографы писателя пришли к выводу о непричастности Портера к преступлению.

Знание аптекарского дела облегчило участь Портера в заключении: позволило получить пост заведующего аптекой при тюремной больнице. Во время ночных дежурств он писал рассказы, которые затем посылал в журналы. Некоторые из них были опубликованы, что привело Уильяма к мысли стать профессиональным писателем.

Исследователи творчества О. Генри считают, что именно из тюрьмы он вышел зрелым писателем. Там было создано более десятка лучших рассказов. В тюрьме родился и псевдоним. Происхождение его не совсем ясно. В одном из интервью писатель говорил, что имя Генри взято из колонки светских новостей в газете, а инициал О. выбран как самая простая буква. Существует и другая версия, согласно которой «О.» расшифровывается как Olivier (французское имя Оливье). Действительно, несколько рассказов писателя были опубликованы под именем Olivier Henry.

Согласно еще одной точке зрения, своему возникновению псевдоним «О. Генри» обязан имени известного французского фармацевта

■ Фрагмент мемориального комплекса О. Генри в Гринсборо
(М. Дж. Курби-Смит. 1985)

Осеана Анри (Ocean Henry), медицинский справочник которого был популярен в то время.

После освобождения из тюрьмы Уильям Сидней Портер исчез, а вместо него появился писатель О. Генри.

Писатель поселился в Нью-Йорке и полностью посвятил себя литературному труду. В короткий срок его имя стало широко известно в США. Свои произведения О. Генри публиковал в журналах и газетах, а со временем составлял из них сборники. Всего было выпущено 12 сборников, куда вошло около 300 произведений.

О. Генри прославился прежде всего как выдающийся мастер коротких жанров: рассказа и новеллы.

В творчестве О. Генри отразился его большой жизненный опыт. В произведениях писателя можно встретить героев практически из всех слоев американского общества: городского дельца, приказчика из магазина, художника, владелицу ранчо, актера, трактирщика, грабителя, золотоискателя, бездомного бродягу. Чаще всего новеллы О. Генри строятся на забавном недоразумении или заблуждении героя, которое разъясняется лишь в финале, благодаря чему все описанные события предстают в совершенно новом свете.

Однако далеко не все у писателя смешно и забавно. Он создавал трогательные, грустные и поучительные истории. Например, двое бедных влюбленных в новелле «Дары волхвов» идут на большие жертвы, чтобы порадовать друг друга на Рождество. А в новелле «Последний лист» старый художник ценой своей жизни спасает молодую девушку.

Главная задача, которую ставил перед собой писатель, — показать лучшие человеческие качества — доброту, умение прощать, готовность к самопожертвованию, способность к любви и состраданию.

Осмысливаем прочитанное

1. Что способствовало развитию литературных способностей будущего писателя?
2. Когда были созданы первые произведения писателя?
3. Как в произведениях писателя отразился его жизненный опыт?
4. Расскажите историю возникновения псевдонима писателя.
5. Мастером каких жанров был О. Генри?

ДАРЫ ВОЛХВОВ¹

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуть на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слез, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но, скорее, красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука.

¹ Волхвы — мудрецы, маги на Древнем Востоке. В Библии сказано, что, когда родился младенец Иисус Христос, волхвы пришли Ему поклониться и принесли с собой ценные дары: золото, ладан и благовонную смолу мирру.

К сему присовокуплялась карточка с надписью: «М-р Джеймс Диллингем Юнг». «Диллингем» развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того, как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и неприятное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» — и нежные объятия миссис Джеймс Диллингем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой¹ по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у нее только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот все, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Ее Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо². Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой мебелированной квартиры? Очень худой и очень подвижной человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза ее сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости.

¹ Пуховка — пучок мягких пушистых волокон для нанесения пудры.

² Трюмо — большое зеркало, которое отражает человека во весь рост.

Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская¹ проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения ее величества. Если бы царь Соломон² служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвет на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спустились ниже колен и плащом окутывали почти всю ее фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блестками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «*M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос*». Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпку, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощенья за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось

¹ Царица Савская — легендарная правительница царства в Южной Аравии, библейский персонаж. В преданиях о ее царстве говорится как о волшебной стране, где песок дороже золота, растут деревья из райского сада, а люди не знают войны.

² Соломон — царь Израильского царства, правивший почти за тысячу лет до нашей эры, библейский персонаж. Славился своей мудростью.

в других магазинах, а уж она все в них перевернула вверх дном. Это была платиновая¹ цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Ее, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела ее, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восьмьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предсмотрительности и расчету. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причиненные великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как ее голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали ее удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьет меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда². Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, и раскаленная сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У нее была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

¹ Платина — драгоценный металл белого цвета, который ценится дороже золота.

² Кони-Айленд — полуостров в пригороде Нью-Йорка (США).

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелегкое дело в двадцать два года быть обремененным семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мерзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одного из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на нее, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердишься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он все еще не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня все равно будешь любить? Я ведь все та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдешь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня сочельник¹, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и ее нежный голос вдруг зазвучал серьезно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займемся

¹ Сочельник — канун церковного праздника Рождества и Крещения.

рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намеки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто сверток и бросил его на стол.

— Не пойми меня ложно, Делл, — сказал он. — Никакая прическа и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот сверток, и тогда ты поймешь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечевку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увы! — чисто по-женски сменившийся потоком слез и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея¹. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет ее каштановых волос. Они стоили дорого — Делла знала это, — и сердце ее долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожаделенный блеск.

Все же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слезы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котенок, и воскликнула:

— Ах, Боже мой!

Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах ее бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, куда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть,

¹ Бродвей — улица в Нью-Йорке.

который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть все вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лег на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — придется нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

1905

(Перевод с английского Е. Калашниковой)

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Охарактеризуйте материальное положение молодой семьи Диллингемов.
2. Какими двумя сокровищами владели Делла и Джим?
3. Чего опасается Делла, ожидая прихода Джима?
4. Почему, увидев подарок, который купил ей муж, Делла сначала обрадовалась, а потом расплакалась?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Подумайте, почему так подробно описывается жилище Джима и Деллы.
 2. Как герои относились к своей бедности?
 3. Что заставило Деллу и Джима пожертвовать самым дорогим друг для друга?
 4. Можно ли сказать, что их жертвы оказались напрасны? Обоснуйте ответ.
- ❖ К какому жанру — рассказу или новеллы — можно отнести произведение? Почему?
- 🧑 Почему автор называет героев своего рассказа наимудрейшими дарителями?

Высказываем мнение

1. Растолкуйте смысл заглавия новеллы. Предложите свой вариант.

- От имени Деллы или Джима расскажите, что почувствовали герои, когда увидели подарки.

і Найдите в библиотеке или на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua и прочитайте новеллу «*Последний лист*». Ответьте на вопросы и выполните задания к тексту произведения.

1. Где познакомились главные героини рассказа?
 2. В каком квартале поселились девушки? Почему?
 3. Почему Джонси считала облетающие листья?
 4. Охарактеризуйте Бермана. Как сложилась его карьера художника?
 5. Какую роль в новелле играет описание лабиринта улиц?
 6. Какое впечатление производит Берман первоначально? Меняется ли оно к финалу новеллы? Если да, то как?
 7. Как вы понимаете значение слова «шедевр»? Почему рисунок Бермана на стене назван шедевром?
 8. Какое впечатление произвел на вас поступок старика? Как вы думаете, какую роль играет самопожертвование в жизни человека? Ради кого или чего стоит жертвовать собой?
 9. Как называется прием, при котором неодушевленные предметы и явления наделяются свойствами одушевленных? На ваш взгляд, почему О. Генри изобразил болезнь как существо одушевленное?
 10. Почему произведение О. Генри относят к жанру новеллы?
 11. Хотелось ли бы вам изменить финал произведения? Почему? Какие именно изменения вы бы внесли?
 12. Напишите свой вариант финала новеллы «Последний лист».
- ✧ Литературовед А. Аникст утверждал: «Концовка новеллы у О. Генри, подобно яркой вспышке молнии, озаряет все то, что раньше таилось во мраке, и картина сразу становится ясной. Установите, справедливо ли это наблюдение по отношению к новелле «Последний лист».

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

(1859—1930)

Английский писатель Артур Конан Дойл родился в столице Шотландии Эдинбурге.

Мать будущего классика детектива страстно любила литературу и была талантливой рассказчицей. Артур унаследовал от нее и увлечение книгами, и дар слова. Его способность к сочинительству проявилась в колледже, где он развлекал товарищей выдуманными историями.

Окончив колледж, Конан Дойл¹ поступил на медицинский факультет Эдинбургского университета. В студенческие годы он сочинил первые рассказы и дебютировал в печати: в лондонских журналах появились его произведения «Тайна долины Сэссаса» и «Рассказ американца». Однако всерьез о профессии писателя молодой автор еще не помышлял. Он с увлечением учился и занимался врачебной практикой.

Лишь получив степень доктора медицины и несколько лет проработав врачом, Конан Дойл понял, что его призвание — литература. Одно за другим он создал много произведений: исторический роман «Белый отряд», драму «Ватерлоо», морские рассказы о жестоком пирате Шарки, научно-фантастический роман «Затерянный мир», статьи на политические темы. Полное собрание его сочинений составляет 70 томов!

Однако во всем мире Артура Конан Дойла знают и любят прежде всего благодаря циклу детективных рассказов и повестей о блестящем сыщике Шерлоке Холмсе.

Детектив — произведение, в основе которого лежит расследование загадочного происшествия, чаще всего — преступления.

Цикл (от греч. *kyklus* — круг, окружность) — ряд художественных произведений, объединенных общей темой, действующими лицами, общим повествователем, но сохраняющих относительную самостоятельность вне цикла.

¹ До сих пор среди ученых идут споры, является ли слово «Конан» вторым именем писателя (такие имена принято давать в Англии) или частью фамилии. В англоязычных странах фамилию пишут то как Дойл, то как Конан Дойл. Большинство исследователей признает двойную фамилию. В доказательство они приводят тот факт, что супруга детектива известна как Джин Конан Дойл, а не Джин Дойл.

■ Музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит в Лондоне

Шерлок Холмс имел такой ошеломляющий успех, что совершенно затмил других героев писателя. Однако Конан Дойл не придавал большого значения произведениям о гениальном детективе и не раз пытался избавиться от своего персонажа: в одной повести сбросил его в бездну, в другой — заставил покончить с сыском и заняться разведением пчел на ферме в Суссексе. В 1893 г., опубликовав две очередные повести и сборник рассказов о Холмсе, Конан Дойл написал матери: «Я как раз на середине последнего рассказа о Холмсе, после чего джентльмен исчезнет навсегда...» Однако этого не случилось. Издатели требовали от Конан Дойла новых историй о Шерлоке, а тысячи читателей присылали трогательные письма с мольбами не отнимать у них полюбившегося героя. И Конан Дойл вновь брался за перо...

Шерлок Холмс является одним из самых популярных литературных героев. Несколько десятилетий читатели и критики пытаются разгадать секрет его успеха. Многие сходятся в том, что популярность Шерлоку Холмсу принесли знаменитый дедуктивный метод, основанный на внимании к мельчайшим деталям и умении делать выводы, а также наблюдательность. Другие способности (мастерское владение несколькими видами оружия и боевыми искусствами) Холмс развил путем долгих лет практики и тренировок. Герой прекрасно ориентируется во многих областях науки, связанных с криминалистикой. Привлекательны и многие личные качества Холмса. Даже когда он завоевал репутацию самого известного и талантливого частного сыщика Англии, то нередко брался за дела, которые не могли принести материальной выгоды. Например, герой отказался от вознаграждения за дело, описанное в «Пестрой ленте». А главное, Холмс — благородный человек, стремящийся служить добру.

ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ

■ У Холмса был прототип — университетский преподаватель Артура Конан Дойла, хирург, профессор **Джозеф Белл**. Внешность Шерлока (необычайная худоба, острый, пронизывающий взгляд и орлиный профиль) в точности повторяет облик Белла. Профессор мог поставить диагноз, а также определить, где работает пациент, чем увлекается, что пережил в прошлом, едва взглянув на него. Своим студентам он объяснял, что просто делает выводы на основе умения наблюдать и логически рассуждать.

Осмысливаем прочитанное

1. Какую национальную литературу представляет Артур Конан Дойл?
2. Произведения каких жанров создал писатель?
3. Что обозначают понятия «детектив» и «цикл»?

Готовим проект

- Используя *памятку №8*, подготовьте проект «Шерлокиана: произведения о Шерлоке Холмсе, созданные другими авторами».

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

(В сокращении)

<...> Проснувшись в одно апрельское утро 1883 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно. <...>

— Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон, — сказал он. — Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она — меня, а я — вас.

— Что же такое? Пожар?

— Нет, клиентка. Приехала какая-то девушка, она ужасно взволнована и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. <...> Дело может оказаться интересным, и вам, конечно, хотелось бы услышать эту историю с самого первого слова. Вот я и решил предоставить вам эту возможность. <...>

— Меня зовут Элен Стоунер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. <...> Было время, когда семья Ройлоттов была одной из самых богатых в Англии. <...> Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали семейное состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью... От прежних поместий остались лишь несколько акров¹ земли да старинный дом, построенный лет двести назад и грозящий рухнуть под бременем закладных². Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособиться к новому положению вещей, взял займы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража, и Ройлотт в припадке бешенства избил до смерти туземца-дворецкого. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора артиллерии. Мы были близнецы — я и моя сестра Джулия, и, когда наша мать выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов дохода в год. По ее завещанию, это состояние переходило к доктору Ройлотту, поскольку мы жили вместе. Но если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода. Вскоре после нашего возвращения в Англию наша мать умерла — она погибла восемь лет назад во время железнодорожной катастрофы при Кру. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне и наладить там медицинскую практику и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Мороне. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять наши потребности, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

¹ Акр — единица площади в Англии.

² Закладная — документ, свидетельство о том, что человек взял в долг деньги под залог своего имущества: земли или дома.

<...> Он сделался грозой всего селения... Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и, так как в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в сторону. <...> Единственные друзья его — кочующие цыгане, он позволяет этим бродягам раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем все его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают гепард и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Никто не хотел идти к нам в услужение, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

— Так ваша сестра умерла?

— Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я и хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни мы почти не встречались с людьми нашего возраста и нашего круга. Правда, у нас есть незамужняя тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, она живет близ Харроу, и время от времени нас отпускали погостить у нее. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее Рождество. Там она встретила с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня единственной подруги...

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на длинную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

— Прощу вас рассказывать, не пропуская ни одной подробности, — сказал он.

— Мне легко быть точной, потому что все события тех ужасных дней врезались в мою память... Как я уже говорила, наш дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй

спала моя сестра, а в третьей — я. Спальни не сообщаются между собой, но все они имеют выход в один коридор. <...>

Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он еще не лег, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Сестра не выносила этого запаха и пришла в мою комнату, где мы просидели некоторое время, болтая о ее предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Элен, не кажется ли тебе, будто кто-то свистит по ночам?»

«Нет», — сказала я. <...>

«В последнее время, часа в три ночи, мне ясно слышится тихий, отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Не могу понять, откуда он доносится, — быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят эти мерзкие цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, все это пустяки», — улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щелкнул ключ в ее двери.

— Вот как! — сказал Холмс. — Вы на ночь всегда запираетесь на ключ?

— Всегда.

— А почему?

— Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили гепард и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

— Понимаю. Прошу продолжать.

— Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Мы близнецы, а вы знаете, какими тонкими узами связаны столь родственные души. Ночь была жуткая: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось,

что я слышу тихий свист, вроде того, о котором мне рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно на землю упал тяжелый металлический предмет. <...> При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с белым от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Бросившись к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени сестры подогнулись, и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнает, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула... О, я никогда не забуду ее страшного голоса.

«Боже мой, Элен! — кричала она. — Лента! Пестрая лента!»

Она пыталась еще что-то сказать, указывая пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова. Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он приблизился к ней. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры...

— Позвольте спросить, — сказал Холмс. — Вы уверены, что слышали свист и лязг металла? Могли бы вы показать это под присягой?

— Об этом спрашивал меня и следователь. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение и завывание бури, и потрескивания старого дома.

— Ваша сестра была одета?

— Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

— Значит, она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

— Он тщательно изучил все обстоятельства — ведь буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными

■ Пестрая лента (К. Сапегин. 1964)

засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Осмотр пола тоже не дал никаких результатов. Каминная труба широка, но ее перекрывают целых четыре вьюшки¹. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

— А как насчет яда?

— Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

— Что же, по-вашему, было причиной смерти?

— Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог бы ее так напугать.

— А цыгане были в то время в усадьбе?

— Да, цыгане почти всегда живут у нас.

— А что, по-вашему, могли означать ее слова о ленте, о пестрой ленте?

— Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда — что они относятся к цыганам. Но почему лента пестрая? Возможно, что пестрые платки, которые носят цыганки, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, объяснение не удовлетворяло его.

— Это дело темное, — сказал он. — Прошу вас, продолжайте.

— С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знаю много лет, сделал мне предложение.

¹ Вьюшка — задвижка в печной трубе, которая перекрывает ход воздуха.

Его зовут Армитедж, Пэрси Армитедж, он второй сын мистера Армитеджа из Крейнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и этой весной мы должны обвенчаться. Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Снова лечь я не могла — я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Летерхед, а оттуда сюда — с одной только мыслью повидать вас и спросить у вас совета.

— Вы очень умно поступили, — сказал мой друг. — Но все ли вы рассказали мне?

— Да, все.

— Нет, не все, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

— Я не понимаю вас...

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку на рукаве нашей посетительницы. Пять багровых пятен — следы пяти пальцев — ясно виднелись на белом запястье.

— Да, с вами обошлись жестоко, — сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

— Отчим — суровый человек, — сказала она. — Он очень силен, и, возможно, сам не замечает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

— Сложное дело, — сказал он наконец. — Мне хотелось бы выяснить еще тысячу подробностей, прежде чем решить, как действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Послушайте, если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морон, удалось бы нам осмотреть эти комнаты, но так, чтобы ваш отчим ничего не узнал?

— Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то важным делам. Возможно, что его не будет весь день, и тогда никто вам не помешает. <...>

— Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

— Ровно ничего.

— Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

— У меня в городе есть кое-какие дела. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

— Ждите нас вскоре после полудня. <...>

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

— Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? — спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

— По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело. <...>

— Если сопоставить факты: ночные свисты, цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Элен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, — я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие. <...> Я хочу проверить все на месте. Не обернулись бы кое-какие обстоятельства самым роковым образом. Может быть, их удастся прояснить. Черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась, и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. <...>

Он переводил взгляд то на Шерлока Холмса, то на меня.

— Который из вас Холмс? — промолвил наконец посетитель.

— Это мое имя, сэр, — спокойно ответил мой друг. — Но я не знаю вашего.

— Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морона.

— Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор, — любезно сказал Шерлок Холмс.

— Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

— Что-то не по сезону холодная погода нынче, — сказал Холмс.

— Что она говорила вам? — злобно закричал старик. <...> — Знаю я вас, подлеца. Я уже и прежде слышал про вас. Вы любите совать нос в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

— Вы проныра! <...>

Холмс от души расхохотался.

— Вы удивительно приятный собеседник, — сказал он. — Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

— Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь, я следил за ней! Горе тому, кто станет у меня на пути! Глядите!

Он быстро подошел к камину, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

— Смотрите, не попадайтесь мне в лапы! — прорычал он, швырнув искривленную кочергу в камин, и вышел из комнаты.

— Какой любезный господин! — смеясь, сказал Холмс. — Я не такой великан, но если бы он не ушел, мне пришлось бы доказать ему, что мои лапы ничуть не слабее его лап.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

— Какая наглость смешивать меня с сыщиками из полиции! Что ж, благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь, что наша приятельница не пострадает от того, что так необдуманно позволила этой скотине выследить себя. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завещание покойной жены доктора, — сказал он. — <...> В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу фунтов стерлингов, но с тех пор в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. Выйдя замуж, каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. <...>

Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты, тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кэб¹ и ехать на вокзал. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер. Револьвер — превосходный аргумент для джентльмена, который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка — вот и все, что нам понадобится. <...>

[Холмс и Уотсон прибыли в Сток-Морон и встретили мисс Стоунер.]

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам на встречу.

— Я с таким нетерпением ждала вас! — воскликнула она, горячо пожимая нам руки. — Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

— Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, — сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произошло. Мисс Стоунер побледнела.

— Боже мой! — воскликнула она. — Значит, он шел за мной следом! <...> Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что он скажет, когда возвратится?

— Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. На ночь запирайтесь от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Харроу... Ну, а теперь надо как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

<...> Маленькая боковая дверь открывалась в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех трех спален. Холмс не счел нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стоунер и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комнатка с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный столик. Убранство комнаты довершали два плетеных стула да квадратный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями

¹ Кэб — двухколесный конный экипаж.

дуба, такие древние и выцветшие, что казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

— Куда проведен этот звонок? — спросил он наконец указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала на подушке.

— В комнату прислуги.

— Он как будто новее всех прочих вещей.

— Да, он проведен всего несколько лет назад.

— Вероятно, ваша сестра просила об этом?

— Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда все делали сами.

— Действительно, здесь этот звонок — лишняя роскошь. Вы меня извините, если я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, пристально исследуя каждую трещину в половицах. Также тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю стену снизу доверху. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

— Да ведь звонок поддельный! — сказал он.

— Он не звонит?

— Он даже не соединен с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.

— Как странно! Я и не заметила этого.

— Очень странно... — бормотал Холмс, дергая шнур. — В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безумным строителем, чтобы вывести вентилятор в соседнюю комнату, когда его с такой же легкостью можно было вывести наружу!

— Все это сделано тоже очень недавно, — сказала Элен.

— Примерно в одно время со звонком, — заметил Холмс.

— Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

— Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стоунер, мы перенесем наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримсби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф — вот и все, что бросалось в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, с живейшим интересом исследуя каждую вещь.

— Что здесь? — спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

— Деловые бумаги моего отчима. <...>

— А нет ли в нем, например, кошки?

— Нет. Что за странная мысль!

— А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдо с молоком.

— Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть гепард и павиан.

— Ах, да! Гепард, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдо молока может насытить этого зверя. Да, в этом надо разобраться.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать сиденье.

— Благодарю вас, все ясно, — сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. — Ага, вот еще кое-что весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая собачья плетть, висевшая в углу кровати. Конец ее был завязан петлей.

— Что вы об этом думаете, Уотсон?

— По-моему, самая обыкновенная плетть. Не понимаю, для чего понадобилось завязывать на ней петлю.

— Не такая уж обыкновенная... Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал все, что мне нужно, а теперь с вашего позволения мы пройдемся по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и насупленным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стоунер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

— Очень важно, мисс Стоунер, чтобы вы в точности следовали моим советам, — сказал он. <...> — Обстоятельства слишком серьезны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

— Я целиком полагаюсь на вас.
— Во-первых, мы оба — мой друг и я — должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стоунер и я взглянули на него с изумлением.

— Это необходимо. Я вам объясню. Что это там, в той стороне? Вероятно, деревенская гостиница?

— Да, там «Корона».

— Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запирайтесь на ключ. Услышав, что он пошел спать, вы снимете засов, откроете ставни вашего окна и поставите на подоконник лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Тогда, захватив с собой все, что пожелаете, вы перейдете в свою бывшую комнату. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

— Безусловно.

— Остальное предоставьте нам.

— Но что же вы собираетесь сделать?

— Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас. <...> А теперь, мисс Стоунер, мы должны покинуть вас, потому что, если мистер Ройлотт вернется и застанет нас, вся поездка окажется совершенно напрасной. До свидания! Будьте мужественны, сделайте все, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». Номер наш находился в верхнем этаже, и из окна видны были ворота парка и обитаемое крыло сток-моронского дома. В сумерках мы видели, как мимо проехал доктор Гримсби Ройлотт; его грузное тело вздымалось горой рядом с тощей фигурой мальчишки, правившего экипажем. Мальчишке не сразу удалось открыть тяжелые железные ворота, и мы слышали, как рычал на него доктор, и видели, с какой яростью он потрясал кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут сквозь деревья замелькал свет от лампы, зажженной в одной из гостиных. Мы сидели в потемках, не зажигая огня.

— Право, не знаю, — сказал Холмс, — брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то очень опасное. <...>

— Тогда я непременно пойду.

— Спасибо.

— Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего не видел я.

— Нет, я видел то же, что и вы, но сделал другие выводы.

— Я не заметил в комнате ничего примечательного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели он может служить.

— А на вентилятор вы обратили внимание?

— Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

— Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морон.

— Дорогой мой Холмс!

— Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигар, которые курит доктор Ройлотт? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе его заметил бы следователь при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

— Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

— А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

— Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

— А в кровати вы не заметили ничего особенного?

— Нет.

— Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели, чтобы кровати привинчивали к полу?

— Пожалуй, не видел.

— Леди не могла передвинуть свою кровать, ее кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

— Холмс! — вскричал я. — Кажется, я начинаю понимать, на что вы намекаете. Значит, мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утонченное преступление.

— Да, утонченное и ужасное. Когда врач совершает преступление, он опаснее всех прочих преступников. У него

крепкие нервы и большие знания. <...> Этот человек очень хитер, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. <...>

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий огонек засиял прямо против нашего окна.

— Это сигнал для нас, — сказал Холмс, вскакивая. — Свет горит в среднем окне. <...>

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая парковая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли ее и уже собирались влезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного уродя-ребенка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом промчалось через лужайку и скрылось в темноте.

— Боже! — прошептал я. — Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал ее, словно тисками. Потом тихо рассмеялся и, приблизив губы к моему уху, пробормотал еле слышно:

— Милая семейка! Ведь это павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора. А гепард, который каждую минуту может оказаться у нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было все как днем. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал так тихо, что я едва понял его:

— Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой, показывая, что слышу.

— Нам придется сидеть без огня. Сквозь вентилятор он может заметить свет.

Я кивнул еще раз.

— Не засните — от этого зависит ваша жизнь. Держите револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принес с собой длинную, тонкую трость и поместил ее возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи. Потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами, в таком же напряженном, нервном состоянии, как и я. Ставни не пропускали ни малейшего луча света, мы сидели в абсолютной тьме. <...> Слышно было, как вдалеке церковные часы гулко отбивали четверти. <...> Пробило двенадцать, час, два, три, а мы все сидели молча, ожидая чего-то неизбежного.

Внезапно у вентилятора мелькнул свет и сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накалированного металла. Кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом все смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгновение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

— Вы видите ее, Уотсон? — проревел он. — Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи пререзал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Похолодевшие от ужаса, мы глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

— Что это значит? — спросил я, задыхаясь.

— Это значит, что все кончено, — ответил Холмс. — И в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажег лампу и пошел по коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри

никто не ответил. Тогда он повернул ручку и вошел в комнату. Я шел следом за ним, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял фонарь, бросая яркий луч света на железный нестораемый шкаф, дверца которого была полуоткрыта. У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза в потолок; в глазах застыло выражение страха. Вокруг его головы туго обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука.

— Лента! Пестрая лента! — прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась граненая головка и раздувшаяся шея ужасной змеи.

— Болотная гадюка! — вскричал Холмс. — Самая смертоносная индийская змея! Он умер через девять секунд после укуса. «Поднявший меч от меча и погибнет», и тот, кто роет другому яму, сам в нее попадет. Посадим эту тварь в ее логово, отправим мисс Стоунер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

Он схватил плеть с колен мертвого, накинуд петлю на голову змеи, стащил ее с ужасного насеста, швырнул внутрь нестораемого шкафа и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морона. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как утренним поездом мы препроводили ее на попечение тетки в Харроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей — ядовитой змеей. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

— В начале я пришел к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, — сказал он, — и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, восклицание несчастной девушки, пытавшейся объяснить,

что она увидела, чиркнув спичкой, — всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу же пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, угадал. Только такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке, могло прийти в голову прибегнуть к яду, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете рядом с мертвой. Вероятно, давая ей молоко, он приучил ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы ее, если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдо с молоком и плетъ, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стоунер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи — вы, конечно, тоже слышали его, — я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

— Вы прогнали ее назад в вентилятор...

— ...и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримсби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

1892

(Перевод с английского М. Чуковской)

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Кто и почему обратился за помощью к Шерлоку Холмсу?
2. При каких обстоятельствах погибла Джулия?
3. Почему замужество Элен очень не выгодно для ее отчима?
4. Что заинтересовало сыщика при осмотре комнаты Джулии?
5. Как погиб Ройлотт?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Какую роль в рассказе играет история семьи Ройлоттов? Почему писатель подробно рассказывает о ней?
2. Что побудило Гримсби Ройлотта совершить преступление?
3. Какие способности демонстрирует Холмс в рассказе?
4. Какую роль играет в сюжете рассказа фигура Уотсона?
5. Чем похожи и чем отличаются Холмс и Уотсон? Составьте план сравнительной характеристики неразлучных компаньонов. Используйте *памятку № 4*.

Готовим проект

- i** Распутывая сложнейшие преступления, Шерлок Холмс использовал дедуктивный метод. Подготовьте проект на тему «Что такое дедуктивный метод и как развить дедуктивное мышление». Информацию для выполнения проекта найдите в библиотеке или на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua.

ИДЕМ В БИБЛИОТЕКУ

- i** Найдите в библиотеке или на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua и прочитайте рассказ «**Голубой карбункул**». Ответьте на вопросы и выполните задание к тексту произведения.
1. Что украдено у графини Моркар?
 2. На кого в первую очередь падает подозрение? Почему?
 3. С какой просьбой посыльный Петерсон приходит к Шерлоку Холмсу?
 4. В каком неожиданном месте обнаруживается голубой карбункул?
 5. Что такое «гусиный клуб»?
 6. Почему Холмс отпустил преступника? Как этот поступок характеризует сыщика?

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

(1918—2015)

Английский писатель Джеймс Олдридж родился в Австралии, в деревушке Уайт Хиллз (штат Виктория). Писатель называл свое детство «том-сойеровским» — вольным и полным приключений. Многодетная семья Олдриджей жила небогато: молоко и масло считалось роскошью, сахар и чай покупались в строго ограниченном количестве. Поэтому, поступив в колледж Мельбурна, Джеймсу пришлось устроиться на работу в редакцию газеты. Он выполнял обязанности грузчика, рассыльного, помощника верстальщи-

ка, журналиста. В 20-летнем возрасте Олдридж отправился в Англию, откуда были родом его отец и мать. Он поступил в старейший университет страны Оксфорд и в Лондонскую школу авиации, а также сотрудничал с лондонскими периодическими изданиями. С каждым днем журналистика и литература захватывали его все больше.

Отточить писательское мастерство Олдриджу помог опыт работы военным корреспондентом на фронтах Второй мировой войны. В качестве военного журналиста он побывал в Норвегии, Финляндии, Испании, Греции, Египте, Ливии, Иране, Советском Союзе. Тема борьбы представителей разных народов с фашизмом и послевоенной обстановки в мире стала главной в репортажах, новеллах и романах писателя 1940—1950-х годов. В 1964 году Олдридж посетил Киев. После этого он признался: «Украина напоминает мне страну моего детства Австралию. На мой взгляд, любой украинский мальчик может узнать себя в героях моих детских рассказов».

С 1960-х годов Олдридж увлекся созданием произведений для детей и юношества. Они имели такой успех, что некоторые были экранизированы. В основе произведений писателя лежат острые драматические ситуации, герои переживают потрясения, которые приводят к перевороту в их взглядах на мир и на себя. Не стало исключением и одно из самых известных произведений Олдриджа — небольшой рассказ «Последний дюйм».

В рассказе Джеймс Олдридж убедительно показывает, что даже в безвыходной, на первый взгляд, ситуации человек способен сохранять выдержку, проявлять лучшие черты характера и преодолевать «последний дюйм» на пути к взаимопониманию с окружающими.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

■ В детстве Олдридж часто слышал рассказы бывалых австралийских рыбаков об акулах и их жертвах. Ему также приходилось видеть искалеченных хищниками людей. А после Второй мировой войны писатель занимался подводными съемками и сам наблюдал за акульими повадками.

Однажды Олдридж вместе с женой и сыном отправился снимать фауну Красного моря в Акульей бухте (Египет). Под водой он столкнулся с восемью крупными акулами. В это время семья писателя с тревогой ждала его на берегу. К счастью, рыбы не тронули ныряльщика. Свои чувства во время опасного столкновения и переживания близких Олдридж затем описал в рассказе «Последний дюйм».

Осмысливаем прочитанное

1. Где родился и вырос Олдридж?
2. В какой стране происходило его становление как писателя?
3. Какие темы поднимал писатель в своих произведениях?

ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ

(В сокращении)

Хорошо, если, налетав за двадцать лет не одну тысячу миль, ты и к сорока годам все еще испытываешь удовольствие от полета; хорошо, если еще можешь радоваться тому, как артистически точно посадил машину; чуть-чуть отожмешь ручку, поднимешь легкое облачко пыли и плавно отвоюешь последний дюйм над землей. <...>

Но с полетами на «ДС-3», когда старенькую машину поднимешь, бывало, в воздух в любую погоду и летишь над лесами где попало, было покончено. Работа в Канаде дала ему хорошую закалку, и не удивительно, что заканчивал он свою летную жизнь над пустынями Красного моря, летая на «Фейрчайльде» для нефтеэкспортной компании Тексегипто, у которой были права на разведку нефти по всему египетскому побережью. Он водил «Фейрчайльд» над пустыней до тех пор, пока самолет совсем не изнашивался. Посадочных площадок не было. Он сажал машину везде, где хотелось сойти геологам и гидрологам, — на песок, на кустарник, на каменистое дно пересохших ручьев и на длинные белые отмели Красного моря. <...>

Все было кончено: ему стукнуло сорок три, жена уехала от него домой на Линнен-стрит в городе Кембридж, штата Массачусетс, и зажила как ей нравилось: <...> Он пообещал приехать к ней еще весной, но знал, что не сделает этого, так же как знал, что не получит в свои годы летной работы, особенно такой, к какой он привык, не получит ее даже в Канаде. В тех краях предложение превышало спрос и когда дело касалось людей опытных; фермеры Саскачевана сами учились летать на своих «Пайперкэбах» и «Остерах». Любительская авиация лишала куска хлеба многих старых летчиков. Они кончали тем, что нанимались обслуживать рудоуправления или правительство, но такая работа была слишком благопристойной и добропорядочной, чтобы подойти ему на старости лет.

Так он и остался ни с чем, если не считать равнодушной жены, которой он не был нужен, да десятилетнего сына, родившегося слишком поздно и, как понимал в глубине души Бен, чужого им обоим — одинокого, неприкаянного ребенка, который в десять лет чувствовал, что мать им не интересуется, а отец — посторонний человек, резкий и немногословный, не знающий, о чем с ним говорить в те редкие минуты, когда они бывали вместе.

Вот и сейчас было не лучше, чем всегда. Бен взял с собой мальчика на «Остер», который бешено мотало на высоте в две тысячи футов над побережьем Красного моря, и ждал, что мальчишку вот-вот укачает.

— Если тебя стошнит, — сказал Бен, — пригнись пониже к полу, чтобы не запачкать всю кабину.

— Хорошо. — У мальчика был очень несчастный вид.

— Боишься?

Маленький «Остер» безжалостно швыряло в накаленном воздухе из стороны в сторону, но перепуганный мальчишка все же не терялся и, с ожесточением посасывая леденец, разглядывал приборы, компас, прыгающий авиагоризонт.

— Немножко, — ответил мальчик тихим и застенчивым голосом, непохожим на грубоватые голоса американских ребят. — А от этих толчков самолет не сломается?

Бен не умел утешать сына, он сказал правду:

— Если за машиной не следить и не проверять ее все время, она непременно сломается.

— А эта... — начал было мальчик, но его сильно тошнило, и он не мог продолжать.

— Эта в порядке, — с раздражением сказал отец. — Вполне годный самолет.

Мальчик опустил голову и тихонько заплакал.

Бен пожалел, что взял с собой сына. У них в семье великодушные порывы всегда кончались неудачей: оба они были такие — сухая, плаксивая, провинциальная мать и резкий, вспыльчивый отец. Во время одного из редких приступов великодушия Бен как-то попробовал поучить мальчика управлять самолетом, и хотя сын оказался очень понятливым и довольно быстро усвоил основные правила, каждый окрик отца доводил его до слез...

[Бен посадил самолет на узкую полосу песка у морского залива. Отсюда до ближайшего жилья было сто миль, а вокруг расстилалась мертвая пустыня. Дэви понял, какого мастерства требовала от пилота посадка в таких условиях.]

Два летчика воздушной линии, которые открыли эту бухту, назвали ее Акульей — не из-за формы, а из-за ее населения. В ней постоянно водилось множество крупных акул, которые заплывали из Красного моря, гоняясь за косяками сельди и кефали, искавшими здесь убежища. Бен и прилетел-то сюда из-за акул, а теперь, когда попал в бухту, совсем забыл о мальчишке и время от времени только давал ему распоряжения: помочь при разгрузке, закопать мешок с продуктами в мокрый песок, смачивать песок, поливая его морской водой, подавать инструменты и всякие мелочи, необходимые для акваланга и камер.

— А сюда кто-нибудь когда-нибудь заходит? — спросил его Дэви.

Бен был слишком занят, чтобы обращать внимание на то, что говорит мальчик, но все же, услышав вопрос, покачал головой:

— Никто! Никто не может сюда попасть иначе, как на легком самолете. Принеси мне два зеленых мешка, которые стоят в машине, и прикрывай голову. Не хватало еще, чтобы ты получил солнечный удар!

Больше вопросов Дэви не задавал. Когда он о чем-нибудь спрашивал отца, голос у него сразу становился угрюмым: он заранее ожидал резкого ответа. Мальчик и не пытался

продолжать разговор и молча выполнял, что ему приказывали. Он внимательно наблюдал, как отец готовил акваланги и киноаппарат для подводных съемок, собираясь снимать в прозрачной воде акул.

— Смотри не подходи к воде! — приказал отец.

Дэви ничего не ответил.

— Акулы непременно постараются отхватить от тебя кусок, особенно если подымутся на поверхность, — не смей даже ступить в воду!

Дэви кивнул головой.

Бену хотелось чем-нибудь порадовать мальчика, но за много лет ему это ни разу не удавалось, а теперь, видно, было поздно. Когда ребенок родился, начал ходить, а потом становился подростком, Бен почти постоянно бывал в полетах и подолгу не видел сына. Так было в Колорадо, во Флориде, в Канаде, в Иране, в Бахрейне и здесь, в Египте. Это его жене, Джоанне, следовало постараться, чтобы мальчик рос живым и веселым.

Вначале он пытался привязать к себе мальчика. Но разве добьешься чего-нибудь за короткую неделю, проведенную дома, и разве можно назвать домом чужеземный поселок в Аравии, который Джоанна ненавидела и всякий раз поминала только для того, чтобы потосковать о росистых летних вечерах, ясных морозных зимах и тихих университетских улочках родной Новой Англии? Ее ничто не привлекало, ни глинобитные домишки Бахрейна, при ста десяти градусах по Фаренгейту и ста процентах влажности воздуха, ни оцинкованные поселки нефтепромыслов, ни даже пыльные, беспардонные улицы Каира. Но апатия (которая все усиливалась и наконец совсем ее извела) должна теперь пройти, раз она вернулась домой. Он отвезет к ней мальчонку, и, раз она живет, наконец, там, где ей хочется, Джоанне, может быть, удастся хоть немного заинтересоваться ребенком. Пока что она не проявляла этого интереса, а с тех пор, как она уехала домой, прошло уже три месяца. <...>

[Бен с помощью сына надел снаряжение и скрылся под водой. Он осознал, что разговаривал с мальчиком в таком же резком и повелительном тоне, как с женой, чье равнодушие всегда раздражало его. Не удивительно, отметил про себя герой, что «бедный парнишка сторонится их обоих».]

Дэви смотрел на море, которое поглотило его отца, словно мог что-нибудь разглядеть. Но ничего не было видно — только изредка на поверхности появлялись пузырьки воздуха.

Ничего не было видно ни на море, которое далеко вдаль сливалось с горизонтом, ни на бескрайних просторах выжженного солнцем побережья. А когда Дэви вскарабкался на раскаленный песчаный холм у самого высокого края бухты, он не увидел позади себя ничего, кроме пустыни, то ровной, то слегка волнистой. Она уходила, сверкая, вдаль, к таявшим в знойном мареве красноватым холмам, таким же голым, как и все вокруг.

Под ним был только самолет, маленький серебряный «Остер», — мотор, остывая, все еще потрескивал. Дэви чувствовал свободу. <...>

Бен, прижавшись спиной к кораллу, мучился с клапаном, регулирующим подачу воздуха. Он опустился неглубоко, не больше чем на двадцать футов, но клапан работал неравномерно, и ему приходилось с усилием втягивать воздух. А это было изнурительно и небезопасно.

Акул было много, но они держались на расстоянии. Они никогда не приближались настолько, чтобы можно было как следует поймать их в кадр. Придется приманивать их поближе после обеда. Для этого Бен взял в самолет половину лошадиной ноги; он обернул ее в целлофан и закопал в песок.

— На этот раз, — сказал он себе, шумно выпуская пузырьки воздуха, — я уж наснимаю их не меньше чем на три тысячи долларов.

Телевизионная компания платила ему по тысяче долларов за каждые пятьсот метров фильма об акулах и тысячу долларов отдельно за съемку рыбы-молота. Но здесь рыба-молот не водится. Были тут три безвредные акулы-великаны и довольно крупная пятнистая акула-кошка, она бродила у самого серебристого дна, подальше от кораллового берега. Бен знал, что сейчас он слишком деятелен, чтобы привлечь к себе акул, но его интересовал большой орляк, который жил под выступом кораллового рифа: за него тоже платили пятьсот долларов. Им нужен был кадр с орляком на подходящем фоне. Кишащий тысячами рыб, подводный коралловый мир был хорошим фоном, а сам орляк лежал в своей коралловой пещере.

— Ага, ты еще здесь! — сказал Бен тихонько.

Длиною рыба была в четыре фута, а весила один Бог знает сколько; она поглядывала на него из своего убежища, как и в прошлый раз — неделю назад. Жила она тут, наверно, не меньше ста лет. Шлепнув у нее перед мордой ластами, Бен заставил ее попятиться и сделал хороший кадр, когда рассерженная рыба неторопливо пошла вниз, на дно.

Пока что это было все, чего он добивался. Акулы никуда не денутся и после обеда. Ему надо беречь воздух, потому что здесь, на берегу, баллоны не зарядишь. Повернувшись, Бен почувствовал, как мимо его ног прошелестела плавниками акула. Пока он снимал орляка, акулы зашли к нему в тыл.

— Убирайтесь к чертям! — заорал он, выпуская огромные пузыри воздуха.

Они уплыли: громкое бульканье спугнуло их. Песчаные акулы пошли на дно, а «кошка» поплыла на уровне его глаз, внимательно наблюдая за человеком. Такую криком не запугаешь. Бен прижался спиной к рифу и вдруг почувствовал, как острый выступ коралла впился в руку. Но он не спускал глаз с «кошки», пока не поднялся на поверхность. Даже теперь он держал голову под водой, чтобы следить за «кошкой», которая постепенно к нему приближалась. Бен неуклюже попятился на узкий, поднимавшийся из моря выступ рифа, перевернулся и преодолел последний дюйм до безопасного места.

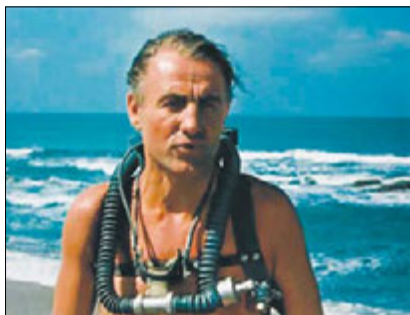
— Мне эта дрянь совсем не нравится! — сказал он вслух, выплунув сначала воду.

И только тут заметил, что над ним стоит мальчик. Он совсем забыл о его существовании и не потрудился объяснить, к кому относятся эти слова.

— Доставай из песка завтрак и приготовь его на брезенте под крылом, где тень. Кинь-ка мне большое полотенце.

Дэви дал ему полотенце, и Бену пришлось смириться с жизнью на сухой, горячей земле. Он чувствовал, что сделал большую глупость, взявшись за такую работу. Он был хорошим летчиком по неразведанным трассам, а не каким-то авантюристом, который рад гоняться за акулами с подводным киноаппаратом. И все же ему повезло, что он получил хоть такую работу. <...>

Ему нужно было быстро заработать побольше денег, и появилась такая возможность. Когда компания Тексегипто свернула разведку нефти, он потерял работу. Деньги, которые он

■ Кадры из к/ф «Последний дюйм» (реж. Т. Вульфович, Н. Курихин, 1958)

бережливо копил два года, летая над раскаленной пустыней, давали возможность жене прилично жить в Кембридже. Того немного, что у него оставалось, хватало на содержание его самого, сына и француженки из Сирии, которая присматривала за ребенком. <...>

[Отец и сын пообедали. Бен вдруг заметил, что из напитков у них только пиво, потому что он не подумал взять воду для мальчика.]

Поев, Бен аккуратно прикрыл аппаратуру влажным полотенцем и прилег. Мельком взглянув на Дэви и удостоверившись, что он не болен и сидит в тени, Бен быстро заснул.

— А кто-нибудь знает, что мы здесь? — спросил Дэви вспотевшего во время сна отца, когда тот снова собирался опуститься под воду.

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто так.

— Никто не знает, что мы здесь, — сказал Бен. — Мы получили от египтян разрешение лететь в Хургаду; они не знают, что мы залетели так далеко. И не должны знать. Ты это запомни.

— А нас могут найти?

Бен подумал, что мальчик боится, как бы их не изобличили в чем-нибудь недозволительном. Ребятишки всегда боятся, что их поймут с поличным.

— Нет, пограничники нас не найдут. С самолета они вряд ли заметят нашу машину. А по суше никто сюда попасть не может, даже на «виллисе». — Он показал на море. — И от туда никто не придет, там рифы...

— Неужели никто-никто о нас и не знает? — тревожно спросил мальчик.

— Я же говорю, что нет! — с раздражением ответил отец. Но вдруг понял, хотя и поздно, что Дэви беспокоит не возможность попасться, он просто боится остаться один.

— Ты не бойся, — проговорил Бен грубовато. — Ничего с тобой не случится. <...> Я пробуду под водой всего полчаса. Потом поднимусь, заряджу новую пленку и опущусь еще минут на десять. Найди, чем бы тебе покуда заняться. Напрасно ты не взял с собой удочки.

«Надо было мне ему об этом напомнить», — подумал Бен, погружаясь в воду вместе с приманкой из конины. Приманку он положил на хорошо освещенную коралловую ветку, а камеру установил на выступе. Потом он крепко привязал телефонным проводом мясо к кораллу, чтобы акулам было труднее его отодрать.

Покончив с этим, Бен отступил в небольшую выемку, всего в десяти футах от приманки, чтобы обезопасить себя с тыла. Он знал, что ждать акул придется недолго.

В серебристом пространстве, там, где кораллы сменялись песком, их было уже пятеро. Он был прав. Акулы пришли сразу же, учуяв запах крови. Бен замер, а когда выдыхал воздух, то прижимал клапан к кораллу за своей спиной, чтобы пузырьки воздуха лопались и не спугнули акул.

— Подходите! Поближе! — тихонько подзадоривал он рыб. Но им и не требовалось приглашения.

Они кинулись прямо на кусок конины. Впереди шла знакомая пятнистая «кошка», а за ней две или три акулы той же породы, но поменьше. Они не плыли и даже не двигали плавниками, они неслись вперед, как серые струящиеся ракеты. Приблизившись к мясу, акулы слегка свернули в сторону, на ходу отрывая куски.

Он заснял на пленку все: приближение акул к цели; какую-то деревянную манеру разевать пасть, словно у них болели зубы; жадный, пакостный укус — самое отвратительное зрелище, какое он видел в жизни. <...>

Как и всякий подводник, он их ненавидел и — очень боялся, но не мог ими не любоваться.

Они пришли снова, хотя пленка была уже почти вся отснята. Значит, ему придется подняться на сушу, перезарядить

кинокамеру и поскорее вернуться назад. Бен взглянул на камеру и убедился, что пленка кончилась. Подняв глаза, он увидел, что враждебно настороженная акула-кошка плывет прямо на него.

— Пошла! Пошла! Пошла! — заорал Бен в трубку.

«Кошка» на ходу слегка повернулась на бок, и Бен понял, что сейчас она бросится в атаку. Только в это мгновение он заметил, что руки и грудь у него измазаны кровью от куска конины. Бен проклял свою глупость. Но ни времени, ни смысла упрекать себя уже не было, и он стал отбиваться от акулы киноаппаратом.

У «кошки» был выигрыш во времени, и камера ее едва задела. Боковые резцы с размаху схватили правую руку Бена, чуть было не задели грудь и прошли сквозь другую его руку, как бритва. От страха и боли он стал размахивать руками; кровь его сразу же замутила воду, но он уже ничего не видел и только чувствовал, что акула сейчас нападет снова. Отбиваясь ногами и пятясь назад, Бен почувствовал, как его резануло по ногам: делая судорожные движения, он запутался в ветвистых коралловых зарослях. Бен держал дыхательную трубку правой рукой, боясь ее выронить. И в тот миг, когда он увидел, что на него кинулась одна из акул помельче, он ударил ее ногами и перекувырнулся назад.

Бен стукнулся спиной о надводный край рифа, кое-как выкатился из воды и, обливаясь кровью, рухнул на песок.

Когда Бен пришел в себя, он сразу вспомнил, что с ним случилось, хотя и не понимал, долго ли был без сознания и что произошло потом, — все теперь, казалось, было уже не в его власти.

— Дэви! — закричал он.

Откуда-то сверху послышался приглушенный голос сына, но глаза Бена застилала мгла — он знал, что шок еще не прошел. Но вот он увидел ребенка, его полное ужаса, склоненное над ним лицо и понял, что был без сознания всего несколько мгновений. Он едва мог шевельнуться.

— Что мне делать? — кричал Дэви. — Видишь, что с тобой случилось!

Бен закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Он знал, что не сможет больше вести самолет; руки горели, как в огне, и были тяжелые, как свинец, ноги не двигались, и все плыло, как в тумане.

— Дэви, — еле выговорил Бен, не открывая глаз. — Что у меня с ногами?

— У тебя руки... — услышал он невнятный голос Дэви, — руки все изрезаны, просто ужас!

— Знаю, — зло сказал Бен, не разжимая зубов. — А что у меня с ногами?

— Все в крови, изрезаны тоже...

— Сильно?

— Да, но не так, как руки. Что мне делать?

Тогда Бен поглядел на руки и увидел, что правая почти оторвана совсем; он увидел мускулы, сухожилия, крови почти не было. Левая была похожа на кусок жеваного мяса и сильно кровоточила; он согнул ее, подтянул кисть к плечу, чтобы остановить кровь, и застонал от боли.

Он знал, что дела его совсем плохи.

Но тут же понял, что надо что-то сделать: если он умрет, мальчик останется один, а об этом страшно даже подумать. Это еще хуже, чем его собственное состояние. Мальчика не найдут вовремя в этом выжженном начисто краю, если его вообще найдут.

— Дэви, — сказал он настойчиво, с трудом пытаясь сосредоточиться, — послушай... Возьми мою рубашку, разорви ее и перевяжи мне правую руку. Слышишь?

— Да.

— Крепко перевяжи мне левую руку над ранами, чтобы остановить кровь. Потом как-нибудь привяжи кисть к плечу. Так крепко, как сможешь. Понял? Перевяжи мне обе руки. <...>

Бен не слышал ответа, потому что снова потерял сознание; на этот раз беспамятство продолжалось дольше, и он пришел в себя, когда мальчик возился с его левой рукой; напряженное, бледное лицо сына было искажено ужасом, но он с мужеством отчаяния старался выполнить свою задачу.

— Это ты, Дэви? — спросил Бен и услышал сам, как неразборчиво произносит слова. — Послушай, мальчик, — продолжал он с усилием. — Я тебе должен сказать, все сразу, на случай, если опять потеряю сознание. Перевяжи мне руки, чтобы я не потерял слишком много крови. Приведи в порядок ноги и стащи с меня акваланг. Он меня душит.

— Я старался его стащить, — сказал Дэви упавшим голосом. — Да не могу, не знаю как.

— Надо стащить, ясно? — прикрикнул Бен как обычно, но тут же понял, что единственная надежда спастись и мальчику и ему — это заставить Дэви самостоятельно думать, уверенно делать то, что он должен сделать. Надо как-то внушить это мальчику.

— Я тебе скажу, сынок, а ты постарайся понять. Слышишь? — Бен едва слышал себя сам и на секунду даже забыл о боли. — Тебе, бедняга, придется все делать самому, так уж получилось. Не расстраивайся, если я на тебя закричу. Тут уж не до обид. Не надо обращать на это внимание, понял?

— Да. — Дэви перевязывал левую руку и не слушал его.

— Молодчина! — Бену хотелось подбодрить ребенка, но ему это не слишком-то удалось. Он еще не знал, как найти подход к мальчику, но понимал, что это необходимо. Десятилетнему ребенку предстояло выполнить дело нечеловеческой трудности. Если он хочет выжить. Но все должно идти по порядку...

— Достань у меня из-за пояса нож, — сказал Бен, — и перережь все ремешки акваланга. <...> Пользуйся тонкой пилкой, так будет быстрее. Не порежься.

[Дэви снял акваланг с отца. Бен понял, что сыну придется вести самолет — другого способа спастись не было.]

Мальчика нельзя пугать. Если Дэви сказать, что ему придется вести самолет, он придет в ужас. Надо хорошенько подумать, как сказать об этом мальчику, как внушить ему эту мысль и убедить все выполнить, пусть даже безотчетно. Надо было ощупью найти дорогу к объятому страхом, незрелому сознанию ребенка. Он пристально посмотрел на сына и вспомнил, что уже давно как следует на него не глядел.

«Он, кажется, парень развитой», — подумал Бен, удивляясь странному ходу своих мыслей. Этот мальчик с серьезным лицом был чем-то похож на него самого: за детскими чертами скрывался, быть может, жесткий и даже необузданный характер. Но бледное, немного скуластое лицо выглядело сейчас несчастным, а когда Дэви заметил пристальный взгляд отца, он отвернулся и заплакал.

— Ничего, малыш, — произнес Бен с трудом. — Теперь уже ничего!

— Ты умрешь? — спросил Дэви.

— Разве я уж так плох? — спросил Бен, не подумав.

— Да, — ответил Дэви сквозь слезы.

1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569, 2570, 2571, 2572, 2573, 2574, 2575, 2576, 2577, 2578, 2579, 2580, 2581, 2582, 2583, 2584, 2585, 2586, 2587, 2588, 2589, 2590, 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 2596, 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 2602, 2603, 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 2609, 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 2615, 2616, 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2632, 2633, 2634, 2635, 2636, 2637, 2638, 2639, 2640, 2641, 2642, 2643, 2644, 2645, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651, 2652, 2653, 2654, 2655, 2656, 2657, 2658, 2659, 2660, 2661, 2662, 2663, 2664, 2665, 2666, 2667, 2668, 2669, 2670, 2671, 2672, 2673, 2674, 2675, 2676, 2677, 2678, 26

— Я шучу, — сказал он. — Это ничего, что из меня хлещет кровь. Твой старик не раз бывал в таких переделках. Ты разве не помнишь, как я попал тогда в больницу в Саскатуне?

Помню, не тепло ты был в бою, и мне

— Конец! конец! Вперед! — Он вторично пнул в зевоту.

— Я не смогу втащить тебя в машину, — сказал мальчик. В голосе его звучало уныние.

ЭНЕРГЕТИКА

УСТ. 6-ГО КОНВЕНТА

Дарн пачае аз покотанном о Бон амарод оми рос том ма

D $\frac{c}{c}$

П. — П. — П. — П. — П.

THESE THINGS MUST BE CONSIDERED AND ALSO CONSIDERED THE

На толчки не обращай внимания, главное — поскорее добраться!

— Как же ты поведешь самолет? — спросил его сверху Дэви.

Бен закрыл глаза: он хотел представить себе, что переживает сейчас сын. «Мальчик не должен знать, что машину придется вести ему, — он перепугается насмерть».

— Этот маленький «Остер» летает сам, — сказал он. — Стоит только положить его на курс, а это нетрудно.

— Но ты же не можешь двинуть рукой. Да и глаз совсем не открываешь.

— А ты об этом не думай. Я могу лететь вслепую, а управлять коленями. Давай двигаться. Ну, тащи. <...>

[Дэви тащил отца, из последних сил отталкивавшегося пятками и поминутно терявшего сознание. Собрав последние силы, пилот рассказал Дэви, как запустить мотор и поднять самолет. Машина послушно оторвалась от земли. Бен понимал: от мужества и выдержки сына зависело их спасение. Над пустыней поднялся опасный ветер. Дэви спросил, куда лететь.]

При таком неверном ветре не могло быть прямого курса, несмотря на то, что тут, наверху, было относительно спокойно. Оставалось держаться берега до самого Суэца.

— Иди вдоль берега. Держись от него справа. Ты его видишь?

— Вижу. А это верный путь?

— По компасу курс должен быть около трехсот двадцати! — крикнул он; казалось, голос его был слишком слаб, чтобы Дэви мог услышать, но он услышал.

«Хороший парень! — подумал Бен. — Он все слышит».

— По компасу триста сорок! — закричал Дэви.

Компас находился наверху, и шкалу его было видно только с сиденья пилота.

— Вот и хорошо! Хорошо! Правильно! Теперь иди вдоль берега и держись его все время. Только, Бога ради, ничего больше не делай, — сказал Бен; он слышал, что уже не говорит, а только неясно бормочет. — Пусть машина сама делает свое дело. Все будет в порядке, Дэви...

Итак, Дэви все-таки запомнил, что нужно выровнять самолет, держать нужные обороты мотора и скорость! Он это

запомнил. Славный парень! Он долетит. Он справится! Бен видел резко очерченный профиль Дэви, его бледное лицо с темными глазами, в которых ему так трудно было что-либо прочесть. Отец снова взгляделся в это лицо. «Никто даже не позаботился сводить его к зубному врачу», — сказал себе Бен, заметив слегка торчащие вперед зубы Дэви, — тот болезненно оскалился, надрываясь от напряжения. «Но он справится», — устало и примирительно подумал Бен.

Казалось, это был конец, итог всей его жизни. Бен провалился в пропасть, за край которой он ради мальчика так долго цеплялся. И пока он валился все глубже и глубже, он успел подумать, что на этот раз ему повезет, если он выберется оттуда вообще. Он падал слишком глубоко. Да и мальчику повезет, если он вернется назад. Но, теряя почву под ногами, теряя самого себя, Бен еще успел подумать, что хамсин крепчает и надвигается мгла, а посадить самолет уже придется не ему... Теряя сознание, он повернул голову к дверце.

Оставшись один на высоте в три тысячи футов, Дэви решил, что уже никогда больше не сможет плакать. У него на всю жизнь высохли слезы.

Только однажды за свои десять лет он похвастался, что отец его летчик. Но он помнил все, что отец рассказывал ему об этом самолете, и догадывался о многом, чего отец не говорил.

Здесь, на высоте, было тихо и светло. Море казалось совсем зеленым, а пустыня — грязной; ветер поднял над ней пелену пыли. Впереди горизонт уже не был таким прозрачным; пыль поднималась все выше, но он все еще не терял из виду море. В картах Дэви разбирался. Это было несложно. Он знал, где лежит их карта, вытащил ее из сумки на дверце и задумался о том, что он будет делать, когда подлетит к Суэцу. Но, в общем, он знал даже и это. От Суэца вела дорога в Каир, она шла на запад через пустыню. Лететь на запад будет легче. Дорогу нетрудно разглядеть, а Суэц он узнает потому, что там кончается море и начинается канал. Там надо повернуть влево.

Он боялся отца. Правда, не сейчас. Сейчас он просто не мог на него смотреть: тот спал с открытым ртом, полуголый, весь залитый кровью. Он не хотел, чтобы отец умер; он не хотел, чтобы умерла мать, но ничего не поделаешь: это бывает. Люди всегда умирают.

Ему не нравилось, что самолет летит так высоко. От этого замирало сердце, да и самолет шел слишком медленно. Но Дэви боялся снизиться и снова попасть в ветер, когда дойдет до посадки. Он не знал, как ему быть. Нет, ему не хотелось снижаться в такой ветер, не хотелось, чтобы самолет опять болтало во все стороны! Самолет не будет тогда его слушаться. Он не сможет вести его по прямой и выровнять у земли.

Может быть, отец уже умер? Он оглянулся и увидел, что тот дышит порывисто и редко. Слезы, которые, как думал Дэви, все уже высохли, снова наполнили его темные глаза, и он почувствовал, как они текут по щекам. Слизнув их языком, он стал следить за морем.

Бену казалось, что от толчков его тело пронзают и разрывают на части ледяные стрелы; во рту пересохло, он медленно приходил в себя. Взглянув вверх, он увидел пыль, а над ней тусклое небо.

— Дэви! Что случилось? Что ты делаешь? — закричал он сердито.

— Мы почти прилетели, — сказал Дэви. — Но ветер поднялся выше и уже темнеет.

Бен закрыл глаза, чтобы осознать, что же произошло, но так ничего и не понял: ему казалось, что он уже приходил в себя, указывал курс мальчику, а потом снова терял сознание. Пытка качкой продолжалась и усиливала боль.

— Что ты видишь? — закричал он.

— Аэродромы и здания Каира. Вон большой аэродром, куда приходят пассажирские самолеты. <...>

— Не теряй из виду аэродром! — крикнул Бен сквозь приступ боли. — Следи за ним! Не спускай с него глаз. <...>

— Самолет не хочет идти вниз, — сказал Дэви; глаза его расширились и, казалось, занимали теперь все лицо.

[При заходе на посадку Дэви и Бен чудом избежали столкновения с взлетающим большим лайнером.]

Оставалась минута до посадки.

— Шесть дюймов! — кричал он Дэви; язык его словно распух от напряжения и боли, а из глаз текли горячие слезы.

— Шесть дюймов, Дэви!.. Стой! Еще рано. Еще рано... — плакал он.

На последнем дюйме, отделявшем их от земли, он все-таки потерял самообладание; им завладел страх, им завладела

смерть, и он не мог больше ни говорить, ни кричать, ни плакать; он привалился к доске; в глазах его был страх за себя, страх перед этим последним головокружительным падением на землю, когда черная взлетная дорожка надвигается на тебя в облаке пыли. Он силился крикнуть: «Пора! Пора! Пора!» — но страх был слишком велик; в последний, смертный миг, который снова вернул его в забытие, он ощутил, как слегка приподнялся нос самолета, услышал громкий рев еще не заглухшего мотора, почувствовал, как, ударившись о землю колесами, самолет мягко подскочил в воздух, и настало томительное ожидание. Но вот хвост и колеса коснулись земли — это был последний дюйм. Ветер закружил самолет, он забуксовал и описал на земле круг, а потом замер, и наступила тишина.

Ах, какая тишина и какой покой! Он слышал их, чувствовал всем своим существом; он вдруг понял, что выживет, — он так боялся умереть и совсем не хотел сдаваться.

В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы, а в истерзанном теле летчика нашлись решающие все дело кости и кровеносные сосуды, о которых люди и не подозревали. Когда кажется, что все уже кончено, они берут свое. Египетские врачи с удивлением обнаружили, что у Бена их неисчерпаемый запас, а способность восстанавливать разорванные ткани, казалось, была дана летчику самой природой.

Все это потребовало времени, но что значило время для жизни, висевшей на волоске?.. Бен все равно ничего не сознавал, кроме приливов и отливов боли и редких просветов сознания.

— Все дело в адреналине, — раскатисто хохотал кудрявый врач-египтянин, — а вы его вырабатываете, как атомную энергию!

Казалось, все было хорошо, но Бен все-таки потерял левую руку. («Странно, — думал он, — я бы мог поклясться, что больше досталось правой руке».) Пришлось справиться и с параличом, который курчавый исцелитель упорно называл «небольшим нервным шоком». Потрясение превратило Бена в неподвижный и очень хрупкий обломок — поправка не могла идти быстро. Но все-таки дело шло на лад. Все, кроме левой руки Бена, которая отправилась в мусоросжигалку, но и это было бы ничего, если бы вслед за ней не отправилась туда же и его профессия летчика.

Однако, помимо всего, был еще мальчик.
— Он жив и здоров, — сказал врач. — Не получил даже шока. — Кудрявый египтянин отпускал веселые шутки на прекрасном английском языке.

— Он куда подвижней вас.

Значит, и с парнишкой все в порядке. Даже самолет уцелел. Все обстояло как нельзя лучше, но решала дело встреча с мальчиком: тут либо все начнется, либо снова кончится. И, может быть, навсегда.

Когда привели Дэви, Бен увидел, что это был тот же самый ребенок, с тем же самым лицом, которое он так недавно впервые разглядел. Но дело было совсем не в том, что разглядел Бен: важно было узнать, сумел ли мальчик что-нибудь увидеть в своем отце.

— Ну, как, Дэви? — робко сказал он сыну. — Здорово было, а?

Дэви кивнул. Бен знал: мальчуган вовсе не думает, что было здорово, но придет время, и он поймет. Когда-нибудь мальчик поймет, как было здорово. К этому стоило приложить руки.

— Расклеился твой старик, правда? — спросил он.

Дэви кивнул. Лицо его было по-прежнему серьезно.

Бен улыбнулся. Да что уж греха таить, старик и в самом деле расклеился. Им обоим нужно время. Ему, Бену, теперь понадобится вся жизнь, вся жизнь, которую подарил ему мальчик. Но, глядя в эти темные глаза, на слегка выдающиеся вперед зубы, на это лицо, столь необычное для американца, Бен решил, что игра стоит свеч. Этому стоит отдать время. Он уж доберется до самого сердца мальчишки! Рано или поздно, но он до него доберется. Последний дюйм, который разделяет всех и вся, нелегко преодолеть, если не быть мастером своего дела. Но быть мастером своего дела — обязанность летчика, а ведь Бен был когда-то совсем неплохим летчиком.

1957

(Перевод в английского Е. Голышевой, Б. Изакова)

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Любил ли Бен свою профессию? Почему он понимал, что не получит «летную работу»?
2. Как сложилась семейная жизнь Бена?

3. Почему Бен чувствовал, что его сын Дэви «чужой» и ему, и матери?
4. Зачем Бен отправился в Акулю бухту?
5. Чего опасается Дэви, пока его отец занимается подводной съемкой?
6. Что случилось с Беном во время второго погружения?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Почему между Беном и Дэви нет взаимопонимания? Есть ли в сложившейся ситуации вина Бена?
2. Какие качества героев раскрываются в сложившейся драматической ситуации? Почему?
3. Изменилось ли ваше отношение к Бену в ходе чтения рассказа? Как именно?
4. Найдите и выразительно прочитайте пейзажные зарисовки. Какую роль они играют в рассказе?
5. Используя памятку № 3, дайте характеристику Дэви.
- * Как бы вы определили идею рассказа? Какую роль в раскрытии идеи играет название произведения?
- Как вы думаете, изменятся ли отношения между отцом и сыном? Обоснуйте ответ.

Реализуем творческие способности

Олдридж однажды сказал: «В моих книгах главная тема всегда одна и та же — выбор. Выбор пути, выбор действия, выбор мировоззрения». Напишите мини-сочинение на тему «Проблема выбора в рассказе “Последний дюйм” Дж. Олдриджа».

Высказываем мнение

- * Рассказ «Последний дюйм» был экранизирован режиссером Т. Вульфвичем. Посмотрите фильм и ответьте на вопрос, совпали ли образы главных героев с вашим представлением о них.

ИДЕМ В БИБЛИОТЕКУ

- Узнать больше о рассказе и новелле в русской и зарубежной литературе вы сможете, прочитав произведения: Э. По «**Золотой жук**»; А. Чехова «**Лошадиная фамилия**», «**Пересолил**», «**Налим**», «**Тоска**», «**Письмо к ученому соседу**»; О. Генри «**Вождь краснокожих**»; А. Конана Дойла «**Собака Баскервилей**».

ПОДВОДИМ ИТОГИ

Напишите сочинение-рассуждение на одну из тем:

- «Смешное и грустное в рассказах А. Чехова»
- «Чему можно научиться у героев новелл О. Генри?»
- «Почему Шерлок Холмс стал самым популярным героем детективной литературы?»

- Вы можете проверить свои знания по теме, пройдя тест на электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua.

Раздел VI ФАНТАСТИКА И РОМАНТИКА

Каждый писатель создает вымышленный мир. Однако в фантастических произведениях вымысел не ограничен законами реальной жизни: писатели изображают странные, причудливые, необычные явления.

Фантастические образы известны с глубокой древности и отразились в фольклорных произведениях. Вместе с героями сказок, мифов, легенд, былин мы путешествуем по удивительным тридевятым царствам, встречаемся с диковинными чудищами, наблюдаем за тем, как героям помогают волшебные предметы. Вслед за фольклором элементы фантастики использовала и литература. Они являются неотъемлемой частью произведений таких жанров, как литературная сказка, баллада, рыцарский роман.

В конце XIX века появляются новые жанры, основанные на фантастической образности: это научная фантастика и фэнтези. В научной фантастике необычные события связываются с техническим прогрессом человечества. А произведения фэнтези рисуют вымышленные миры, в которых действуют герои, похожие на персонажей сказок и древних мифов.

Научно-фантастическая литература (от греч. *phantastike* — искусство воображать) — один из видов фантастики, рассказывающий о воображаемом прошлом или будущем. Научная фантастика основана на попытке объяснения чудес разумными причинами: изобретением космических кораблей, устройств для передачи мыслей на расстоянии и т. д.

Самые известные в мире научные фантасты — француз Ж. Верн, англичанин Г. Уэллс, американцы Р. Брэдли, А. Азимов, Р. Шекли, русские писатели И. Ефремов, А. Беляев, братья А. и Б. Стругацкие.

Из мастеров фэнтези можно назвать англичан Дж. Р. Р. Толкина, К. С. Льюиса и Дж. Роулинг.

Особый фантастический мир создал в своих произведениях русский автор А. Грин, которого называют рыцарем мечты и великим романтиком.

Романтика — отношение к жизни, которому свойственно стремление к возвышенному идеалу, жажда иной жизни.

В творчестве Грина полной драм и трагедий действительности противопоставлен фантастический мир волшебства и романтики, мир торжествующей любви и добра.

Осмысливаем прочитанное

1. Что такое научная фантастика?
2. Чем научная фантастика отличается от фэнтези?
3. Как вы понимаете значение слова «романтика»?

АЛЕКСАНДР ГРИН

(1880—1932)

Александр Степанович Гриневский (Грин — псевдоним писателя) родился в городке Слободском Вятской губернии, в семье конторщика. Вскоре после его рождения семья переехала в Вятку. Там и прошли детство и юность будущего писателя.

Мальчик рос нетерпеливым и несобранным. Единственное, что его увлекало — это книги. Вечно погруженный в свой мир, полный образами из приключенческих романов, он плохо учился. Домашние попрекали его за это. Будучи уже взрослым, Грин написал в «Автобиографической повести»: «Я не знал нормального детства. Меня в минуты раздражения, за своевольство и неудачное учение, звали “свинопасом”, “золоторотцем”, прочили мне жизнь, полную пресмыкания у людей удачливых, преуспевающих».

Спасение от непонимания близких Александр искал в поэзии. Его первые литературные опыты представляли собой стихи «о безнадежности, беспросветности, разбитых мечтах и одиночестве». Юный поэт посылал их в разные журналы, но они так и не были напечатаны.

Еще одно увлечение Грина наряду с литературой — море и путешествия. Его манил «живописный труд мореплавания». Поэтому в 1896 году сразу после окончания реального училища он уехал в Одессу, чтобы стать моряком. Однако карьера мореплавателя не сложилась.

Грин долго скитался по России, перепробовал много профессий: был банщиком, землекопом, маляром, рыбаком, лесорубом, золотоискателем. В начале 1900-х годов Александр познакомился с членами партии социалистов-революционеров. Он увлекся их идеей переустройства общества и включился в подпольную деятельность: с поддельными документами ездил по городам и вел политическую агитацию. За это полиция неоднократно арестовывала Грина. Он бывал в тюрьме и ссылке.

Постепенно Грин отошел от подпольной работы и занялся сочинительством. В 1906 году был опубликован его первый рассказ — «Заслуга рядового Пантелеева». В 1908-м вышел в свет первый сборник писателя «Шапка-невидимка». Ранние рассказы Грина посвящены бытовой тематике, их сюжеты взяты из окружающей жизни, а также включают впечатления автора, накопленные им в годы странствий.

С 1910 года Грин начал создавать произведения, в которых реальность переплетается с фантастикой: «Остров Рено», «Колония Ланфиер», «Зурбаганский стрелок», роман «Бегущая по волнам» и др. Именно благодаря таким произведениям писатель приобрел репутацию одного из лучших сказочников XX века. Самое знаменитое творение Грина, в котором соединяются реальность и мир прекрасной мечты, — это повесть-сказка «Алые паруса», посвященная жене писателя Нине Грин.

Произведение вселяет в читателей веру в чудо, учит уметь радоваться жизни даже в самые трудные минуты. А алые паруса стали символом сбывшейся мечты, победы добра и красоты над грубостью и меркантильностью.

Повесть-сказка — разновидность повести, в которой реалистическое изображение сочетается с элементами фантастики.

Символ (от греч. *symbolon* — знак) — условный художественный образ. В отличие от метафоры имеет не одно или несколько, а неисчерпаемое множество значений и обладает необыкновенной смысловой емкостью. Например, сосна в стихотворении М. Лермонтова «На севере диком...» выступает символом оторванности от людей, покинутости, жажды любви и понимания. Используя символ, писатель стремится вызвать у читателя ассоциации, заставить увидеть в предмете или явлении их глубинную, скрытую сущность.

Грин писал почти все свои вещи в оправдание мечты. Мы должны быть благодарны ему за это. Мы знаем, что будущее, к которому мы стремимся, родилось из непобедимого человеческого свойства — умения мечтать и любить».

■ Писатель **К. Паустовский** отметил несоответствие между нелегкой судьбой Грина и его жизнеутверждающими произведениями: «Удивился я, когда узнал биографию Грина, узнал его неслыханно тяжкую жизнь отщепенца и неприкаянного бродяги. Было непонятно, как этот замкнутый и избитый невзгодами человек пронес через мучительное существование великий дар мощного и чистого воображения, веру в человека и застенчивую улыбку. Недаром он написал о себе, что “всегда видел облачный пейзаж над дрянью и мусором невысоких построек”».

■ Портрет А. Грина
(И. Бродский. 1918)

С именем писателя связаны припортовые улицы Одессы. В этот город 16-летний Грин приехал, одержимый идеей морских странствий. Первое впечатление, которое на него произвела Одесса, Грин описал в «Автобиографической повести»: «...потрясенный, взволнованный зрелищем большого портового города, его ослепительно-белыми улицами, обсаженными акациями, я торопливо собрался идти увидеть наконец море; не ев, не пив, отправился я на улицу. <...> Я вышел на Театральную площадь, обогнул театр и, пораженный, остановился. Внизу слева и справа гремел полуденный порт. Дым, паруса, корабли, поезда, пароходы, мачты, синий рейд — все было там, и всего было сразу не пересмотреть».

Правда, Одесса встретила юношу неприветливо. На корабле требовалась физическая сила, и хрупкого паренька не хотели брать матросом. Несколько раз Грину все же удалось сходить в рейс, увидеть

берега Кавказа и Крыма, однажды даже доплыть до египетского города Александрия. Но его вспыльчивость и нетерпеливость становились причиной того, что ни на одном судне он долго не задерживался. В итоге после года мытарств будущий писатель покинул Одессу.

В память о пребывании Грина в городе на фасаде клуба Одесского морского торгового порта была открыта мемориальная доска.

Осмысливаем прочитанное

1. Что вы можете рассказать о детстве писателя?
2. Почему К. Паустовский назвал жизнь Грина «неслыханно тяжелой»?
3. Каким человеком предстает Грин со слов К. Паустовского?
4. Как вы понимаете смысл понятий «повесть-сказка» и «символ»?

АЛЫЕ ПАРУСА

(Отрывки)

Нине Николаевне Грин
подносит и посвящает Автор

Пбг, 23 ноября 1922 г.

I. Предсказание

[Матрос Лонгрен, десять лет прослуживший на корабле «Орион», вынужден был оставить профессию из-за смерти жены Мери и для того, чтобы ухаживать за крошечной дочерью Ассоль. Мери умерла, пока он был в плаванье. Она испытывала острую нужду в деньгах и попросила в долг у некоего Меннерса, державшего трактир и лавку. Тот в качестве платы за кредит потребовал любви. Отчаявшаяся Мери отправилась в город Лисс, чтобы заложить обручальное кольцо и купить хоть немного еды. В пути она промокла до нитки и на следующий день слегла. А через неделю ее не стало...

Лонгрен в одиночку занялся воспитанием Ассоль, которую любил без памяти. На жизнь он зарабатывал, делая игрушечные модели кораблей и сдавая их в магазины. С людьми он практически не общался, гостей не выносил. Поэтому между ним и земляками легло холодное отчуждение.

Когда Ассоль было пять лет, произошло одно трагическое событие, углубившее пропасть между Лонгреном и окружающими людьми. В городке Каперна, где обитал герой, задул резкий северный ветер. Никто не отваживался выходить в такую погоду в море. На берегу было видно лишь одинокую фигуру Лонгрена, курившего на мостике.]

В один из таких дней двенадцатилетний сын Меннерса, Хин, заметив, что отцовская лодка бьется под мостками о сваи, ломая борта, пошел и сказал об этом отцу. Шторм начался недавно; Меннерс забыл вывести лодку на песок. Он немедленно отправился к воде, где увидел на конце мола, спиной к нему стоявшего, курия, Лонгрена. На берегу, кроме их двух, никого более не было. Меннерс прошел по мосткам до середины, спустился в бешено плещущую воду и отвязал шкот¹; стоя в лодке, он стал пробираться к берегу, хватаясь руками за сваи. Весла он не взял, и в тот момент, когда, пошатнувшись, упустил схватиться за очередную сваю, сильный удар ветра швырнул нос лодки от мостков в сторону океана. Теперь даже всей длиной тела Меннерс не мог бы достичь самой ближайшей сваи. Ветер и волны, раскачивая, несли лодку в гибельный простор. Сознав положение, Меннерс хотел броситься в воду, чтобы плыть к берегу, но решение его запоздало, так как лодка вертелась уже недалеко от конца мола, где значительная глубина воды и ярость валов обещали верную смерть. Меж Лонгреном и Меннерсом, увлекаемым в штормовую даль, было не больше десяти сажен еще спасительного расстояния, так как на мостках под рукой у Лонгрена висел сверток каната с вплетенным в один его конец грузом. Канат этот висел на случай причала в бурную погоду и бросался с мостков.

— Лонгрен! — закричал смертельно перепуганный Меннерс. — Что же ты стал, как пень? Видишь, меня уносит; брось причал!

Лонгрен молчал, спокойно смотря на метавшегося в лодке Меннерса, только его трубка задымила сильнее, и он, помедлив, вынул ее из рта, чтобы лучше видеть происходящее.

— Лонгрен! — взывал Меннерс. — Ты ведь слышишь меня, я погибаю, спаси!

Но Лонгрен не сказал ему ни одного слова; казалось, он не слышал отчаянного вопля. Пока не отнесло лодку так далеко, что еле долетали слова-крики Меннерса, он не переступил даже с ноги на ногу. Меннерс рыдал от ужаса, заклинал матроса бежать к рыбакам, позвать помощь, обещал деньги, угрожал и сыпал проклятиями, но Лонгрен только подошел ближе к самому краю мола, чтобы не сразу потерять из вида

¹ Шкот — веревка, которой натягивают и привязывают края парусов.

метания и скачки лодки. «Лонгрен, — донеслось к нему глухо, как с крыши — сидящему внутри дома, — спаси!» Тогда, набрав воздуха и глубоко вздохнув, чтобы не потерялось в ветре ни одного слова, Лонгрен крикнул: «Она так же просила тебя! Думай об этом, пока еще жив, Меннерс, и не забудь!»

Тогда крики умолкли, и Лонгрен пошел домой. Ассоль, проснувшись, увидела, что отец сидит пред угасающей лампой в глубокой задумчивости. Услышав голос девочки, звавшей его, он подошел к ней, крепко поцеловал и прикрыл сбившимся одеялом.

— Спи, милая, — сказал он, — до утра еще далеко.

— Что ты делаешь?

— Черную игрушку я сделал, Ассоль, — спи!

На другой день только и разговоров было у жителей Каперны, что о пропавшем Меннерсе, а на шестой день привезли его самого, умирающего и злобного. Его рассказ быстро облетел окрестные деревушки. До вечера носило Меннерса; разбитый сотрясениями о борта и дно лодки, за время страшной борьбы с свирепостью волн, грозивших, не устая, выбросить в море обезумевшего лавочника, он был подобран пароходом «Луcreция», шедшим в Кассет. Простуда и потрясение ужаса прикончили дни Меннерса. Он прожил немного менее сорока восьми часов, призывая на Лонгрена все бедствия, возможные на земле и в воображении. Рассказ Меннерса, как матрос следил за его гибелью, отказав в помощи, красноречивый тем более, что умирающий дышал с трудом и стонал, поразил жителей Каперны. <...>

[Между Лонгреном и обитателями поселка выросла стена. Ненависть жителей к нему задела и Ассоль.]

Девочка росла без подруг. Два-три десятка детей ее возраста, живших в Каперне, пропитанной, как губка водой, грубым семейным началом, основой которого служил непоколебимый авторитет матери и отца, переимчивые, как все дети в мире, вычеркнули раз и навсегда маленькую Ассоль из сферы своего покровительства и внимания. <...>

Играя, дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец ее ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Одна за другой, наивные ее попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями

общественного мнения; она перестала, наконец, оскорбляться, но все еще иногда спрашивала отца: «Скажи, почему нас не любят?» — «Э, Ассоль, — говорил Лонгрэн, — разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут». — «Как это — уметь?» — «А вот так!» Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия. <...>

[Когда Ассоль подросла, отец стал посылать ее в Лисс сдавать игрушки в тамошнюю лавку. Однажды по пути в город девочка села съесть кусок пирога и принялась рассматривать поделки Лонгрена. Она заинтересовалась белым корабликом с алыми парусами. Видимо, отец не нашел подходящей материи и использовал для парусов обрезки алого шелка. Ассоль пришла в восхищение и спустила суденышко в воду ручья. Течение подхватило игрушку и быстро унесло от Ассоль. Девочка помчалась вдоль берега ручья. Выбежав к обрыву над морем, она увидела сидящего на камне человека с ее корабликом в руках. Это был известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок Эгль.]

— Теперь отдай мне, — несмело сказала девочка. — Ты уже поиграл. Ты как поймал ее?

Эгль поднял голову, уронив яхту, — так неожиданно прозвучал взволнованный голосок Ассоль. Старик с минуту разглядывал ее, улыбаясь и медленно пропуская бороду в большой, жилистой горсти. Стиранное много раз ситцевое платье едва прикрывало до колен худенькие, загорелые ноги девочки. Ее темные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста, как полет ласточки. Темные, с оттенком грустного вопроса глаза казались несколько старше лица; его неправильный мягкий овал был оваян того рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полуоткрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

— Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, — сказал Эгль, посматривая то на девочку, то на яхту. — Это что-то особенное. Слушай-ка ты, растение! Это твоя штука?

— Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

— У самых моих ног. Кораблекрушение причиной того, что я, в качестве берегового пирата, могу вручить тебе этот приз. Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок

■ Кадры из к/ф «Алые паруса» (реж. А. Птушко, 1961)

трехвершковым валом — между моей левой пяткой и оконечностью палки. — Он стукнул тростью. — Как зовут тебя, крошка?

— Ассоль, — сказала девочка, пряча в корзину поданную Эглем игрушку.

— Хорошо, — продолжал непонятную речь старик, не сводя глаз, в глубине которых поблескивала усмешка дружелюбного расположения духа. — Мне, собственно, не надо было спрашивать твое имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины: что бы я стал делать, называйся ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имен, которые чужды Прекрасной Неизвестности? <...> Я, милая, поэт в душе — хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзинке?

— Лодочки, — сказала Ассоль, встряхивая корзинкой, — потом пароход да еще три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

— Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала — ведь так?

— Ты разве видел? — с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказала ли она это сама. — Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

— Я это знал. <...> Потому что я — самый главный волшебник. <...> Тебе нечего бояться меня, — серьезно сказал он. — Напротив, мне хочется поговорить с тобой по душе.

Тут только он уяснил себе, что в лице девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы, — решил он. — Ах, почему я не родился писателем? Какой славный сюжет».

— Ну-ка, <...> Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне — откуда ты, должно быть, идешь, словом, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное. Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен. А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как немытые ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом... <...> Не знаю, сколько пройдет лет, — только в Каперне расцветет одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберется народу, удивляясь и ахая: и ты будешь стоять там. Корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывет от него быстрая лодка. — «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» — спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. — «Здравствуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в свое царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет все, чего только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слез и печали». Он посадит тебя в лодку, привезет на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце и где звезды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

— Это все мне? — тихо спросила девочка. Ее серьезные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе. — Может быть, он уже пришел... тот корабль?

— Не так скоро, — возразил Эгль, — сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом... Что говорить? — это будет, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

— Я? — Она посмотрела в корзину, но, видимо, не нашла там ничего достойного служить веским

вознаграждением. — Я бы его любила, — поспешно сказала она, и не совсем твердо прибавила: — если он не дерется.

— Нет, не будет драться, — сказал волшебник, таинственно подмигнув, — не будет, я ручаюсь за это. <...> Иди. Да будет мир пушистой твоей голове! <...>

[Ассоль рассказала отцу о встрече с волшебником. Лонгрэн догадался, что дочь встретила собирателя сказок, однако не разуверил девочку в том, что она видела именно волшебника. Он сказал, что описанный Эглем корабль когда-нибудь обязательно за ней придет. А про себя подумал: «Вырастет, забудет, а пока... не стоит отнимать у тебя такую игрушку. Много ведь придется в будущем увидеть тебе не алых, а грязных и хищных парусов: издали — нарядных и белых, вблизи — рваных и наглых. Проезжий человек пошутил с моей девочкой. Что ж?! Добрая шутка! Ничего — шутка!»

Разговор отца с дочкой подслушал нищий и передал его рыбакам в трактире. Вскоре в деревне Ассоль начали дразнить: «Эй, висельница! Посмотри-ка сюда! Красные паруса плывут!»]

II. Грэй

Если Цезарь находил, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, то Артур Грэй мог не завидовать Цезарю в отношении его мудрого желания. Он родился капитаном, хотел быть им и стал им. <...> Отец и мать Грэя были надменные невольники своего положения, богатства и законов того общества, по отношению к которому могли говорить «мы». Часть их души, занятая галереей предков, мало достойна изображения, другая часть — воображаемое продолжение галереи — началась маленьким Грэем, обреченным по известному, заранее составленному плану прожить жизнь и умереть так, чтобы его портрет мог быть повешен на стене без ущерба фамильной чести. В этом плане была допущена небольшая ошибка: Артур Грэй родился с живой душой, совершенно не склонной продолжать линию фамильного начертания.

[На пятнадцатом году жизни Грэй сбежал из дома и устроился юнгой на шхуну «Ансельм». В плаванье по свету он пережил много трудностей, сносил насмешки и брань опытных моряков, но не отступился от мечты стать капитаном своего корабля. Вскоре Артур освоил морское дело и купил корабль «Секрет». Четыре года он плывал капитаном на «Секрете», пока однажды судьба не привела его в Лисс.]

III. Рассвет

[На рейде у Лисса Грэй отправился на берег порыбачить. На прибрежном обрыве он увидел спящую молодую девушку. Это была Ассоль. Ее вид заставил Артура улыбнуться. Молодой капитан надел на мизинец спящей дорогое старинное кольцо.]

Через некоторое время Артур оказался в Каперне, в трактире Меннерса. Он спросил у хозяина заведения о девушке на обрыве. Меннерс ответил: «Это, должно быть, “Корабельная Ассоль”, больше быть некому. Она полоумная». А затем рассказал Грэю историю об алых парусах. Грэй заинтересовался таинственной незнакомкой еще больше и дал помощнику поручение разведать, как живет Ассоль.]

VII. Алый «Секрет»

[«Секрет» поднял алые паруса. Артур Грэй произнес речь перед помощником Пантенем, который не понимал смысла странных приготовлений своего капитана.]

— Я делаю то, что существует, как старинное представление о прекрасном несбыточном, и что, по существу, так же сбыточно и возможно, как загородная прогулка. Скоро вы увидите девушку, которая не может, не должна иначе выйти замуж, как только таким способом, какой развиваю я на ваших глазах.

Он сжато передал моряку то, о чем мы хорошо знаем, закончив объяснение так:

— Вы видите, как тесно сплетены здесь судьба, воля и свойство характеров; я прихожу к той, которая ждет и может ждать только меня, я же не хочу никого другого, кроме нее, может быть именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. <...> Когда начальник тюрьмы сам выпустит заключенного, когда миллиардер подарит писцу виллу, опереточную певицу и сейф, а жокей хоть раз попридержит лошадь ради другого коня, которому не везет, — тогда все поймут, как это приятно, как невыразимо чудесно. Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение, и — вовремя сказанное, нужное слово. Владеть этим — значит владеть всем. Что до меня, то наше начало — мое и Ассоль — останется нам навсегда в алом отблеске парусов, созданных глубиной сердца, знающего, что такое любовь. <...>

[К полудню «Секрет» подошел к Каперне. В это время Ассоль читала книгу у окна. Взглянув на улицу, она увидела на морской глади белый корабль с алыми парусами. С его палубы лилась музыка. Ассоль выбежала из дома и помчалась к берегу, боясь, что корабль уйдет. Когда она прибежала на берег, там уже собралась гудящая толпа.]

Как только появилась Ассоль, все смолкли, все со страхом отошли от нее, и она осталась одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем ее чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю.

От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов; среди них стоял тот, кого, как ей показалось теперь, она знала, смутно помнила с детства. Он смотрел на нее с улыбкой, которая грела и торопила. Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль; смертельно боясь всего — ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи — она вбежала по пояс в теплое колыхание волн, крича:

— Я здесь, я здесь! Это я! <...>

От волнения, движения облаков и волн, блеска воды и дали девушка почти не могла уже различать, что движется: она, корабль или лодка — все двигалось, кружилось и опало.

Но весло резко плеснуло вблизи нее; она подняла голову. Грэй нагнулся, ее руки ухватились за его пояс. Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала:

— Совершенно такой.

— И ты тоже, дитя мое! — вынимая из воды мокрую драгоценность, сказал Грэй. — Вот, я пришел. Узнала ли ты меня?

Она кивнула, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котенком. Когда Ассоль решила открыть глаза, покачиванье шлюпки, блеск волн, приближающийся, мощно ворочаясь, борт «Секрета», — все было сном, где свет и вода качались, кружась, подобно игре солнечных зайчиков на струящейся лучами стене. Не помня — как, она поднялась по трапу в сильных руках Грэя. Палуба, крытая и увешанная коврами, в алых выплесках парусов, была как небесный сад. И скоро Ассоль

111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000

Примечание: в таблице не указаны значения для $\alpha = 0,05$ и $\alpha = 0,01$.

Ты, вормонн, и нем-моще Пензенска? смере, ани

— Да — И так крепко поцеловал он ее, встал за своим

Теперь мы стоим от них врозь, что им должно быть ясно.

Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от

1 Почему Лонгрен вынужден был покинуть

3. Почему обитатели Каперны не любили Лонгрена и его дочь?
4. Что Эгль предсказал Ассоль? Поверила ли девочка его словам?
5. Что в лице Ассоль привлекло внимание Эгля?
6. Как отреагировал Лонгрэн на рассказ дочери о предсказании волшебника?
7. Почему жители Каперны называли героиню «корабельная Ассоль»?
8. В какой семье вырос Артур Грэй? Какая судьба была ему предначертана?
9. Кем мечтает стать Грэй? Как он добивается своей цели?
10. Какую нехитрую истину Грэй понял благодаря Ассоль?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Какой свой поступок Лонгрэн назвал «черной игрушкой»? Почему? Как вы думаете, сожалел ли он о нем?
2. Как вы думаете, почему Грэй надевает кольцо на палец незнакомой девушке?
3. Своеобразие композиции повести состоит в том, что рассказ о жизни Ассоль перемежается повествованием о жизни Грэя. Как вы думаете, почему автор так строит повествование?
4. Случайна ли встреча Ассоль и Грэя?
5. Как вы думаете, будут ли герои счастливы вместе? Обоснуйте ответ.
6. Какие признаки жанров повести и сказки можно отметить в произведении?
- * Почему повесть называется «Алые паруса»? Что символизирует образ алых парусов для Ассоль, Грэя, жителей Каперны, для вас?
- Какое впечатление произвела на вас повесть-сказка? Над чем заставила задуматься?

Учимся сравнивать

- Объединитесь в группы. Задача каждой группы — дать развернутую характеристику Ассоль, Грэя или Лонгрена, используя цитаты из текста.
- На электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua рассмотрите иллюстрации к повести «Алые паруса» и, опираясь на предложенные вами характеристики, выберите наиболее удачное изображение каждого героя.

Высказываем мнение

- * Найдите в Интернете и прослушайте фрагмент «1-й помощник капитана» оперы-феерии А. Богословского «Алые паруса». Какое настроение передает музыка? К какому эпизоду повести она подходит, с каким героем ассоциируется?

Реализуем творческие способности

- Повесть «Алые паруса» состоит из семи частей, каждая из которых имеет собственное название. Представьте, что обнаружена еще одна — восьмая часть. Как вы думаете, о чем в ней могла бы идти речь? Как она могла бы называться?

АЙЗЕК АЗИМОВ

(1920—1992)

Будущий всемирно известный фантаст Исаак Юдович Озимов появился на свет в местечке Петровици Гомельской губернии, в семье небогатого мельника. Когда ему было три года, Озимовы эмигрировали в Америку. При оформлении документов в США имя и фамилия Исаака преобразовались в «Айзек Азимов».

Окончив школу, Азимов поступил на отделение химии в Колумбийский университет. Учился юноша блестяще, все предметы давались ему легко. Получив диплом, он был принят на должность лектора в Бостонскую медицинскую школу, входящую в состав престижного Кембриджского университета. Однако постепенно переключился с преподавательской деятельности на творческую, став писателем-фантастом.

Страсть к литературе о вымышленных мирах и далеком будущем проснулась у Азимова еще в детстве, когда в США вошли в моду специализированные журналы научной фантастики. В одном из таких журналов под названием «Изумительная научная фантастика» Азимов начал публиковать собственные сочинения: рассказы, повести, романы. Среди них был рассказ «Приход ночи», признанный лучшим фантастическим рассказом всех времен.

Азимов также известен как выдающийся популяризатор знаний. В течение 33 лет он вел в журнале ежемесячную колонку о новейших достижениях науки и техники. Кроме того, писал книги, посвященные проблемам разных наук — от химии до литературоведения. Всего на счету Азимова около 500 книг. Его справедливо считают одним из самых плодотворных и читаемых авторов мировой литературы.

Исследователь А. Копейкин попытался разгадать секрет успеха произведений американского фантаста: «В книгах Азимова всегда находится место для самых невероятных приключений — его герои путешествуют во времени и пространстве, пытаются установить связь с параллельными мирами или предотвратить вселенские катастрофы, становятся свидетелями распада и гибели колоссальных галактических империй. О занимательности сюжета он заботился не меньше, чем об оригинальности фантастических идей. Все это, без сомнения, слагаемые неубывающей популярности писателя».

В своих произведениях Азимов затрагивает вопросы, которые всегда волновали и будут волновать людей. Так, в повести «Профессия» писатель ставит своего героя перед выбором: либо отказаться от своей мечты, либо стремиться к ней вопреки всему.

Осмысливаем прочитанное

1. Когда Азимов увлекся научной фантастикой?
2. Какой вклад внес Азимов в дело популяризации научных знаний?

ПРОФЕССИЯ

(В сокращении)

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:
— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

Он перевернулся на живот и через спинку кровати пристально посмотрел на своего товарища по комнате. Неужели он не чувствует того же? Неужели мысль об Олимпиаде совсем его не трогает?

У Джорджа было худое лицо, черты которого еще более обострились за те полтора года, которые он провел в приюте. Он был худощав, но в его синих глазах горел прежний неумный огонь, а в том, как он сейчас вцепился пальцами в одеяло, было что-то от затравленного зверя.

Его сосед по комнате на мгновение оторвался от книги и заодно отрегулировал силу свечения стены, у которой сидел. Его звали Хали Омани, он был нигерийцем. Темно-коричневая кожа и крупные черты лица Хали Омани, казалось, были созданы для того, чтобы выражать только одно спокойствие, и упоминание об Олимпиаде несколько его не взволновало.

— Я знаю, Джордж, — произнес он.

Джордж многим был обязан терпению и доброте Хали; бывали минуты, когда он очень в них нуждался, но даже доброта и терпение могут стать поперек глотки. <...>

Джордж подумал, не станет ли он сам таким же через десять лет жизни в этом месте, и с негодованием отогнал эту мысль. Нет!

— По-моему, ты забыл, что значит май, — вызывающе сказал он.

— Я очень хорошо помню, что он значит, — отозвался его собеседник. — Ровным счетом ничего! Ты забыл об этом,

а не я. Май ничего не значит для тебя, Джорджа Плейтена... и для меня, Хали Омани, — негромко добавил он.

— Сейчас на Землю за новыми специалистами прилетают космические корабли, — произнес Джордж. — К июню тысячи и тысячи этих кораблей, неся на борту миллионы мужчин и женщин, отправятся к другим мирам, и все это, по-твоему, ничего не значит?

— Абсолютно ничего. <...>

[Джордж разгневался из-за невозмутимости Омани. Он подумал: «Ему уже по крайней мере тридцать. Неужели и я в этом возрасте буду таким же?» Плейтен с раздражением спросил соседа, какой толк в его чтении. Ведь с черпнутыми из книг знаниями он все равно никому не нужен. Затем Джордж упрекнул Омани в том, что тот заставил его читать и заучивать прочитанное.]

— Я решил наконец покончить с этим фарсом. Я сделаю то, что собирался сделать с самого начала, до того как ты умаслил меня и лишил воли к сопротивлению. Я заставляю их... заставляю...

Омани отложил книгу, а когда Джордж, не договорив, умолк, задал вопрос:

— Заставишь, Джордж?

— Заставлю исправить эту вопиющую несправедливость. Все было подстроено. Я доберусь до этого Антонелли и заставлю его признаться, что он... он...

Омани покачал головой.

— Каждый, кто попадает сюда, настаивает на том, что произошла ошибка. Мне казалось, что у тебя этот период уже позади.

— Не называй это периодом, — злобно сказал Джордж. — В отношении меня действительно была допущена ошибка. Я ведь говорил тебе...

— Да, ты говорил, но в глубине души ты прекрасно знаешь, что в отношении тебя никто не совершил никакой ошибки.

— Не потому ли, что никто не желает в этом сознаваться? Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из них добровольно признает свою ошибку?.. Но я заставляю их сделать это.

Во всем виноват был май, месяц Олимпиады. Это он возродил в Джордже былую ярость, и он ничего не мог с собой поделать. Да и не хотел: ведь ему грозила опасность все забыть.

— Я собирался стать программистом вычислительных машин, и я действительно могу им быть, что бы они там ни говорили, ссылаясь на результаты анализа. — Он стукнул кулаком по матрасу. — Они не правы. И не могут они быть правы.

— В анализах ошибки исключены.

— Значит, не исключены. Ведь ты же не сомневаешься в моих способностях?

— Способности не имеют к этому ровно никакого отношения. Мне кажется, что тебе достаточно часто это объясняли. Почему ты никак не можешь понять?

Джордж отодвинулся от него, лег на спину и угрюмо уставился в потолок.

— А кем ты хотел стать, Хали?

— У меня не было определенных планов. Думаю, что меня вполне устроила бы профессия гидропониста. <...>

Никогда раньше Джордж не расспрашивал Омани о его жизни. Мысль о том, что у других обитателей приюта тоже были свои стремления и надежды, показалась ему не только странной, но даже почти противоестественной. Он был потрясен. Подумать только — гидропонист!

— А тебе не приходило в голову, что ты попадешь сюда?

— Нет, но, как видишь, я все-таки здесь.

— И тебя это удовлетворяет. Ты на самом деле всем доволен. Ты счастлив. Тебе здесь нравится, и ничего другого ты не хочешь.

Омани медленно встал и аккуратно начал разбирать постель.

— Джордж, ты неисправим, — произнес он. — Ты терзаешь себя, потому что отказываешься признать очевидные факты. Ты находишься в заведении, которое называешь приютом, но я ни разу не слышал, чтобы ты произнес его название полностью. Так сделай это теперь, Джордж, сделай! А потом ложись в кровать и проспись.

Джордж скрипнул зубами и ощерился.

— Нет! — сказал он сдавленно.

— Тогда это сделаю я, — сказал Омани, и, отчеканивая каждый слог, он произнес роковые слова.

Джордж слушал, испытывая глубочайший стыд и горечь. Он отвернулся.

В восемнадцать лет Джордж Плейтен твердо знал, что станет дипломированным программистом, — он стремился

к этому с тех пор, как себя помнил. Среди его приятелей одни отстаивали космонавтику, другие — холодильную технику, третьи — организацию перевозок и даже административную деятельность. Но Джордж не колебался.

Он с таким же жаром, как и все остальные, обсуждал преимущества облюбованной профессии. Впереди их всех ждал День образования — поворотный день их жизни. Он приближался, неизбежный и неотвратимый, — первое ноября того года, когда им исполнится восемнадцать лет.

Когда День образования оставался позади, появлялись новые темы для разговоров: можно было обсуждать различные профессиональные вопросы, хвалить свою жену и детей, рассуждать о шансах любимой космобольной команды или вспоминать Олимпиаду. Но до наступления Дня образования лишь одна тема неизменно вызывала всеобщий интерес — и это был День образования.

«Кем ты хочешь быть? Думаешь, тебе это удастся? Ничегошеньки у тебя не выйдет. Справься в ведомостях — квоту же урезали. А вот логистика...»

Или «а вот гипермеханика...», или «а вот связь...», или «а вот гравитика...»

Гравитика была тогда самой модной профессией. За несколько лет до того, как Джорджу исполнилось восемнадцать лет, появился гравитационный двигатель, и все только и говорили, что о гравитике. Любая планета в радиусе десяти световых лет от звезды-карлика отдала бы правую руку, лишь бы заполучить хоть одного дипломированного инженера-гравитационника.

Но Джорджа это не прельщало. Да, конечно, такая планета отдаст все свои правые руки, какие только сумеет наскреести. Однако Джордж слышал и о том, что случалось в других, только что возникших областях техники. Немедленно начнутся рационализация и упрощение. Каждый год будут появляться новые модели, новые типы гравитационных двигателей, новые принципы. А потом все эти баловни судьбы в один прекрасный день обнаружат, что они устарели, их заменят новые специалисты, получившие образование позже, и им придется заниматься неквалифицированным трудом или отправиться на какую-нибудь захудалую планету, которая пока еще не догнала другие миры.

Между тем спрос на программистов оставался неизменным из года в год, из столетия в столетие. Он никогда не возрастал стремительно, не взвинчивался до небес, а просто медленно и неуклонно увеличивался в связи с освоением новых миров и усложнением старых.

Эта тема была постоянным предметом споров между Джорджем и Коротышкой Тревельяном. Как все закадычные друзья, они спорили до бесконечности, не скупясь на язвительные насмешки, и в результате оба оставались при своем мнении.

Дело в том, что отец Тревельяна, дипломированный металлург, в свое время работал на одной из дальних планет, а его дед тоже был дипломированным металлургом. Естественно, что сам Коротышка не колеблясь остановил свой выбор на этой профессии, которую считал чуть ли не неотъемлемым правом своей семьи, и был твердо убежден, что все другие специальности не слишком-то уважаемы.

— Металл будет существовать всегда, — заявил он, — и когда ты создаешь сплав с заданными свойствами и наблюдаешь, как складывается его кристаллическая решетка, ты видишь результат своего труда. А что делает программист? Целый день сидит за кодирующим устройством, пичкая информацией какую-нибудь дурацкую электронную машину длиной в милю.

Но Джордж уже в шестнадцать лет отличался практичностью.

— Между прочим, вместе с тобой будет выпущен еще миллион металлургов, — спокойно указал он.

— Потому что это прекрасная профессия. Самая лучшая.

— Но ведь ты попросту затеряешься в их массе, Коротышка, и можешь оказаться где-то в хвосте. Каждая планета может сама зарядить нужных ей металлургов, а спрос на усовершенствованные земные модели не так уж велик, да и нуждаются в них главным образом малые планеты. Ты ведь знаешь, какой процент общего выпуска дипломированных металлургов получает направление на планеты класса А. Я интересовался — всего лишь 13,3 процента. А это означает семь шансов из восьми, что тебя засунут на какую-нибудь третьесортную планету, где в лучшем случае есть водопровод. А то и вовсе можешь застрять на Земле — такие составляют 2,3 процента.

— Не вижу в этом ничего позорного, — вызывающе заявил Тревельян. — Земле тоже нужны специалисты. И хорошие. Мой дед был земным металлургом. <...>

Джордж знал про дедушку Тревельяна, и, памятуя, что его собственные предки тоже работали на Земле, не стал ехидничать, а, наоборот, дипломатично согласился:

— В этом, безусловно, нет ничего позорного. Конечно, нет. Однако попасть на планету класса А — это вещь, скажешь, нет? Теперь возьмем программиста. Только на планетах класса А есть такие вычислительные машины, для которых действительно нужны высококвалифицированные программисты, и поэтому только эти планеты и берут их. К тому же ленты по программированию очень сложны и для них годится далеко не всякий. Планетам класса А нужно больше программистов, чем может дать их собственное население. Это же чистая статистика. На миллион человек приходится в среднем, скажем, один первоклассный программист. И если на планете живет десять миллионов, а им там требуется двадцать программистов, они вынуждены обращаться к Земле, чтобы получить еще пять, а то и пятнадцать специалистов. Верно? А знаешь, сколько дипломированных программистов отправилось в прошлом году на планеты класса А? Не знаешь? Могу тебе сказать. Все до единого! Если ты программист, можешь считать, что ты уже там. Так-то! <...>

Он был абсолютно спокоен за свое будущее. (Впоследствии, в дни безнадежности и отчаяния, именно это воспоминание стало самым мучительным.) Он был так же непоколебимо уверен в себе, как любой восьмилетний ребенок накануне Дня чтения, этого преддверия следующего за ним через десять лет Дня образования.

Ну, конечно, День чтения во многом отличался от Дня образования. Во-первых, следует учитывать особенности детской психологии. Ведь восьмилетний ребенок легко воспринимает многие самые необычные явления. И то, что вчера он не умел читать, а сегодня уже умеет, кажется ему само собой разумеющимся. <...>

А во-вторых, от этого дня зависело не так уж много. После него толпы вербовщиков не теснились перед списками, с нетерпением ожидая, когда будут объявлены результаты ближайшей Олимпиады. День чтения практически ничего

не менял в жизни детей, и они еще десять лет оставались под родительской кровлей, как и все их сверстники. Просто после этого дня они уже умели читать.

И Джордж, готовясь к Дню образования, почти не помнил подробностей того, что произошло с ним в День чтения, десять лет назад. <...>

[Джордж восстановил в памяти День чтения, который каждый год проходил в сентябре. Накануне этого важного дня отец мальчика, дипломированный трубопрокладчик, волновался, так как заметил у сына неординарные способности и надеялся, что он станет высококвалифицированным специалистом и попадет в число тех миллионов счастливицков, которые покидают перенаселенную Землю и получают престижную работу на других планетах.

Наступил День чтения, который сам по себе мало что значил, но в то же время мог выявить способности ребенка. Детей собрали в зале городского Дома образования. После томительного ожидания Джорджа увели сначала на медицинский осмотр, а затем — в заполненную загадочными аппаратами комнату. В комнате человек, представившийся доктором Ллойдом, рассказал мальчику о пользе чтения: «Печатная информация будет руководить тобой всю твою жизнь. Даже после Дня образования тебе предстоит узнать еще очень многое. Печатные тексты расскажут тебе столько полезного и интересного, что не уметь читать было бы так же ужасно, как быть слепым». Закончив вступительную речь, доктор Ллойд прикрепил к голове мальчика провода и включил один из аппаратов. Из аппарата вылетели кушочки пленки. Рассматривая их, доктор странно нахмурил брови.

Пройдя через еще одну таинственную процедуру — подключения к другой машине через шлем — Джордж обнаружил, что умеет читать. Он с легкостью разобрал анкетные данные на своей карточке: «Плейтен Джордж. Родился 13 февраля 6492 года, родители Питер и Эми Плейтен».]

К восемнадцати годам Джордж превратился в смуглого юношу среднего роста, но благодаря худобе он выглядел выше, чем был на самом деле. А коренастый, широкоплечий Тревельян, который был ниже его разве что на дюйм, по-прежнему выглядел настоящим коротышкой. <...>

Они находились в том же огромном зале, где их однажды уже собирали десять лет назад (и куда они с тех пор ни разу не заходили). Казалось, внезапно воплотилось

в действительность туманное сновидение из далекого прошлого. В первые минуты Джордж был очень удивлен, обнаружив, что все здесь как будто стало меньше и теснее, но потом он сообразил, что это вырос он сам. <...>

Юноши один за другим выходили из проверочных комнат. Нахмурившись и явно испытывая неловкость, они забирали свою одежду и вещи и отправлялись узнавать результаты.

Каждого окружала с каждым разом все более редевшая кучка тех, кто еще ждал своей очереди. «Ну, как?», «Очень трудно было?», «Как по-твоему, что тебе дали?», «Чувствуешь разницу?» — раздавалось со всех сторон.

Ответы были туманными и уклончивыми.

Джордж, напрягая всю волю, держался в стороне. Такие разговоры — лучший способ вывести человека из равновесия. Все единогласно утверждали, что больше всего шансов у тех, кто сохраняет спокойствие. Но, несмотря ни на что, он чувствовал, как у него постепенно холодеют руки.<...>

Наконец вызвали Джорджа... <...>

Когда он входил в проверочную комнату, он был счастлив. Да, счастлив! <...>

[В комнате находился доктор Экери Антонелли. Юноша застал его за просмотром пленок — похожих на те, которые с озабоченным видом разглядывал десять лет назад Ллойд. Наконец, отложив пленки, Антонелли сказал, что в личном деле Джорджа указано, будто он хочет быть программистом. Хозяина кабинета это удивляло, так как «большинство людей, еще не получивших образования, не называют никакой конкретной профессии. Видимо, они боятся повредить себе». Юноша объяснил: «Я полагаю, что лучше быть открытым». А на вопрос «Почему вы хотите стать программистом?» Джордж ответил, что это интересная профессия, к тому же открывающая путь на планету класса А. Антонелли изумило признание Плейтена в том, что он читал книги по программированию, математике и электронике с целью разобраться в науке и проверить, действительно ли выбранная профессия интересна.]

— Но ведь вам известно, что это не имеет ни малейшего значения. Как бы вас ни привлекала та или иная профессия, вы не получите ее, если физическое устройство вашего мозга делает вас более пригодным для занятий иного рода. Вам ведь это известно?

— Мне говорили об этом, — осторожно ответил Джордж.
— Так поверьте, что это правда. <...> Или вы думаете, что изучение какого-нибудь предмета перестроит мозговые клетки в нужном направлении? <...>

Джордж покраснел. Конечно, он думал и об этом. Он полагал, что, постоянно упражняя свой интеллект в избранной области, он получит таким образом дополнительное преимущество. Его уверенность в значительной мере объяснялась именно этим. <...>

— Ну, так это неверно, молодой человек! К моменту рождения ваш мозг уже окончательно сформирован. Он может быть изменен ударом, достаточно сильным, чтобы повредить его клетки, или разрывом кровеносного сосуда, или опухолью, или тяжелым инфекционным заболеванием — в любом случае обязательно к худшему. Но повлиять на строение мозга, упорно о чем-то думая, попросту невозможно. <...>

[Доктор приступил к проверке. Процедура напоминала ту, что проводили в День чтения. Во время манипуляций Джордж ругал себя за то, что сознался в чтении книг, желая щегольнуть своей предприимчивостью и самостоятельностью.

После завершения необходимых процедур Антонелли направил Плейтена в другую комнату. Юноша сник, предчувствуя, что по результатам проверки не станет программистом. В новой комнате Джорджа встретил пожилой мужчина, представившийся Сэмом Элленфордом. Он сообщил юноше, что тот не может быть программистом, да и вообще никем: таково устройство его мозга. Таких, как Джордж, на всей планете набирается несколько тысяч. Дальше Элленфорд пустился объяснять устройство системы образования.]

— Вам, конечно, известно, как осуществляется на Земле программа образования. Практически любой человек может усвоить любые знания, но каждый индивидуальный мозг лучше подходит для одних видов знаний, чем для других. Мы стараемся по возможности сочетать устройство мозга с соответствующими знаниями в пределах квоты на специалистов каждой профессии. <...> Но иногда, Джордж, нам попадается молодой человек, чей интеллект не подходит для наложения на него каких бы то ни было знаний.

— Другими словами, я не способен получить образование?
— Вот именно.

— Но это безумие. Ведь я умен. Я могу понять... — Он беспомощно оглянулся, как бы отыскивая какую-нибудь возможность доказать, что его мозг работает нормально.

— Вы неправильно меня поняли, — очень серьезно произнес Элленфорд. — Вы умны. Об этом вопроса не встает. Более того, ваш интеллект даже выше среднего. К сожалению, это не имеет никакого отношения к тому, подходит ли он для наложения знаний. Вообще сюда почти всегда попадают умные люди. <...> Таких людей немного... <...> И мы оберегаем их.

— Оберегаете? — Джордж почувствовал, как в его душе растут смятение и страх.

— Вы находитесь под опекой планеты, Джордж. С того момента, как вы вошли в эту дверь, мы приступили к своим обязанностям. — И он улыбнулся.

Это была добрая улыбка. Джорджу она показалась улыбкой собственника, улыбкой взрослого, обращенной к беспомощному ребенку.

— Значит, я попаду в тюрьму? — спросил он.

— Ни в коем случае. Вы просто будете жить с себе подобными. <...> Вам нужны особые условия. Мы позаботимся о вас, — сказал Элленфорд. <...>

[Элленфорд признался, что работники системы образования обнаружили отклонение у Джорджа еще в День чтения. А затем посоветовал не расстраиваться: ведь Джорджа поместят в хорошее место, дадут возможность заниматься самообразованием, читать книги.

Прошло несколько месяцев. Приблизилась майская Олимпиада — состязания молодых людей в профессиональном искусстве. Главная награда Олимпиады — рабочее место на новых планетах. На Землю должны прибыть агенты-вербовщики из далеких звездных систем. Джордж испытывал отчаяние из-за того, что он прозябает в приюте для слабоумных и лишен возможности участвовать в Олимпиаде. И Джордж покинул приют. Его никто не задержал и не преследовал.

На следующий день он оказался в Сан-Франциско. В аэропорту он увидел Олимпийские стенды со списками участников состязаний. В списке участников значился друг его детства Тревелиян, а под перечнем была указана планета-заказчик — Новия, лучшая планета Галактики. Попасть на нее — мечта многих землян. Джордж решил отправиться на Олимпиаду металлургов.

У входа в зал состязаний стояла очередь. В очереди с юношей попытался заговорить седой улыбчивый господин, но Джордж угрюмо отвернулся. Он опасался, что этот человек подослан руководством приюта шпионить за ним.

Заняв место в зале, Плейтен обнаружил рядом седого человека из очереди. Затем он принялся рассматривать участников Олимпиады. В нем поднялся протест против того, что его самого признали слабоумным.

Начались соревнования. Каждый участник получил по бруску сплава неизвестного для него состава и неисправный прибор. От участников требовалось найти и устранить неисправность аппарата и с его помощью произвести количественный анализ сплава. После напряженной борьбы определились победители Олимпиады. Тревельян в их число не попал. Джордж устремился к выходу из зала, где столкнулся с Тревельяном. Между друзьями возникла перепалка, что привлекло внимание полицейского. Плейтен, боясь проверки документов, пытался убежать, однако страж порядка крепко схватил его.]

Вдруг раздался еще один голос, спокойный и вежливый:
— Можно вас на минутку, сержант?

Полицейский шагнул назад.

— Что вам угодно, сэр?

— Этот молодой человек — мой гость. Что случилось?

Джордж оглянулся вне себя от изумления. Это был тот самый седой мужчина, который сидел рядом с ним на Олимпиаде. Седой добродушно кивнул Джорджу.

Его гость? Он что, сошел с ума?

— Эти двое затеяли драку, сэр, — объяснил полицейский.

— Вы предъявляете им какое-нибудь обвинение? Нанесен ущерб?

— Нет, сэр.

— В таком случае всю ответственность я беру на себя.

Он показал полицейскому небольшую карточку, и тот сразу отступил. <...>

[Седой представился Джорджу дипломированным историком Ладисласом Индженеску и пригласил молодого человека к себе в отель. Плейтен подумал: а вдруг этот Индженеску именно тот, кто ему нужен, чтобы восстановить справедливость?

За обедом в гостиничном номере Индженеску между героями завязалась беседа.

Ладислас признался, что внимательно наблюдал за Джорджем и хочет ему помочь. Между героями завязался разговор о современной системе образования.]

— Тысячу лет назад не было образования, то есть образования, как мы понимаем его теперь.

— Знаю, — произнес Джордж. — Люди учились по книгам, собирая знания по крупицам.

— Откуда вы это знаете?

— Слыхал, — осторожно ответил Джордж и добавил: — А какой смысл думать о том, что происходило в далеком прошлом? Я хочу сказать, что ведь со всем этим уже покончено, не правда ли?

— С прошлым никогда не бывает покончено, мой друг. Оно объясняет настоящее. Почему, например, у нас существует именно такая система образования? <...>

— Я никогда не задумывался над этим, сэр.

— Вполне естественно. Однако четыре-пять тысяч лет назад человечество было приковано к Земле. Но и тогда уже техника достигла высокого уровня развития, а численность населения увеличилась настолько, что любое торможение техники привело бы к массовому голоду и эпидемиям. Для того чтобы уровень техники не снижался и соответствовал росту населения, нужно было готовить все больше инженеров и ученых. Однако по мере развития науки на их обучение требовалось все больше и больше времени. Когда же впервые были открыты способы межпланетных, а затем и межзвездных полетов, эта проблема стала еще острее. Собственно говоря, из-за недостатка специалистов человечество в течение почти полутора тысяч лет не могло по-настоящему колонизировать планеты, находящиеся за пределами Солнечной системы. Перелом наступил, когда был установлен механизм хранения знаний в человеческом мозгу. Как только это было сделано, появилась возможность создать образовательные ленты на основе этого механизма таким образом, чтобы сразу вкладывать в мозг определенное количество, так сказать, готовых знаний. Впрочем, это-то вы знаете. Это позволило выпускать тысячи и миллионы специалистов, и мы смогли приступить к тому, что впоследствии назвали «заполнением Вселенной». Сейчас в Галактике уже существует полторы

тысячи населенных планет, и число их будет возрастать до бесконечности.

Вы понимаете, что из этого следует? Земля экспортирует образовательные ленты, предназначенные для подготовки специалистов низкой квалификации, и это обеспечивает единство культуры для всей Галактики. Так, например, благодаря лентам чтения мы все говорим на одном языке... Не удивляйтесь. Могут быть и иные языки, и в прошлом люди на них говорили. Их были сотни. Земля, кроме того, экспортирует высококвалифицированных специалистов, и численность ее населения не превышает допустимого уровня. <...>

[Джордж попросил собеседника об услуге: устроить ему свидание с каким-нибудь должностным лицом другой планеты, например с новианином. Индженеску по видеофону связался с новианином — смуглым темноволосым мужчиной с тонкими усиками и остроконечной бородкой. Новианин, потягивая вино, посоветовал, что обитателям его планеты приходится прилетать за специалистами на Землю.]

— Сегодня я раздобыл пять металлургов...

— Знаю, — сказал Индженеску. — Я был там.

— Следили за мной! Шпионили! — вскричал новианин. — Ну, так слушайте! Эта новая модель металлурга отличается от предыдущих только тем, что умеет обращаться со спектрографом Бимена. <...> Вы выпускаете новые модели только для того, чтобы мы приезжали сюда с протянутой рукой и тратились на их приобретение.

— Мы не заставляем вас их приобретать.

— О, конечно! Только вы продаете специалистов последней модели на Лондонум, а мы ведь не можем отставать. Вы втянули нас в заколдованный круг, вы лицемерные земляне. Но берегитесь, может быть, где-нибудь есть из него выход. — Его смех прозвучал не слишком естественно и резко оборвался. <...> — Наверное, в будущем году все равно появится новая модель металлурга, чтобы нам было за что платить. И она будет отличаться от нынешней только умением обращаться с каким-нибудь новым приспособлением для анализа ниобия, а еще через год...

[Индженеску прервал затянувшийся разговор, чтобы представить Джорджа. Заметно волнуясь, Плейтен заговорил с новианином.]

— Достопочтенный, я хочу показать вам выход из заколдованного круга, — начал Джордж, используя метафору новиянина. <...> — Из того заколдованного круга, в который попадает Новия, когда вы прилетаете на Землю за... за специалистами. <...>

— Вы хотите сказать, что знаете способ, как нам обойтись без земного интеллектуального рынка? Я правильно вас понял?

— Да, сэр. Вы можете создать свою собственную систему образования.

— Гм. Без лент?

— Д-да, достопочтенный. <...> Мой друг всю жизнь мечтал попасть на Новию. Он уже знал прибор Хенслера. Он знал, что ему нужно ознакомиться с прибором Бимена, чтобы попасть к вам. А для этого ему следовало усвоить всего лишь несколько дополнительных сведений и, быть может, чуточку попрактиковаться. Если учесть, что на чашу весов была поставлена цель всей его жизни, он мог бы с этим справиться...

— А где бы он достал ленту с дополнительной информацией? Или образование здесь, на Земле, превратилось в частное домашнее обучение? <...>

— Поэтому-то он и не стал доучиваться, достопочтенный. Он считал, что ему для этого нужна лента. А без нее он и не пытался учиться, как ни заманчива была награда. Он и слышать не хотел, что без ленты можно чему-то научиться. <...> Не думайте, что это шутка, — сказал Джордж горячо. — Ленты попросту вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, как можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его заставили с самого начала учиться, так сказать вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно? А когда эта привычка достаточно укрепитя, человеку можно будет прививать небольшое количество знаний с помощью лент, чтобы заполнить пробелы или закрепить кое-какие детали. После этого он сможет учиться дальше самостоятельно. Таким способом вы могли бы научить металлургов, знающих спектрограф Хенслера, пользоваться спектрографом Бимена, и вам не пришлось бы прилетать на Землю за новыми моделями.

Новианин кивнул и отхлебнул из рюмки.

— А откуда можно получить знания помимо лент? Из межзвездного пространства?

— Из книг. Непосредственно изучая приборы. Думая. <...>

— А как быть с чтением? Для этого вы допускаете использование лент?

— По-видимому, ими можно пользоваться, хотя не вижу причины, почему нельзя научиться читать и старым способом. По крайней мере частично.

— Чтобы с самого начала выработать хорошие привычки? — спросил новианин.

— Да, да, — подтвердил Джордж, радуясь, что собеседник уже начал понимать его. <...>

— А сами-то вы пробовали учиться по книгам? Или это только ваша теория?

Джордж быстро оглянулся на Индженеску, но историк сохранял полную невозмутимость. Его лицо выражало только легкий интерес.

— Да, — сказал Джордж.

— И вы считаете, что из этого что-нибудь получается?

— Да, достопочтенный, — заверил Джордж. — Возьмите меня с собой на Новию. Я могу составить программу и руководить...

— Погодите, у меня есть еще несколько вопросов. Как вы думаете, сколько вам понадобится времени, чтобы стать металлургом, умеющим обращаться со спектрографом Бимена, если предположить, что вы начнете учиться, не имея никаких знаний, и не будете пользоваться образовательными лентами?

Джордж заколебался.

— Ну... может быть, несколько лет. <...> Еще не знаю, достопочтенный.

— Итак, на самый главный вопрос у вас не нашлось ответа. Ну, скажем, пять лет. Вас устраивает этот срок?

— Думаю, что да.

— Отлично. Итак, в течение пяти лет человек изучает металлургию по вашему методу. Вы не можете не согласиться, что все это время он для нас абсолютно бесполезен, но его нужно кормить, обеспечить жильем и платить ему. <...> Вам не кажется, что тогда у нас уже появятся усовершенствованные модели этого прибора, с которыми он не сумеет обращаться?

— Но ведь к тому времени он станет опытным учеником и усвоение новых деталей будет для него вопросом дней.

— По-вашему, это так. Ладно, предположим, что этот ваш друг, например, сумел самостоятельно изучить прибор Бимена; сможет ли сравниться его умение с умением участника состязания, который получил его посредством лент?

— Может быть, и нет... — начал Джордж. <...> — Даже если он знает кое-что хуже, чем тот, другой, в данном случае важно то, что он может учиться дальше. Он сможет придумывать новое, на что не способен ни один человек, получивший образование с лент. У вас будет запас людей, способных к самостоятельному мышлению...

— А вы в процессе своей учебы придумали что-нибудь новое? — спросил новианин.

— Нет, но ведь я один, и я не так уж долго учился...

— Да... <...> Право же, завтра у меня очень напряженный день. Всего хорошего.

Экран погас. <...>

[Джордж разволновался. Он повторял, что ему нужно увидеться с новианином лично. Затем бросился к двери номера, но за ней оказались два полицейских, которые схватили его. Джорджу сделали инъекцию, после которой он очнулся уже в приюте. Рядом был Омани.]

Джордж с любопытством посмотрел на Омани.

— За мной следили, когда я ушел отсюда, так?

Омани кивнул.

— Ты все время был под наблюдением. Мы считали, что тебе следует побывать у Антонелли, чтобы ты мог дать выход своим агрессивным потребностям. Нам казалось, что другого способа нет. Эмоции тормозили твое развитие.

— Я был к нему очень несправедлив, — с легким смущением произнес Джордж.

— Теперь это не имеет значения. Когда в аэропорту ты остановился у стенда металлургов, один из наших агентов сообщил нам список участников. Мы с тобой говорили о твоём прошлом достаточно, для того чтобы я мог понять, как подействует на тебя фамилия Тревелияна. Ты спросил, как попасть на эту Олимпиаду. Это могло привести к кризису, на который мы надеялись, и мы послали в зал Ладисласа Индженеску, чтобы он занялся тобой сам.

- Он ведь занимает важный пост в правительстве?
- Да.
- И вы послали его ко мне. Выходит, что я сам много значу.
- Ты действительно много значишь, Джордж. <...>
- Ты знаешь, все изменилось. Как будто я так устал, что уже не мог больше чувствовать. Я больше не злился. Я мог только думать. Как будто мне дали наркотик, чтобы уничтожить эмоции.
- Нет, — сказал Оами. — Это было просто успокоительное. И ты хорошо отдохнул. <...>
- Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных... вроде этого... а на Земле уже есть такие приюты... и много.
- Оами улыбнулся, сверкнув зубами.
- Институт высшего образования — вот как точно называются эти заведения.
- Теперь-то я это понимаю, — сказал Джордж, — до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрел спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Бимен. Но он не мог получить образование через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперед.
- Совершенно верно.
- А кто создает образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создает ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создает ленты... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению.
- Ты прав, Джордж. <...>
- Почему мне не сказали об этом с самого начала?
- К сожалению, это невозможно, — ответил Оами. — А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот — хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая

вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остается, посылают в такие заведения, как это.

— Но почему нельзя сказать людям, что один из... из ста тысяч попадает в такое заведение? — спросил Джордж. — Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

— А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный специалист по тому-то или тому-то». Так или иначе каждый индивид находит свое место в обществе. Это необходимо.

— А мы? — спросил Джордж. — Мы, исключения? Один на десять тысяч?

— Вам ничего нельзя объяснить. В том-то и дело. Ведь в этом заключается последнее испытание. Даже после отсева в День образования девять человек из десяти, попавших сюда, оказываются не совсем подходящими для творчества, и нет такого прибора, который помог бы нам выделить из этой десятки того единственного, кто нам нужен. Десятый должен доказать это сам.

— Каким образом?

— Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям. <...>

— А как же с теми, которые... не вполне отвечают требованиям?

— В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами. Индженеску — один из них. Сам я — дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон. <...>

— Мне все еще непонятно одно, — сказал Джордж.

— Что же?

Джордж сбросил простыню и встал.

— Почему состязания называются Олимпиадой?

1957

(Перевод с английского С. Васильевой)

Проверяем, внимательные ли мы читатели

1. Почему Джорджа Плейтена беспокоит начало Олимпиады?
2. Какую несправедливость намерен исправить Джордж?
3. Какую профессию выбрал Джордж? Чем она привлекла его?
4. Что такое День чтения и День образования?
5. Что произошло с героем в День образования?
6. С какой целью Джордж покидает приют?
7. Почему Индженеску заинтересовался Джорджем?
8. Что Джордж предлагает новианину?
9. Что выясняет герой, вернувшись в приют?

Размышляем над текстом художественного произведения

1. Чем описанная Азимовым система образования далекого будущего отличается от современной?
 2. Почему Джордж не вписался в систему образования?
 3. Как вы думаете, как сложится судьба героя в дальнейшем?
 4. Составьте характеристику Джорджа. Используйте памятку № 3.
 5. Как бы вы определили идею повести?
 6. Почему произведение относят к научно-фантастической литературе?
- ✳ Как на последний вопрос Джорджа ответили бы вы?

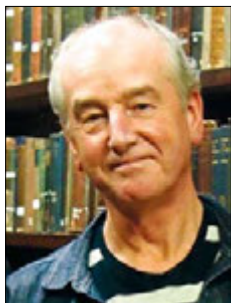
Высказываем мнение

- 👤 Объединитесь в две команды. Первая должна отметить достоинства системы образования, описанной Азимовым в повести «Профессия», вторая — недостатки. Сделайте вывод, какой системе образования отдали бы предпочтение вы.

Реализуем творческие способности

- ✳
- Какие проблемы современности вас волнуют? Как они могут повлиять на будущее?
 - Можете ли вы представить, каким будет наш мир через сто лет?
 - Сочините фантастический рассказ, в котором отразите волнующие вас вопросы.

(прод. в 1951)

Прежде чем мечта юного Дэвида о писательской профессии осуществилась, прошло довольно много лет. За это время Амонд окончил Университет восточной Англии и Политехнический институт Ньюкасла, перепробовал несколько занятий — от почтальона до продавца кисточек, пять лет проработал учителем. «Я написал свои первые рассказы в глухомани, в ветхом особняке, расположенном в графстве Норфолк, — вспоминает Амонд. — Это было довольно трудно, но в то же время восхитительно. Я чувствовал себя волшебником, создающим новые жизни и целые миры».

Первую книгу, сборник рассказов для взрослых «Бессонные ночи», писатель выпустил, когда ему было 34 года. Его более поздние книги («Пожиратели пламени», «Глина» и др.) рассчитаны на детскую и подростковую аудиторию. В 2010 году за свои детские произведения Амонд получил престижную Международную премию имени Г. Х. Андерсена, которую еще называют Нобелевской премией для детских писателей.

Дэвид Амонд — представитель «волшебного реализма». В его произведениях реалистическое изображение мира органично дополняется элементами волшебного, причем волшебное описывается как реально существующее.

Одно из самых известных произведений писателя — повесть «Скеллиг». Это история о мальчике, который встречает необычное существо: получеловека-полуптицу, обитающего в старом гараже среди хлама. В повести проявились характерные особенности «волшебного реализма»: чудесное, которое необъяснимо, но естественно

вторгается в повседневную жизнь; использование символических образов (у Амонда это образы птиц); подробное описание чувств и переживаний героя. Повесть «Скеллиг» была удостоена нескольких литературных наград, а в 2009 г. экранизирована.

СКЕЛЛИГ

(Отрывки)

Глава 1

Я обнаружил его в гараже в воскресенье днем. Сюда, на Соколиную улицу, мы переехали буквально накануне. Зима была на исходе. Мама так и говорила: «Переедем как раз к весне». Кроме меня, в гараже никого не было. Только я. Остальные, вместе с доктором Смертью, суетились в доме вокруг малышки.

Он лежал в темноте, за нагромождением шкафов и буфетов, в мусоре и пыли. Похоже, провалялся там целую вечность. Грязный, бледный, иссохший — наверняка мертвый. Однако я здорово ошибся. Очень скоро мне предстояло узнать правду. А правда состояла в том, что он был особенный, один-единственный на всем свете. <...>

Глава 2

Я мог бы заметить его даже раньше, тоже в воскресенье, но еще утром. Я прихватил с собой фонарик и осветил внутрь. <...>

В одном углу что-то зашуршало, в другом мелькнуло, юркнуло, но вот — все смолкло, и воцарилась мертвая тишина.

Я стоял у порога, пытаюсь побороть страх.

И уже готов был ступить внутрь, как вдруг раздался мамин голос.

— Майкл! Что ты тут делаешь?

Она стояла на заднем крыльце дома.

— Тебя же просили подождать, пока мы не убедимся, что здесь безопасно.

Я попятился.

— Мы тебя просили? Разве нет?

— Просили.

— Значит, сюда ни ногой! Понял?

Я толкнул дверь, и она прикрылась — неплотно, конечно, поскольку болталась на одной петле.

— Договорились? — окликнула меня мама.

— Да. Хорошо. Договорились. <...>

После чего я углубился в дикие заросли — по-здешнему, сад, — а мама пошла к метавшейся в жару девочке.

Глава 3

<...> Мне вдруг вспомнился наш старый дом и мои кореша, Лики и Кут. Небось гоняют сейчас мяч на верхнем поле. И будут гонять целый день.

Потом я услышал, как позвонили в дверь. Пришел доктор Смертью. Это я про себя его так прозвал: лицо больно серое, совсем не улыбочное, и черные пятнышки на руках. Я его уже видел на днях, когда он садился в машину возле нашего дома и включал зажигание. По-правильному его зовут доктор Сартью. И в лицо я его Смертью не называю. Но все равно, такая фамилия ему куда больше подходит.

Я допил колу, немного посидел и отправился обратно в гараж. Времени прислушиваться к шорохам или собираться с духом не было. Я включил фонарик, поглубже вдохнул и на цыпочках двинулся внутрь.

Какие-то мелкие черные существа порскнули из-под ног во все стороны. Дверь за моей спиной все скрипела и стонала, пока не замерла на своей единственной петле. Под лучом фонарика роилась пыль. В углу что-то царапало, мерно, без устали. Я прокрался дальше, и на лбу осела густая паутина. Среди этого нагромождения доисторической мебели, кухонных шкафчиков, свернутых ковров, труб, ящиков и досок ступать было особенно некуда. <...>

Двигался я ну очень осторожно. И больше всего боялся, что все это сейчас рухнет мне на голову. От пыли першило в горле и чесалось в носу. Я знал, что меня скоро хватятся, и выходить надо поскорее. Я лег пузом на приземистый старый сервант и осветил все пространство до дальней стены. И увидел его.

Мертвец!

Он сидел, прислонившись к стене, вытянув ноги, покрытый пылью и паутиной, как все вокруг. Лицо мертвенно-бледное,

почти прозрачное. Волосы и плечи усеяны мертвыми мухами. Луч фонарика шарил по его лицу, по черному костюму.

— Что тебе нужно? — спросил он.

Открытые глаза смотрели на меня в упор.

Голос такой скрипучий, словно хозяин не пользовался им много лет.

— Что тебе нужно?

Сердце мое бешено колотилось, бухало.

— Так что тебе нужно?

И тут меня позвали.

— Майкл! Майкл!

Пятясь, то и дело на что-то натыкаясь, я выбрался наружу.

Кричал папа. Он уже шел ко мне по заросшей тропинке.
<...>

Глава 4

[В ту ночь Майкл почти не спал. Он думал о странном существе в сарае, слушал дыхание своей больной сестренки. На рассвете он подошел к ее кровати.]

Я взглянул на девочку. Просунул руку под одеяло. Под моими пальцами билось сердце — быстро-быстро. Грудь судорожно приподнималась, опадала, девочка подхрипывала и кричала. От нее полыхало таким жаром, а косточки такие тонкие, и вся она такая крошечная...

Она сильно срыгнула. С подбородка в складочку шейки текла густая молочная слюна. Неужели сестра умрет? Вначале, когда она только родилась, врачи боялись, что умрет. Долго не отдавали ее домой, она лежала в стеклянном ящике, опутанная трубочками и проводками, а мы стояли вокруг и пялились, как в аквариум.

Я подоткнул ей одеяло.

Личико белое-белое, а волосы черные-черные. Говорят, за нее надо молиться, но я не знаю как.

— Давай уж, вылечись побыстрее, если выживешь, — прошептал я.

Мама пошевелилась и открыла глаза.

— Что ты, мой родной? — она протянула руку.

— Ничего, — пробормотал я и так же крадучись ушел в свою комнату.

Посмотрел за окно, на заросший сад. На крыше гаража распевал дрозд. А он лежит там, за сервантом, с паутиной в волосах. Что же он там делает? <...>

[Несмотря на запрет, Майкл продолжал наведываться в гараж к странному существу. Человек был явно болен и раздражен визитами мальчика. Он не хотел называть свое имя и рассказывать о себе. Однако доброта Майкла, который приносил ему еду и лекарства, растопила сердце незнакомца.

Кроме забот о существе из гаража, мальчика постоянно тревожили мысли о новорожденной сестренке. Ее положили в больницу, чтобы сделать операцию.

Вскоре после знакомства с существом Майкл обзавелся новой приятельницей. Подружку звали Мина. Она не ходила в школу, а училась дома, увлекалась поэзией и изучением повадок птиц.

Мина повела Майкла в заброшенный дом своего деда. Там дети наблюдали за живущими на чердаке совами.

Герой показал Мине обитателя гаража. Дети решили помочь существу перебраться из пыльного затхлого строения в дом деда Мины. Однажды ночью они пробрались в гараж.]

Глава 22

Мы вошли в гараж и быстро пробрались сквозь завалы. Я навел луч фонарика на его лицо.

— Вы должны пойти с нами, — сказала Мина.

Он вздохнул и застонал.

— Я болен, — сказал он, не поднимая глаз. — Я смертельно болен.

Мы протиснулись за буфет, присели на корточки.

— Вам обязательно надо пойти с нами, — повторила Мина.

— У меня нет сил. Хилый, как младенец.

— Младенцы не самые хилые, — возразила Мина. — Вспомните, как они кричат от голода, как настойчиво учатся ползать. А вы видели, как отважно пускается в первый полет птенец дрозда?

Мина подсунула руки ему под мышки. Потянула, пытаясь приподнять.

— Ну, пожалуйста, — шептала она.

Я тоже дергал его. Тоже тянул. И в какой-то момент он чуть-чуть обмяк, поддавшись нашим усилиям.

— Страшно, — проскрипел он.

Мина склонилась, поцеловала его в бледную щеку.

— Не бойтесь. Мы ведем вас в безопасное место.

Он попытался встать. Раздался скрип суставов. Он охал и ойкал от боли. Опирался на нас всем телом и, наконец, поднялся, шатаясь, как былинка. Ростом он оказался куда выше нас, примерно с папу. Худющий, точно щепка, и легкий, почти невесомый. Мы подхватили его с двух сторон, так что пальцы наши соединились у него за спиной. В области лопаток прощупывались бугры.словно сложенные руки. Покрытые чем-то мягким. Взгляды наши встретились, но мы по-прежнему не осмеливались произнести наши догадки вслух.

— Фантастическое существо, — пробормотала Мина.

— Вы можете идти? — спросил я.

Он охнул и ойкнул.

— Двигайтесь медленно-медленно, — предложил я. — И держитесь за нас.

<...> До чего же он легкий! Мы подняли его, как пушинку, не веря самим себе. <...> Мы двинулись вперед.

Прошли вдоль задних заборов, по одной аллейке, по другой и оказались возле зеленой калитки заколоченного дома. Мина вставила ключ в скважину, повернула. Вот мы уже в саду. <...> Наконец мы вошли внутрь, во тьму. Добравшись до первой комнаты, мы опустили его на пол.

Мы дрожали от возбуждения и все не могли отдышаться. Он охал от боли. Мы принялись его гладить, успокаивать.

— Вы в безопасности, — сказала Мина.

Она сняла с себя шерстяную кофту и, свернув, положила ему под голову.

— Мы потом еще принесем кое-что и устроим вас поудобнее, — пообещала она.

— Вам будет хорошо, — сказал я. — <...> Сейчас мне пора. А то папа проснется.

— Мне тоже пора, — сказала Мина.

Мы с ней улыбнулись друг другу. И опять взглянули на него, распростертого возле нас на полу.

— Мы скоро вернемся.

Мина поцеловала его в бледную морщинистую щеку. И снова провела ладонью по спине. Глаза ее сияли от восторга.

— Кто же вы? — шепотом спросила она.

Он поморщился от боли.

— Меня зовут Скеллиг. <...>

[Дети навещали Скеллига. Однажды, помогая снять грязную одежду, они заметили, что у него на спине растут крылья. В другой визит они стали свидетелями того, как человека-птицу кормят совы. Поужинав, Скеллиг подозвал детей и вместе с ними пустился в странный танец-полет. После волшебного кружения Майкл почувствовал, словно у него выросли крылья. При расставании Скеллиг попросил ребят запомнить эту ночь навсегда.]

Майкл заметил, что Скеллиг меняется, оживает.

Наступил день операции сестры Майкла. Мальчика мучило предчувствие, что нежно любимая им малышка умрет.]

Глава 41

Я ошибся. Она не умерла. <...> Лежала и тихонько по-сапывала под белым одеяльцем. Мама сказала, что ее грудь рассечена и рану закрывает толстая повязка. <...>

— Майкл, врачи обещают, что теперь все будет хорошо. Они уверены в успехе.

Мы сидели втроем, держась за руки, и смотрели на это хрупкое существо.

— Врачи сказали, что в какой-то момент во время операции они ее чуть не упустили. — Мама обняла меня за плечи. — Но она выдержала. Выжила.

Вошла медсестра. Проверила провода, трубочки и датчики. Пригладила мне вихры.

— У твоей сестры пламенное сердце. Она настоящий борец. Никогда не сдастся.

— Ты молишься за нее? — спросила мама.

— Да. <...>

— Знаете, так странно... — неуверенно начала мама. Потом осеклась и покачала головой.

— Что странно? — спросил папа.

Она слегка поморщилась, словно смутилась и не знает, как сказать.

— Ну... в общем... я лежала тут вчера ночью, крутилась, ворочалась. То и дело вставала на нее посмотреть. Иногда вдруг засыпала... И мне приснился сон, такой странный... <...> Там был человек. Просто человек. Конечно же он мне снился, хотя я была уверена, что не сплю. Он стал возле ребенка. От него воняло. Сам весь в черном. Доисторической древности черный костюм, весь аж пропитанный пылью. А на спине — горб.

Волосы свалились, спутались. Я была в ужасе. Хотела его оттолкнуть, хотела закричать: «Прочь от моего ребенка!!!» Хотела позвать врачей, сестер. Но не могла ни пошевелиться, ни заговорить. А он вот-вот схватит девочку и утащит! Но потом он повернулся и посмотрел на меня в упор. Лицо — белое как мел. А во взгляде столько нежности... И я каким-то образом поняла, что он ни за что не причинит ей вреда. Я поняла, что все будет хорошо...

Она снова замолчала, задумчиво покачала головой.

— Ну?.. — не выдержал папа.

— Потом он наклонился и взял ее на руки. Она не спала. Они долго смотрели друг на друга, глаза в глаза. И он стал медленно кружиться...

— Как в танце, — подсказал я.

— Да, как в танце. А потом случилось самое удивительное...

Она коротко засмеялась и недоуменно пожала плечами.

— Самое удивительное, что у девочки на спине оказались крылышки. Прозрачные, призрачные, едва заметные. Но я их точно видела. Даже перышки разглядела. Так странно. Высокий незнакомец и наша девочка с крыльями... Вот и все. Он положил ее в кровать, снова взглянул на меня, и все кончилось. Остаток ночи я спала как сурок. Когда проснулась, ее уже готовили к операции. Но я почему-то больше не волновалась. Просто поцеловала ее, шепнула, как мы все ее любим, — и ее увезли. А я уже знала, что все будет хорошо. <...>

Девочкины глаза все двигались под закрытыми веками: она видела сон.

— Скеллиг, — прошептал я неслышно. — Ей снится Скеллиг.

[Майкл и Мина снова отправились кормить Скеллига и поблагодарили его за спасение малышки. Дети поняли, что Скеллиг скоро покинет их. Друзья вновь исполнили волшебный танец-кружение.

На прощание дети обещали всегда помнить Скеллига и спросили, кто же он на самом деле. В ответ они услышали: «Некто. Похож на всех сразу: вас, людей, на зверя, на птицу, на ангела. Такое вот существо». Вскоре из больницы выписали сестру Майкла. На семейном совете девочку решили назвать Джой — то есть «радость».]

Осмысливаем прочитанное за год

1. Назовите произведения литературы, с которыми вы познакомились на уроках литературы в седьмом классе. Какие произведения вы прочитали самостоятельно? Какое из них понравилось больше всего?
2. Что вам запомнилось из рассказов о писателях, об их пути в литературу?
3. Кто из этих писателей использовал в своих произведениях случаи из жизни, наблюдения над характерами, поведением людей? В каких произведениях преобладает авторская фантазия?
4. Кто из авторов изученных в этом году произведений больше всего заинтересовал вас? Какие произведения этого автора вы хотели бы прочитать?
5. Какие стихотворения вы прочитали в этом году? Какие из них выучили наизусть? Прочитайте выразительно стихотворение, которое вам понравилось больше других.
6. Какое произведение вы бы хотели проиллюстрировать?

Подготовьте презентацию одной из тем:

- Мой любимый писатель.
- Моя любимая книга.
- Мой любимый литературный герой.
- Экранизация моего любимого произведения.

- ✿ Напишите письмо будущим семиклассникам, в котором дайте советы, какие книги читать, как работать на уроке литературы.

i Впереди летние каникулы... А значит много времени для внимательного и вдумчивого чтения. На электронном образовательном ресурсе interactive.ranok.com.ua вы найдете список книг, которые рекомендуются для самостоятельного и семейного чтения.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аллегория (от греч. *allos* — иной и *agoreuo* — говорю) — изображение отвлеченного понятия или явления через конкретный жизненный образ.

Антитеза (от греч. *anti* — против и *thesis* — положение) — противопоставление, создающее эффект резкого контраста образов.

Баллада — стихотворение небольшого объема, с динамичным развитием сюжета, основой которого является необычный случай. Часто в балладе присутствует загадочное, фантастическое, необъяснимое, трагическое.

Басня — малый повествовательный (эпический) жанр, короткий рассказ в стихах или прозе с четко сформулированной моралью, имеющий поучительный смысл.

Былина — народный песенный эпос о богатырях и их подвигах.

Былинный стих — нерифмованный стих, каждая строка которого содержит приблизительно одинаковое количество ударений.

Вольный перевод — перевод, передающий общее содержание произведения.

Героическая повесть — повесть, в основу которой положены события, связанные с героической борьбой народа против внешних врагов.

Героический эпос — фольклорные произведения, в которых изображена борьба народа со злом, врагами.

Герой литературный — любой персонаж, действующее лицо эпического, драматического или лиро-эпического произведения.

Гипербола (от греч. *hyperbole* — преувеличение, излишек) — чрезмерное преувеличение размера, красоты и других свойств описываемого явления.

Двусложные размеры стиха — стихотворный размер, в котором в стопе два слога — хорей и ямб.

Детектив — произведение, в основе которого лежит расследование загадочного происшествия, чаще всего — преступления.

Драма — род литературы, изображение человека в действии. Большинство драм построено на внешнем действии, которое связано с противоборством, противостоянием героев. Но может преобладать и внутреннее действие (герои не столько действуют, сколько переживают и размышляют).

Древняя русская литература — произведения, созданные на территории Руси в период с XI по XVII в.

Загадка — жанр устного народного творчества, иносказательное описание предмета или явления, которые нужно отгадать.

Идея — главная мысль художественного произведения.

Комическое — вызывающее смех несоответствие между видимостью (внешним проявлением) и сущностью (подлинным содержанием) изображаемого.

Композиция — построение художественного произведения, расположение и взаимосвязь его частей. Выделяют композицию линейную (когда события идут в хронологическом порядке), обратную (когда события воссозданы в обратном порядке — от финала к началу), кольцевую (повтор в начале и конце произведения художественных описаний, сходство событий и их участников в начале и финале). Иногда в произведении появляется вставной рассказ героя — такой вид композиции называют рассказ в рассказе.

Летопись — это жанр древнерусской литературы, повествование по годам в виде сообщения или описания какого-либо события.

Лирика — род литературы. Рисует отдельные состояния характера в определенные моменты жизни, собственное «я» поэта. Охватывает множество стихотворных жанров — элегия, романс, сонет, песня и др. Любое явление и событие в лирике воспроизводится в форме собственного переживания.

Лирический монолог — обращение героя к самому себе или к слушателям, раскрывающее его душевные переживания.

Литература художественная — вид искусства, отличительной чертой которого является отображение жизни, создание художественного образа при помощи слова.

Метафора (от греч. *metaphora* — перенос) — скрытое сравнение предметов или явлений, построенное на сходстве или контрасте, в котором слова «как», «как будто», «словно» отсутствуют, но подразумеваются.

Миф (от греч. *mythos* — слово, речь) — древнее народное сказание о богах и легендарных героях, о происхождении мира и жизни на земле, передающее представления людей о мире и месте человека в нем.

Монолог — развернутое высказывание героя.

Научно-фантастическая литература (от греч. *phantastike* — искусство воображать) — один из видов фантастики, рассказывающий о воображаемом прошлом или будущем. Научная фантастика основана на попытке объяснения чудес разумными причинами: изобретением космических кораблей, устройств для передачи мыслей на расстоянии и т. д.

Новелла — короткое произведение с динамичным сюжетом и неожиданным окончанием.

Оригинал — литературное произведение в том виде, в каком оно было создано автором.

Пейзаж — изображение картин природы в литературном произведении. Пейзаж часто служит средством характеристики героя и его настроения в определенный момент.

Повесть — средний между рассказом и романом жанр, в котором представлен ряд эпизодов из жизни героя (героев). В повести больше событий и действующих лиц, чем в рассказе, однако, в отличие от романа, обычно одна сюжетная линия. В зависимости от темы различают повести исторические, авантурные, героические и др.

Повесть-сказка — разновидность повести, в которой реалистическое изображение сочетается с элементами фантастики.

Поговорка — меткое образное выражение, заключающее в себе эмоциональную оценку того или иного явления.

Портрет — изображение в литературном произведении внешности героя: черт лица, фигуры, одежды, позы, мимики, жеста, манеры держаться.

Пословица — краткое, ритмически организованное изречение, содержащее суждение из области морали, житейской мудрости.

Постоянный эпитет — характерное для народной поэзии определение, которое устойчиво сочетается с определяемым словом и образует с ним образно-поэтическое выражение (поле чистое, море синее, жемчуг мелкий, облаго ходячее, гости богатые, солнышко красное, сон богатырский).

Поэма (от греч. *poïeta* — творение) — лиро-эпический жанр, крупное или среднее по объему стихотворное произведение, основными чертами которого являются наличие сюжета (как в эпосе) и отражение переживаний лирического героя (как в лирике).

Притча — близкое басне небольшое повествовательное произведение назидательного характера, содержащее религиозное или моральное поучение в иносказательной (аллегорической) форме. От басни отличается тем, что объясняет не конкретные, жизненные, а отвлеченные проблемы.

Рассказ — небольшое прозаическое произведение, которое содержит развернутое и законченное повествование об отдельном событии.

Ритм (от греч. *rhythmos* — соразмерность) — повторяемость элементов: звуков, пауз, ударений, слогов, сочетаний ударных и безударных слогов, а также слов, рядов слов, синтаксических конструкций.

Рифма (от греч. *rhythmos* — соразмерность) — одинаковое или сходное звучание концов двух или более стихотворных строк, отмечающее их границы и связывающее их между собой.

Роман (от фр. *roman* — первоначально: произведение, написанное на одном из романских языков, в противоположность написанному на латыни) — большое эпическое многопроблемное произведение, изображающее человека в процессе его становления и развития, в котором всесторонне изображается жизнь людей в определенный период времени или в течение целой человеческой жизни.

Романтика — отношение к жизни, которому свойственно стремление к возвышенному идеалу, жажда иной жизни.

Символ (от греч. *symbolon* — знак) — условный художественный образ. В отличие от метафоры имеет не одно или несколько, а неисчерпаемое множество значений и обладает необыкновенной смысловой емкостью.

Сказка — жанр устного народного творчества (народная сказка) и художественной литературы (литературная сказка), имеющий содержанием необычные в бытовом смысле события.

Сравнение — образное словесное выражение, сопоставление людей, предметов и явлений по их внешнему сходству, присущим им качествам или по вызываемым ими сходным чувствам.

Стихотворная речь — ритмически упорядоченная речь, которая воспринимается слушателями (читателями) резко отличающейся от обычной разговорной и письменной прозаической речи.

Стопа — регулярное сочетание ударного слога с безударным (безударными).

Строфа — группа стихов (стихотворных строк), объединенная определенной системой рифмовки. В русском стихосложении используются такие строфы, как двустишие (строфа из двух строк), катрен (из четырех строк), секстина (из шести строк), октава (из восьми строк) и др.

Сюжет (от фр. *sujet* — предмет) — событие или совокупность событий, составляющие содержание произведения. Развитие события позволяет писателю раскрыть характеры героев и суть изображаемых явлений.

Тема (от греч. *thema* — то, что положено в основу) — предмет изображения в художественном произведении: круг жизненных явлений и событий, о которых пишет автор.

Фольклор (от англ. *folklore* — народная мудрость) — устное народное творчество.

Характер — художественный образ человека, который соединяет в себе общее, повторяющееся в разных людях и индивидуальное, неповторимое. Через характер раскрывается авторский взгляд на мир и человека.

Хорей — стихотворный метр, в котором в стопе два слога: первый ударный, второй — безударный.

Художественная деталь — это выразительная подробность интерьера, пейзажа, внешности героя, его речи, которая помогает глубже понять образ или идею произведения.

Художественный перевод — воспроизведение литературного произведения на другом языке, передающее особенности оригинала.

Цикл (от греч. *kyklus* — круг, окружность) — ряд художественных произведений, объединенных общей темой, действующими лицами, общим повествователем, но сохраняющих относительную самостоятельность вне цикла.

Элегия (греч. *elegia* — жалобная песня) — стихотворение, проникнутое настроениями грусти, светлой печали.

Эпитет — художественное определение, которое не только указывает на какое-то качество человека, предмета, явления, но вызывает его зримый образ и формирует у читателя определенное эмоциональное отношение.

Эпос — литературный род, в котором изображаются любые явления внешнего мира (люди, события, предметы) в их сложных отношениях и взаимосвязях, а также внутренний мир людей. Основа эпоса — повествование, не имеющее ограничений во времени и пространстве.

Юмор — особый вид комического, изображение героев в смешном виде. Юмор — смех веселый, добродушный, не обижающий и не задевающий достоинства человека.

Ямб — стихотворный метр, в котором в стопе два слога: первый слог безударный, второй — ударный.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I.	ВВЕДЕНИЕ.	
	О КНИГЕ, ПИСАТЕЛЕ, ЧИТАТЕЛЕ	4
Раздел II.	ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА	7
	Русские былины	7
	Илья Муромец и Соловей-Разбойник	12
Раздел III.	БАЛЛАДА В ЛИТЕРАТУРЕ	21
	Василий Жуковский	28
	Светлана	28
	Фридрих Шиллер.....	33
	Перчатка.....	33
	Роберт Льюис Стивенсон.....	35
	Вересковый мед.....	35
	Адам Мицкевич.....	39
	Свитязь	39
Раздел IV.	ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	46
	Александр Пушкин	47
	Узник	50
	Птичка	51
	«Если жизнь тебя обманет...»	52
	Цветок	53
	Станционный смотритель (В сокращении).....	55
	Михаил Лермонтов.....	66
	Кавказ.....	69
	Мцыри (В сокращении).....	71
	Николай Гоголь.....	91
	Тарас Бульба (В сокращении)	93

Раздел V. РАССКАЗ И НОВЕЛЛА	123
Антон Чехов	124
Хамелеон	128
Толстый и тонкий	133
О. Генри	138
Дары волхвов	140
Артур Конан Дойл	148
Пестрая лента (<i>В сокращении</i>)	150
Джеймс Олдридж	169
Последний дюйм (<i>В сокращении</i>)	170
 Раздел VI. ФАНТАСТИКА И РОМАНТИКА	188
Александр Грин	189
Алые паруса (<i>Отрывки</i>)	192
Айзек Азимов	203
Профессия (<i>В сокращении</i>)	204
Дэвид Амонд	223
Скеллиг (<i>Отрывки</i>)	224
 Словарь литературоведческих терминов	233

Відомості про стан підручника

№ з/п	Прізвище та ім'я учня	Навчальний рік	Стан підручника		Оцінка
			на початку року	у кінці року	
1					
2					
3					
4					
5					

Навчальне видання

НАДОЗІРНА Тетяна Володимирівна
ПОЛУЛЯХ Наталія Сергіївна

**«Інтегрований курс
«Література»
(російська та зарубіжна)»**

**підручник для 7 класу
загальноосвітніх навчальних закладів
з навчанням російською мовою
(російською мовою)**

Рекомендовано Міністерством освіти і науки України

Редактор *І.Л. Столій*

Технічний редактор *О.В. Сідельникова*

Коректор *І.В. Ткаченко*

На обкладинці використано фрагмент репродукції картини І.Айвазовського

Д470024Р. Підписано до друку 12.08.2015. Формат 60×90/16.

Папір офсетний. Гарнітура Шкільна. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 15.

ТОВ Видавництво «Ранок»

Свідоцтво ДК № 3322 від 26.11.2008. 61071 Харків, вул. Кібальчича, 27, к. 135.

Адреса редакції: 61145 Харків, вул. Космічна, 21а.

Тел. (057) 719-48-65, тел./факс (057) 719-58-67.

Для листів: 61045 Харків, а/с 3355. E-mail: office@ranok.com.ua

www.ranok.com.ua

Памятка № 1. КАК ЧИТАТЬ ВЫРАЗИТЕЛЬНО

1. Прочитайте текст внимательно про себя.
2. Определите авторское и собственное отношение к изображенным событиям, героям, переживаниям и подумайте, какая интонация подойдет для его передачи.
3. Определите основную задачу чтения (что вы хотите им передать).
4. Определите, в каких местах текста следует делать паузы.
5. Определите, какие слова, выражения вы хотите выделить силой голоса, интонацией, жестом.
6. Читайте, четко произнося слова, соблюдая паузы в конце предложений, между абзацами и частями текста. Следите за четкостью своей дикции.
5. Выделяйте голосом важные смысловые места.

Памятка № 2. КАК СОСТАВИТЬ ПЛАН ТЕКСТА

А Как составить простой план

1. Разделите содержание текста на законченные смысловые части.
2. Выделите в каждой из частей главную мысль.
3. Озаглавьте каждую часть.
4. Проверьте: из пунктов плана должен получиться короткий, но связанный по смыслу текст.

Б Как составить развернутый (сложный) план

1. Прочитайте текст, разбейте его на законченные части.
2. Каждую часть текста озаглавьте по ведущей мысли — заглавия будут основными пунктами плана. Пронумеруйте их римскими цифрами.
3. В каждой части выделите несколько положений, уточняющих, раскрывающих главные. Озаглавьте и обозначьте получившиеся подпункты арабскими цифрами.
4. Проверьте правильность работы. Заголовки (пункты плана) не должны повторяться.

В Как оставить цитатный план

1. Прочитайте текст, разбейте его на законченные части.
2. Выберите в каждой из частей главную мысль.
3. Запишите выбранные мысли по порядку следования, соблюдая правила оформления цитат.

Памятка №3. ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Определите место героя в системе образов произведения, отношение к герою автора.
2. Охарактеризуйте внешний облик и положение героя в обществе (профессия, окружение, материальное благосостояние).
3. Охарактеризуйте внутренний мир героя: круг его интересов, взглядов и привычек, отношение к другим героям, переживания и чувства.
4. Установите, какие черты личности героя раскрываются с помощью его портрета, речи, поступков, предыстории.
5. Определите, с какой целью создан данный образ, какие вопросы, проблемы он помогает решать в произведении.

Памятка №4. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЕВ

1. Установите, что общего между героями:
 - в умственном отношении (интеллект, образование, взгляды на мир и человека, цель в жизни);
 - в духовном развитии (отношение к людям, положительные и отрицательные качества характера);
 - в социальном плане (материальное положение, профессия, занятия).
2. Определите, что отличает героев.
3. Определите отношение автора (авторов) к героям.
4. Выскажите собственное отношение к персонажам.

Памятка №5. КАК ПОДГОТОВИТЬ ПЕРЕСКАЗ ТЕКСТА

1. Внимательно, не торопясь, прочитайте текст вслух.
2. Обратите внимание на непонятные слова, найдите в словаре их значение.
3. Разделите текст на логически законченные части.
4. Выделите и озаглавьте главную мысль каждой части.
5. Подумайте над видом пересказа (пересказ может быть подробным, кратким, выборочным, от лица какого-либо персонажа).
6. Перескажите текст, придерживаясь последовательности выделенных в нем смысловых частей.

Памятка № 6. КАК ПИСАТЬ СОЧИНЕНИЕ-РАССУЖДЕНИЕ (СТРОИТЬ УСТНОЕ РАССУЖДЕНИЕ)

1. В сочинении-рассуждении необходимо продемонстрировать не только способность размышлять, но также объяснять и убеждать. Поэтому рассуждение должно строиться по схеме:
основная мысль (тезис) → аргументы (доказательства) → вывод.
2. Обдумайте и сформулируйте тезис и аргументы. Составьте план сочинения, отразив в нем количество и содержание аргументов.
3. Напишите (продумайте) рассуждение, следуйте составленному плану.
4. Следите за употреблением местоимений при последовательной связи предложений. В качестве аргументов используйте цитаты.
5. Соблюдайте абзачное членение текста.
6. Сделайте краткий вывод, обобщив написанное (сказанное).

Памятка № 7. КАК НАПИСАТЬ ОТЗЫВ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (КНИГЕ, КИНОФИЛЬМЕ И ДР.)

1. Укажите автора (создателей) и название произведения.
2. Назовите тему произведения.
3. В нескольких предложениях напишите о том, что автор хотел донести своим произведением.
4. Выскажите свое мнение о произведении: что в нем особенно понравилось и запомнилось, какие у него недостатки.
5. Сделайте вывод: о чем произведение заставило задуматься, что нового для вас открыло (если это экранизация книги, то насколько создателям фильма удалось передать ее содержание).

Памятка № 8. КАК РАБОТАТЬ НАД ПРОЕКТОМ

***Проект** — это индивидуальная или коллективная самостоятельная работа по решению какого-либо вопроса, выполнению творческого задания.*

Порядок работы над проектом

1. Выберите тему проекта либо предложите собственную.
2. Определите способ и план подготовки проекта, распределите этапы (части) и время выполнения этих этапов.

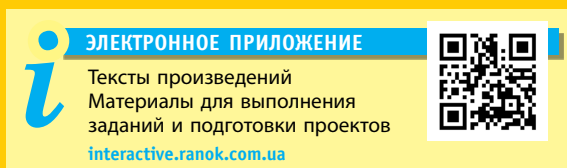
3. Если проект коллективный, распределите среди участников обязанности, чтобы каждый одноклассник отвечал за свой участок работы. В коллективе могут быть:
 - руководитель проекта: организует работу всей группы, отвечает за своевременное выполнение проекта;
 - помощник руководителя: помогает организовывать работу группы, отвечает за представление результатов выполнения проекта учителю и товарищам по классу;
 - библиограф: отвечает за сбор информации из разных источников;
 - компьютерный дизайнер: отвечает за создание компьютерной презентации проекта;
 - художник: отвечает за художественное оформление материалов, которые создаются в ходе проекта.
4. Представьте проект классу. Будьте готовы ответить на возникшие у одноклассников и учителя вопросы по содержанию и оформлению проекта.

Памятка №9. КАК СРАВНИВАТЬ ТЕКСТ ОРИГИНАЛА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО ПЕРЕВОД

1. Определите жанр произведения, его тему.
2. Назовите страну, литературу которой представляет оригинал произведения. Определите, на каком языке написан оригинал.
3. Определите, кто и когда осуществил перевод текста.
4. Если вы изучаете язык, на котором написан оригинал, сделайте дословный (подстрочный) перевод фрагмента произведения.
5. Внимательно прочитайте перевод произведения и сравните его с оригиналом, определите выявленные отличия на уровне содержания (употребление слов и словосочетаний, подбор соответствий в языке перевода) и на уровне воспроизведения художественных особенностей (использование в переводе соответствующих метафор, сравнений, эпитетов).
6. Если для сравнения предлагаются несколько переводов одного произведения, определите, на что обратил внимание каждый из переводчиков.
7. Сделайте вывод, насколько перевод соответствует оригиналу, удалось ли переводчику передать художественное своеобразие переводимого произведения.

Особенности учебника

- Все тексты произведений, рекомендованные Программой
- Факты о жизни писателей, необходимые для лучшего понимания их творчества
- Широкий диапазон видов учебной деятельности

К учебнику выпускается

- Тетрадь для контроля учебных достижений учащихся
- Методическое пособие для учителей

ISBN 978-617-09-2484-1

9 786170 924841

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РАНОК

Учебно-методическая литература издательства «РАНОК»

ВСЕ КНИГИ ЗДЕСЬ!

КУПИТЬ: WWW.RANOK.COM.UA

ЗАГРУЗИТЬ: WWW.E-RANOK.COM.UA

ЗАКАЗАТЬ: (057) 727-70-90, pochta@ranok.com.ua

e-RANOK рекомендует:

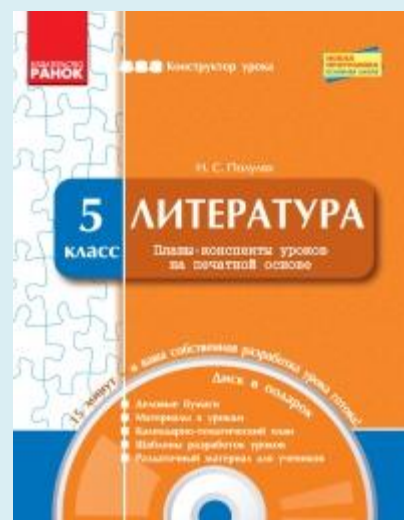
Электронные книги

Литература. 6 класс:
Календарное
планирование.
Современный мастер-
класс

Читайко. 3 клас. Робочий
зошит з літературного
читання: до підручника
В.О.Науменко

Литература. 5 класс:
планы-конспекты уроков
на печатной основе
(Серия «Конструктор
урока»)

Нам интересно
Ваше мнение!

Мы в социальных сетях:

Покупайте лучшие
электронные книги
на e-ranok.com.ua